

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ

Лейтмотивы культурной дипломатии Конфедеративных Штатов Америки в годы Гражданской Войны в Соединённых Штатах 1861–1865 гг. *Садовников Н.А.*..... 3

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Отношения между Таиландом и Россией в период текущего глобального кризиса. *Пунгчиненгам К.*..... 15
Концепция политической идентичности в публичной дипломатии США и Российской Федерации. *Садовников Н.А.* 20

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

Территории традиционного природопользования: сохранить культуру и традиции этноса в эпоху глобализации. *Ширинен Р.П.* 31

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Взаимосвязь категорий «Правовая культура» и «Экология души» в теории и практике. *Цветикова Т.В., Оксамытный В.В.*..... 36

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сравнительный анализ принципов гражданского процессуального права в России и во Франции. *Прошина Д.В.*..... 41
Паломничество и религиозный туризм: вопросы законодательного регулирования. *Чернякова С.А.*..... 44

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОТВОРЧЕСТВА

Значение Дополнительного протокола к Конвенции против применения допинга 1989 года. *Орлов А.А., Захарова Л.И.* 49

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Определение и классификация понятия «злоупотребление процессуальными правами» в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве. *Качмарев М.В.*..... 54

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профзаболеваний: законодательство зарубежных стран. *Мамаев Э.А.*..... 59

Журнал входит в Перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

Учредитель: ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016

ISSN 2587-831X

Подписной индекс Роспечати 65001

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru

Сайт: http://zakonivlast.ru/

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет
Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Конышев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурьшев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартынов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии

ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Подписано в печать: 08.11.2022

Цена свободная

Тираж 300 экз.

Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

List of References

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGIES

Keynotes of Cultural Diplomacy of the Confederate States of America during the Civil War in the United States, 1861–1865.
Sadovnikov A.N. 3

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

Relations between Thailand and Russia during the current global crisis. *Pungchingnggam K.* 15
The Concept of Political Identity in the Public Diplomacy of the USA and the Russian Federation. *Sadovnikov N.A.* 10

POLITICAL REGIONALISTICS. ETHNOPOLICY

Territories of traditional nature management: to preserve the culture and traditions of the ethnic group in the era of globalization.
Shirinen R.P. 31

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY

The relationship between the categories "Legal culture" and "Ecology of the soul" in theory and practice. *Tsvetikova T.V.*,
Oksamytny V.V. 36

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY

Comparative analysis of the principles of civil procedural law in Russia and in France.
Proshina D.V. 41
Pilgrimage and religious tourism: issues of legislative regulation.
Chernyakova S.A. 44

TOPICAL ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

Significance of the Additional Protocol to the 1989 Anti-Doping Convention. *Orlov A.A.*,
Zakharova L.I. 49

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

Definition and classification of the concept of "abuse of procedural rights" in civil, arbitration and administrative proceedings.
Kachmarev M.V. 54

OVERSEAS EXPERIENCE

Social insurance against accidents at work and occupational diseases: legislation of foreign countries. *Mamaev E.A.* 59

Лейтмотивы культурной дипломатии Конфедеративных Штатов Америки в годы Гражданской войны в Соединённых Штатах 1861–1865 гг.

Садовников Никита Алексеевич

аспирант факультета международных отношений, Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ),
st043079@student.spbu.ru

Конфедеративные Штаты Америки за крайне недолгие годы своего существования, всё-таки сумели оставить свой след в международных отношениях XIX века. Длительная борьба за признание в качестве субъекта международного права помимо традиционных переговоров на высшем уровне, впрочем, не увенчавшихся успехом, вынуждала искать сочувствия и поддержки за рубежом, как в Европе, так и среди населения Союза вне «кабинетов». В этой работе автор рассматривает культурно-идеологический обмен между КША и странами Европы, нацеленный на привлечение союзников и поиск общностей среди акторов на международной арене.

Ключевые слова: Гражданская Война в США 1861 – 1865, КША, Конфедеративные Штаты Америки, культурная дипломатия, мягкая сила, идентичность.

Введение

Вопреки ожиданиям Конфедеративные Штаты Америки не смогли стать субъектом международного права. Не оправдав ожидания военных побед, возложенные на отделившиеся 11 штатов со стороны потенциальных Европейских союзников, помимо уже занятой «экологической ниши» сырьевого рынка КША могли привлечь на свою сторону население государств по ту сторону Атлантики попытками вызвать симпатию к борьбе против Союза. Учитывая, что дипломатия КША также являлась в какой-то мере «публичной», одновременно стоя на грани парадипломатии непризнанных государств, дипломаты которого в данном случае были заявлены как «торговые представители». В попытке привлечь на свою сторону если не союзников, то хотя бы сочувствующих них прозвучало множество различных идеологических линий, зачастую противоречивых, и направленных лишь на единственную цель – достижения цели в виде сохранения независимости отделившихся 11 штатов даже в условиях боевой ничьей, которая вряд ли была возможна без вмешательства союзников из-за Океана. Это были и последние попытки сыграть на британском антиамериканизме, и попытки сыграть на чувствах колониальной великодержавности европейцев, и выставить себя защитниками истинной демократии. Однако если экономическая сторона вопроса остаётся, в целом, очевидной, как неоколониальная экспансия Британской и Французской короны на американский континент, то в культурно-идеологическом плане мотивация поддержки КША во многом куда более разнообразна. К тому же, культурно-идеологический обмен был во многом вынужденной мерой, так как статус непризнанного государства ограничивал спектр применяемых инструментов «традиционной дипломатии». По какой причине культурная дипломатия Конфедерации потерпела поражение? Имела ли она хотя бы иллюзорные шансы добиться успеха за счёт моральной поддержки «на низовом уровне»? Вышеупомянутые вопросы обуславливают **актуальность** данного исследования.

Цель данного исследования: выявить наиболее эффективный идеологический концепт, обеспечивший поддержку КША за рубежом.

Методология: сравнительно-исторический анализ, системный анализ, контент-анализ, кейс-стади, моделирование, статистический анализ.

Структура работы: данная работа представляет собой материал, разделённый на введение и три главы, заключение, список используемых источников и литературы. Во введении поставлена цель и определены основные задачи данного исследования, установлена композиция исследовательской работы. Главы основной части данной работы разделены на три неравные части по принципу «теоретическая часть + эмпирические данные». В заключении приведены основные выводы.

Идеологические обоснования южного сепаратизма на службе Конфедерации.

Также необходимо помнить, что представляло собой в идеологическом плане Южное Общество, и почему фундаментом для закладывания особой «южной идентичности» стала экономическая и демографическая дихотомия Севера и Юга, связанная с историей основания первых британских поселений в Северной Америке.

Первой колонией на американском континенте, вокруг которой начал зарождаться один из идейных концептов этой идентичности, являлся Джеймстаун, впоследствии – центр Вирджинии, ядра будущей Конфедерации. В идеологическом плане Джеймстаун также стал одним из трёх главных центров формирования будущей «общамериканской идентичности» британских поселений в Северной Америке, наряду Новым Плимутом и Пенсильванией, сформировавших в значительной мере идентичность «северную», и трёх религиозно-философских концептов. Каждый из них являлся отражением как цели переселенцев, так и их социального происхождения и экономико-географического положения колонии [1].

Вирджинская концепция «Благочестивой земли Христовой» («Pious and Christian Plantation») пусть и родилась как сочетание «закона Божьего, нравственного и воинского»[7], но создавалась с отличиями от новоанглийского «Града на Холме» и провозглашённого Пенном «Божьего эксперимента». Изначально Джеймстаун был торговой факторией, основанной капитаном Дж. Рольфом с единственной целью – получения прибыли от выращивания табака и других культур, не прижившихся в метрополии. По социальному происхождению «движущая сила» колонизации Вирджинии состояла из мелкопоместных провинциальных дворян, часто – не имеющих право на наследство, а также городские ремесленники, мещане и солдаты, вышедшие из высшего крестьянства (йоменов), цель которых была в обогащении путём обхода всех сословных препятствий, существовавших для них в метрополии. Сравнительно мягкий климат, располагающий к сельскому хозяйству и изначальная нацеленность основателя Джеймстаунской фактории Дж. Рольфа на выращивание и экспорт в Европу табака, наличие удобных естественных торговых путей в виде обширной речной сети – всё это предопределило плантационный тип производства, а отсюда – и преимущественно экстенсивный способ развития экономики, с необходимостью расширения вглубь ин-

дейских территорий, и, как следствие, низкой урбанизацией с преобладанием практически исключительно сельских поселений (как локальных «перевалочных пунктов») вместо городов (кроме относительно небольшого Уильямсбурга), в которых бы концентрировалась культурно-экономическая жизнь колонии[1]. В духовно-идеологической сфере население Вирджинии также отличалось от Нового Плимута. Это были преимущественно последователи англиканской церкви, не вступавшие в конфликт с господствующей идеологией, не подвергавшиеся преследованиям и гонениям, в отличие от населивших Массачусетский залив радикальных пуританских сепаратистов. Отсюда – изначальное воспроизведение (пусть и в меньшей мере) социально-экономической модели метрополии, от которой колонисты поселений к северу от Гудзона так или иначе стремились отказаться.

Тем не менее, идентичностное расхождение с метрополией всё-таки стало возможным. Во-первых, удалённость от метрополии не обеспечивало должного функционирования сословного строя. По словам же Ф. Эббота, «Вирджинская утопия» стала экспериментом по пересадке классического английского джентри, но без препятствий в виде знатных семей и бросавших им вызов в самой Англии городских масс – сообщество, которое пытались создать поселенцы, было одновременно консервативным и радикальным, одновременно стремясь имитировать существующие социальные модели и предполагая, что эти модели можно мгновенно воссоздать в другой чуждой среде»[1]. Ещё большой разрыв – теперь уже административный – произошёл в июле 1619 года, когда губернатор Дж. Йердли организовал разделение власти между наместником из метрополии и Палатой Бюргеров, таким образом, организовав первое в Западном Полушарии демократически избранное законодательное собрание и заложив демократизм как одну из составляющих «южной протоидентичности», существуя и после реформирования Компании в территорию под прямым управлением британской короны.

Во-вторых, в условиях необходимости сохранить рентабельность предприятия вскоре произошла смена так и не народившегося сословного гнёта расовым. Первые африканцы, пока ещё не рабы, а батраки, завезённые в том же 1619 году из Анголы, были отчаянной попыткой спасти терпящие убытки табачные фактории из-за роста популярности этого продукта в Европе, сложностями с его выращиванием и уже упомянутым экстенсивным характером производства, а главное – отсутствием прямого регулирования и невозможностью реализации сословных отношений между крупными землевладельцами и йоменами[1]. Введённая годом ранее для привлечения рабочей силы из метрополии система хэдрайтов, позволявшая прибывающим белым йоменам рассчитывать на земельный участок от 1 до 1000 акров и сыгравшая колоссальную роль в колонизации земель к Югу от Гудзона на рубеже XVII XVIII веков, себя в качестве способа решить недостаток рабочей силы не

оправдала. В итоге этот ход, с одной стороны, уничтожил Вирджинию как «мечту белого йомена», но вместе с тем сохранил от разрушения демократическую традицию, разделив общество по расовому признаку[26]. Это позволило выходцам из низших сословий и йоменам вскоре почувствовать некое превосходство, которое вскоре вылилось, по словам Д. Бурстина, в «Бесстыдное подражание лондонским аристократам»[5]. Вскоре эта важная составляющая экономики юга становится не только её основой, но и, волей-неволей, частью идентичности – настолько, что в знаменитом акте XVI, прекращая межрасовые браки и узаконившем рабство в Вирджинии, термин «белый» указывался, как социальный статус[2]. Даже в дальнейшем признавая запрет на трансатлантическую торговлю (а, следовательно, таким образом, рубившая тот экономический сук, на котором сидел аграрный Юг) незавершённая конституция КША была столь же противоречивой в отношении положения её в «южной идентичности» так как институт чернокожего рабства в конституции был объявлен статьёй IV подлежащим защите и сохранению со стороны Конгресса и территориальных правительств штатов, к тому же секция 2(1) данной статьи о праве на свободу перемещения содержала формулировку «перемещаться и проживать в любом штате данной Конфедерации, вместе со своими рабами и собственностью, и это не должно ущемлять их права на вышеупомянутых рабов»[30].

В-третьих, даже изначально лояльная метрополия колония была способна продемонстрировать свою непокорность в случае неспособности колониальной администрации исполнять свои обязанности перед белым населением. Поворотной точкой в возникновении «южного сецессионизма» стало восстание в колонии под прямым управлением короны Н. Бэкона в 1676 году, из запланированной антииндейской операции переросшей в мятеж против неэффективного управления У. Беркли, отказавшего в предоставлении защиты йоменам и белым землевладельцам, терпящим нападения коренного населения. За свой отказ губернатор был обвинён в защите интересов коренного населения, и, помимо прочего, в кумовстве и непомерным взиманием налогов с колонистов[29]. По происхождению плантатор, Бэкон стал выразителем интересов, в первую очередь, именно белого йомена, разгромив в лице Беркли нарождающееся воспроизведение сословной модели в отношении белых поселенцев незнатного происхождения[1]. Несмотря на внезапную смерть Бэкона и подавление восстания со стороны прибывших из метрополии войск, Беркли был отправлен в отставку, а в сознании белого населения закрепилась мысль о несправедливом отношении своего статуса колониальной администрацией, если она не отвечает возложенным для неё обязанностям. Именно оглядываясь на Бэкона считавший его патриотом и тираноборцем Т. Джефферсон, тоже уроженец Вирджинии, сформирует свои представления о «естественной аристократии», как о противовесе «искусственной» (сословно-родовой), основанной на благосостоянии и происхождении,

но не отличающейся «ни талантом, ни добродетелью», в отличие от «естественной», у которой «природный талант и добродетель», «самый ценный дар природы для обучения занятию ответственного положения и управления обществом», как раз присутствуют[19]. Так это восстание стало ещё одной поворотной точкой в формировании «Южной протоядерности». Впоследствии А. де Токвилль напишет, что класс белых йоменов к XVIII веку уже отличался от своих предков, выйдя в статус парвеню. Население Джеймстауна принесло из метрополии общие сословные атрибуты, такие как английское право наследования земли и «сословное сознание», но вместе с тем, ни привилегий, ни влияния европейского дворянства они не принесли на американский континент, а отсутствие системы патронажа вследствие использования рабского труда, отсутствие закрытости для белого населения из «низов», малые культурные отличия от основной массы населения сделало землевладельцев Юга неустойчивым и слабым классом в условиях жизни при британской колониальной администрации, а потому они и стали движущей силой Войны за Независимость[26].

Таким образом, три базовые составляющие «южной идентичности», которые как могли сблизить КША с некогда бывшей метрополией и европейскими союзниками, так и отдалить от них, имели давнюю традицию, упирающуюся в историю колонизацию земель к Югу от Гудзона, и эта корпоративная идентичность Южных Штатов и послужила источником всех будущих политических векторов и повесток, которые будущая Конфедерация использовала в качестве инструментов культурной дипломатии.

Внешнеполитическая обстановка как фон для использования лейтмотивов культурной дипломатии

Однако в эпоху, когда культурная дипломатия лишь зарождалась не то что как альтернатива, а хотя бы как дополнение к дипломатии «традиционной», основная борьба шла на фронтах парадипломатии непризнанных стран. «Парадипломатией» мы называем дипломатические миссии Конфедерации потому что выразители интересов самопровозглашённого государства имели статус торговых представителей. Первоначально это были торговый представитель во Франции П. Рост и представитель КША в Британии, Бельгии и Ватикане Э. Манн, главой делегации был У. Янси. В 1862 году их сменили фигуранты «Дела Трента» Дж. Слайделл и Дж. Мэйсон соответственно. Координировал их деятельность «госсекретарь» Дэвиса Дж. Бенджамин. Несмотря на попытки добиться дипломатического признания, а в перспективе получить военную помощь у ряда европейских стран (Пруссия, Австрия, Бельгия, Россия, Испания и т. д.) в данной работе будет рассмотрено франко-британское направление сотрудничества. Во-первых, именно эти страны могли представлять прямую угрозу США вследствие конфликта интересов в Западном Полу-

шарии. Во-вторых, налаженные ещё до войны торговые связи, прежде всего, «хлопковая монополия», которой пользовался Довоенный Юг. В-третьих, именно в отношении Франции и Великобритании была развёрнута наиболее активная и многоуровневая пропагандистская компания, требующая сконструировать корпоративную идентичность и добиться её примата над социальной, конструируемой в отношении КША со стороны Вашингтона.

А интересы Лондона и Парижа в Северной Америке неизбежно сталкивались с сопротивлением Союза. В первом случае, это была постоянная угроза британским владениям в Канаде, с которой Вашингтон находился в состоянии «вечно подвешенной недружбы» и вялотекущей гонки вооружений. Правительство же Наполеона III, заинтересованное в строительстве трансокеанского канала, в качестве своей сферы влияния рассматривало Мексику. В обоих случаях попытки ведущих европейских держав преследовать свои интересы наткнулись на неизбежное противодействие САСШ в рамках «Доктрины Монро», и наличие «противовеса» Вашингтону в виде дружественного государства на Юге континента помогал этих целей добиться[13]. К тому же, южные штаты серьёзно рассчитывали на торговлю с двумя Францией и Британией, доля которой перед войной составляла 70% от общеамериканской[20]. Вышеупомянутая «Хлопковая монополия», которая, по словам экс-президента Дж. Тайлера за десять лет до войны «поставила все страны мира у ног Южных Штатов», ибо по словам Г. Вайза, «нам не нужна ни армия, ни флот, ибо правит нами Король Хлопок»[14], из этих 70% составляла уже 75%, в обмен на промышленные товары. Всё тот же Тайлер в момент образования конфедерации объявлялась важной экономической составляющей, без которого не обойдутся северяне[14].

В действительности же эта монополия оказалась не столь могущественной, как предполагалось. С одной стороны, Союзной морской блокаде удалось вызвать цепь кризисных ситуаций. Так, в конце 1861 года случился знаменитый «Ланкаширский хлопковый голод», спровоцировавший упадок текстильной отрасли. Аналогичная ситуация произошла и во французских регионах сосредоточения текстильной промышленности – Нормандии, Нанте, Руане и Лионе, из-за катастрофического падения импорта с 109 тыс. тон до 295 в 1862 году[15] и заставил французских промышленников задуматься о поддержке КША[15]. С другой же, даже многочисленные сокращения и увольнения на британских и французских предприятиях и даже потери прибыли промышленниками не поколебали ни правительство Пальмерстона, ни Наполеона III. Даже несмотря на упадок добычи хлопка, его цена выросла лишь на 20% от довоенного уровня[14]. О значении хлопковой монополии как о политическом козыре красноречиво говорит тот факт, что в кризисном 1862 году планируемое и подогреваемое общественным мнением КША хлопковое эмбарго, о котором экс-президенты-Южане говорили, как о способе «бросить весь мир к ногам Юга», так и не было

реализовано[27], и в итоге Слайделл предлагал французскому правительству запасы хлопка по сниженным ценам[31]. В этих условиях пресловутая 70-процентная доля в торговле с Францией и Британией красноречиво намекала на большой промышленный потенциал Северных Штатов и их способность к самообеспечению.

Помимо морской блокады, не снижалось и дипломатическое противодействие Союза признанию КША, и во многом – благодаря известному активной антибританской позицией госсекретарю У. Сьюарду, не брезговавшему прямыми угрозами военного конфликта. Фактически, его «Меморандум №10», отправленный послу США в Великобритании Ч. Адамсу склонил чашу весов в Лондоне в сторону заморозки, а потом уже и отказа от официального дипломатического признания Конфедерации путём угрозы оккупировать приграничные канадские провинции: «Расшириться на север взамен утраты юга»[35]. Столь же успешно, пусть и при меньшем содействии Сьюарда, действовал посол в Париже У. Дейтон. Именно его длительные переговоры с министром иностранных дел Э. Тувенелем, ещё одним противником признания КША, в итоге помог склонить Наполеона III к мысли об установлении дипломатических отношений с Ричмондом только после того, как своё слово скажет Лондон, намекая, что рассредоточение сил вдали от метрополии сможет развязать руки для нападения противникам Франции, прежде всего, Пруссии, а также напрямую сообщая о возможной высадке войск САСШ в Мексике[13].

Таким образом, переход к культурной дипломатии стал для южан вынужденным решением, поскольку стандартная процедура дипломатического признания оказалась невозможна из-за постоянного противодействия Вашингтона, причём больше, чем прямые угрозы, склоняли к решению за гранью дипломатических кабинетов именно «полумеры» на пути признания Конфедерации. Так, Королевская Прокламация о Нейтралитете 1862 года, признавшая КША воюющей стороной[34], пусть и вызвала опасения Вашингтона не меньшие, чем «Дело Трента», но для Юга также стала прозрачным намёком на то, что стандартная процедура дипломатического признания маловероятна, не говоря уже о полномасштабной военной помощи, а потому и «подстегнула» культурную дипломатию, так как из полного отказа от установления дипломатических отношений фактически единственным выходом была трансляция своей корпоративной идентичности населению государств, поддержки которых КША так добивались. Благо, идеологическая база выросшая из утопии о «Благочестивой земле Христовой», складывающаяся десятилетиями, для этого уже была подготовлена.

Лейтмотивы антиамериканизма в борьбе с Союзом

Было бы несколько неверным называть подобные настроения антиамериканскими, ибо воплощали их, прежде всего, граждане, идентифицирующие себя, как американцы[24], но здесь мы будем

говорить именно об антиамериканских настроениях, бытовавших в государствах, партнёрство с которыми стремилась наладить Дипломаты Конфедерации старалась уравнивать антиамериканские настроения с неприятием политики Вашингтона, а не жителям американского континента. В условиях крайней полярности мнений, как в Туманном Альбионе, так и во Франции, в отсутствие официального дипломатического признания конструирование «Южного протонационального бренда» должно было убедить в близости идеалов с потенциальными союзниками.

Антиунионизм был центральным лейтмотивом культурной дипломатии КША в отношениях с Великобританией и Францией и наиболее просто реализуемым, ибо рассчитан был, в первую очередь, на правящие круги, имеющие экономические и политические интересы в Западном Полушарии. Однако, помимо общего препятствия в виде «Доктрины Монро» существовали и «региональные линии», и здесь выделяется «британское направление». Антиунионизм здесь пытались активно замешать на реваншизме, не покидавшем умы многих британских политиков после поражения в англо-американской войне. Так, реваншизм процветал в палате лордов, и премьер-министр Дж. Пальмерстон, пусть и крайне негативно относившийся к США, с трудом сдерживал порывы многих крупных политиков, ядром которых были сторонник рабовладения и канцлер казначейства У. Гладстон, лидер партии Тори Э. Стэнли, 14-й граф Дерби, спикер палаты Общин Дж. Роубак, «Корабельный король» У. Линдси и особенно губернатор Цейлона У. Грегори, в феврале 1862 года сообщавший Мэйсону о том, что девять из десяти депутатов в обеих палатах Парламента ратуют за дипломатическое признание КША[12]. Грегори не солгал: к концу 1861 года вокруг вышеупомянутых политиков из деятелей преимущественно консервативных кругов было сформировано проконфедератское лобби, наиболее активную позицию в котором занял Роубак, активно использовавший в своих выступлениях реваншистскую риторику. Так, после победы конфедератов при Чанселорсвилле Роубак выступил с речью, в которой призывал к признанию КША совместно с Францией не только ради мести за поражения прошлого, но и чтобы защитить Европу от растущей мощи Соединённых Штатов, которых может ослабить лишь разделение. «Признание окончит эту войну!» - заявил депутат 30 июня 1863 года[12]. Удержать проконфедератское лобби смогла лишь вышеупомянутая Прокламация о Нейтралитете и сопротивление Пальмерстона и Рассела.

Главным же рупором антиунионизма и проконфедератских взглядов в Британии в среде массовой информации стало издательство *The Index*, пользующаяся определённой популярностью как среди привилегированных классов, так и низших слоёв населения, и его главный редактор, симпатизант Старого Юга Г. Хотце. Методика воздействия на аудиторию была крайне простой: публикация статистических данных, культурных очерков и обзор

новейших событий под выгодным для Ричмонда углом[17], одновременно пытаюсь демонизировать САСШ. Так, удобным козырем помимо «Хлопкового голода» стала сама фигура госсекретаря САСШ Сьюарда и его нескрываемая ненависть к Лондону, и она вполне сталкивалась с господствующими антиамериканскими настроениями в палате Лордов, сдерживавшихся премьер-министром изо всех сил. Однако и осторожного Пальмерстона удалось вызвать на антиунионистские порывы, когда в ноябре 1861 года произошёл инцидент с почтовым судном «Трент», на котором следовала в Европу замена для Янси и Роста, Мэйсон и Слайделл. Само судно было остановлено фрегатом САСШ «Сан-Хасинто», а дипломаты захвачены в плен и отправлены в бостонский Форт-Уоррен[27]. Инцидент был воспринят Сент-Джеймским кабинетом как оскорбление, и нейтралитет Лондона пошатнулся с этим кризисом. За раздувание скандала вокруг инцидента вступился Хотце. Так, в статьях посвящённых «делу Трента» указывалось на нарушение международного морского права, угрожало нейтралитету и наносило непоправимый урон национальному престижу Великобритании, а капитана «Трента» обвиняло в государственной измене и потворству одной из сторон, так как он позволил задержать дипломатов КША[17]. Тем не менее, как известно, кризису ценой усилий как Сьюарда, так и его британского коллеги У. Рассела, поддерживавшего исключительно нейтралитет в отношении Гражданской Войны в США, прямого вмешательства в конфликт Британия удалось избежать. После окончательного принятия в октябре 1862 года курса на нейтралитет в конфликте, прямой антиунионизм сменился попыткой сделать этот нейтралитет враждебным Вашингтону. Хотце столкнулся с фактом, что как *The Index*, так и число сторонников Конфедерации в Туманном Альбионе с каждым месяцем всё больше склоняется к старой земельной аристократии, к богатому и имеющему доступ к политическим решениям, но всё-таки меньшинству, и потому использовалась любая кризисная ситуация, чтобы сплотить все возможные классы на волне антиунионизма. После «Дела Трента» таковым стал вышеупомянутый Ланкаширский Хлопковый голод, и здесь Хотце вещал уже через *The Independent*, ставший выразителем чаяний британского пролетариата, в то время как *Index* отошёл консервативной аристократии. В обзорных статьях он обвинял в упадке текстильной промышленности морскую блокаду Севера, а также пытался воздействовать на аудиторию через страх социальных потрясений, которые ждут страну из-за закрытия торговли с КША[17]. Воззвание, тем не менее, потеряло силу после того, как текстильная промышленность начала медленно восстанавливаться после поставок хлопка из колоний. Однако теперь Хотце, осведомлённый об отчаянных мероприятиях Дж. Бенджамина в поисках поставщиков оружия в условиях морской блокады, занимался постоянными поисками фирм, готовых в частном порядке оказывать военную поддержку, пусть и в обмен на хлопковый

бартер или по завышенным ценам. Так, ему удалось склонить к помощи судостроительную фирму Trenholm, Fraser & Co, снабжавшую Юг знаменитыми «прорывателями блокады», а также несколько производителей стрелкового оружия, к примеру, Лондонскую Оружейную Мануфактуру, ставшую главным поставщиком мушкетов и револьверов для армии КША[17].

Во Франции антиунионизм также пробивал себе непростой путь. Главным препятствием этой повестке на французском направлении встал министр иностранных дел Э. Тувенель, бывший сторонником союза с Вашингтоном против Лондона, и угроза Сьюарда оккупировать канадские территории его очень сильно привлекла, как способ отвлечь британские силы на решение канадского вопроса[15]. Пусть в 1862 году Тувенель был отправлен в отставку из-за разногласий с Наполеоном по Римскому Вопросу, задача распространения антиунионистских взглядов осложнялась, в отличие от Британии, тем фактом, что французское общество фактически не имело конфликтов с САСШ, чтобы утверждать о наличии в обществе антиамериканских настроений, не говоря уже о едином проконфедератском лобби. Поэтому выработка антиунионистского курса шла «здесь и сейчас», и наиболее быстрым способом стало использование хлопкового кризиса и морской блокады. Обычно выразители про-южных взглядов ориентировались в этом плане на крупных промышленников, чьи доходы резко упали после резкого сокращения торговли с Югом, однако также они пытались достучаться и до страдающего от безработицы пролетариата. Так Paus, главный выразитель проконфедератских взглядов в парижской прессе, во время пика кризиса в текстильной промышленности 1862-63 годах писал о потере работы 2/3 всех занятых в отрасли и разрушения её морской блокадой САСШ[3]. При куда меньших хлопконосных территориях, нежели у Британской империи, торговая блокада САСШ выглядела куда большей угрозой благосостоянию промышленников, а в условиях роста цен на хлопок в зависимости от положения на фронтах у капиталистов появился стимул желать Ричмонду скорой победы ради сохранения доходов и удержания рабочих от забастовок[15]. Самым большим успехом выражения антиунионизма, реально повлиявшим на ход боевых действий, стал двадцатилетний займ в 3 млн. фунтов у известного банкира Э. д'Эрланже[9], впоследствии потраченный на усиление флота Конфедерации и выплату долгов британским оружейным фирмам[9]. Это событие бесспорно можно считать самым успешным проявлением антиунионизма на французском направлении. Впрочем, попадались и издатели, действовавшие на позициях национализма. Так, *Constitutionnel* заигрывало с принципом национальности, проповедуемого Наполеоном III, и объявляло северян «Чуждым народом, происходящим от круглоголовых и тевтонцев, в то время как южане представляли собой «в сущности, близкие нам люди, происходившие из населения бывших Североамериканских колоний, сохранивших наши обычаи, верования и

даже язык»[3], а *Le Monde* развило этот лейтмотив, объявляя конфликт неизбежным следствием «врождённых противоречий англо-саксонской завоевательской природы Севера, желающих сокрушить процветающий Юг»[15].

Так, антиунионизм стал тем направлением, на котором культурная дипломатия конфедератов имела реальные успехи, однако главных целей – дипломатического признания и перспективного вмешательства в войну – он не достиг. Почему карта эксплуатации и взращивания ненависти к Вашингтону оказалась бита?

Помимо проблем, истекающих из других лейтмотивов культурной дипломатии, не учли дипломаты Конфедерации и тот факт, что просят помощи у двух серьёзных соперников за передел мирового пирога, чьё сотрудничество в отсутствие реальной угрозы интересам, какой оказалась Крымская война, также маловероятно. Соединённые штаты казались им куда менее существенным противником, чем участвующая в разделе Османской империи Россия или набирающая силу Пруссия, а потому каждый из претендентов на признание КША расценивал не только участие в войне на стороне Юга, но и его дипломатическое признание как способ отвлечь соперника и решить проблему спорных сфер влияния.

Но самым весомым аргументом против поддержки КША в Британской и Французской Империях была международная обстановка и непрерывные колониальные конфликты вдали от метрополии. С момента окончания победоносной, но непростой для союзников Крымской войны не прошло и десяти лет[27], и отправляться далеко за океан находилось всё меньше и меньше желающих. Во многом благодаря угрозе об оккупации Канадских провинций население Туманного Альбиона, ещё толком не оправившееся от Балаклавы и Малахова Кургана, оказалось в стороне от антиамериканизма даже помня 1812 год, не говоря уже о том, что карта континентальной Европы в эти моменты перекраивалась на глазах.

И напоследок, препятствия для воплощения антиунионистской позиции возникали и в самом южном обществе. Так, реваншистские настроения, на которые так рассчитывал Янси, проснулись и у самих Южан, помнивших кампанию 1812 года, одновременно ожидавших, что признание страной, правительством которой также полно тех, кто помнит сожжение Вашингтона и не делает разницы между Севером и Югом, будет происходить на исключительно кабальных условиях[4]. Британская империя казалась неприемлемым союзником и вследствие экономических провалов по принуждению признания КША со стороны нищающего за счёт упадка хлопковой промышленности британского пролетариата, а также продолжения активной морской торговли с САСШ и, фактически, потворство морской блокаде Юга. Издательства *Richmond Whig* и *Public Advertise* что «Лондону только и остаётся ждать, как Север и Юг сожрут друг друга», а в КША Британия видит исключительно конкурента в области текстильной промышленности, разорить и уничтожить

сам жизненный уклад которого ей выгоднее, нежели признать[4].

Антикапитализм. Поскольку Гражданская война была, в том числе, и столкновением двух экономических моделей, где аграрный рабовладельческий Юг противостоял капиталистическому Северу, то под удар попал социально-экономический строй САСШ. Эта повестка проистекала напрямую из экономической модели южных штатов и сохранившегося за счёт перехода от сословного гнёта к расовому, «джентризма как составляющей «южной протоидентичности». Она также казалась вполне актуальной, так как совпала с «консервативным подъёмом», главным образом, во Франции, нежели Великобритании, и была рассчитана на старую родовую аристократию Европы. Реакционно-полицейский режим Наполеона III, опиравшегося как на «новую» бонапартистскую знать, так и на старое дворянство времён Реставрации Бурбонов, мог, несмотря на противоречия между этими консервативными кругами, стать выразителем поддержки близкого по духу класса и носителем «сословного самосознания»[3]. Более того, такие издательства, как *Presse*, выражали господствующие во Франции настроения «последнего шанса» аристократов сохранить своё влияние в условиях эволюции капитализма и развития рабочего движения. Это издательство объявило войну «продолжающимся противостоянием Кавалеров с Круглоголовыми», где «хорошей» стороной объявлялись «Кавалеры»-южане, близкие по духу французскому дворянству, как бурбонскому, так и бонапартистскому[3]. Однако и британское сословное общество в значительной мере было восприимчиво к антикапиталистическим веяниям, опять-таки, из-за антиунионистского представления о северянах, как о нещадных эксплуататорах своих же соплеменников. Антагонизм старой земельной аристократии и буржуазии, выливающийся в парламенте в противостоянии Виггов с Тори, сопровождавший упадок земельной аристократии. На юге же британских дворян привлекал схожий образ жизни, а также наличие многочисленных родственных связей, которые, согласно всё той же «джентрийской» составляющей «Благочестивой земли Христовой». Подогревали эти воззрения такие влиятельные британские издания, как *London Times* и *Economist*, ставя знак равенства между южными плантаторами и сельскими джентри, живущими на доходы со своих поместий, таким образом воспроизводя истоки «южной протоидентичности» и аналогично транслируя её в британское общество как такую же часть «сословного самосознания»[4].

Главным идеологом антикапитализма на Юге был социолог Дж. Фитцхью, опиравшийся в своих воззрениях на опыт строения капитализма свободной конкуренции в Северных Штатах, и вполне ожидаемо, что именно его – «бич современного общества» – Фитцхью противопоставил как южному, так и европейским общественным укладам[8]. Главными и неустраняемыми пороками капитализма Отчуждение пролетариата от результатов труда и нещадная эксплуатация без какой-либо заботы о

судьбах собственных тружеников, что порождает войну богатых с бедными, а бедных – друг с другом за право быть нанятыми на работу[8]. Подтверждение превосходству плантаторского рабовладения на фоне незавидного существования рабочих предприятий северных штатов Фитцхью видел в высокой стоимости рабов и их содержания, необходимости обеспечивать каждого раба одеждой и жильём (так как фактически были лишены гражданских прав – курсив и прим. автора). Более того, Фитцхью уверял своих читателей в высоком моральном облике чернокожих рабов, ссылаясь на криминальную хронику Северных штатов и подчёркивая тот факт, что ни один невольник за всю его жизнь не убил ни одной женщины[8]. Что интересно, стараясь подчеркнуть экономическую и моральную пагубность капитализма, Фитцхью активно использовал марксистскую риторику и «методологию», так как опирался в своих суждениях на труды Гегеля и его учеников, в том числе и самого Маркса, однако, вместе с тем являлся противником и нарождающегося социализма, как угрозы традиционным ценностям, частной собственности как ядру американского общества и вообще, человеческой природе[8]. Эта двоякая позиция также могла привлечь как старую аристократию, так и «новое дворянство», владеющее тем или иным крупным бизнесом, обеспокоенное развитием рабочего движения – особенно французы, пережившие кризисное восемнадцатилетие «Июльской монархии». Таким образом, рабство объявлялось им «гармоничным сочетанием труда и капитала», так как вбирало в себя самое лучшее от феодализма[8]. Забегая вперёд, как и в нижеупомянутом лейтмотиве «Южного демократизма», сторонники антикапиталистического подхода пытались провести параллель Старого Юга и греческой демократии, в которой подчёркивались такие свойства будущих США, как стабильность и неизблемость традиционных ценностей. К греческой же демократии идеологи-антикапиталисты старались возвести и образ жизни английского эс-квайра XVIII века[24], особенно в том, что в отличие от поражённого «бичом капитализма» Севера и для американца-южанина, и для британского аристократа первостепенным жизненным принципом является честь, в то время как для американца-северянина – прибыль и успех[24].

Тем не менее, в отличие от антиунионизма, будучи всё того же «проконфедератского лобби» и старой аристократии этой повестке не удалось стать «незамеченной» для других классов потенциальных союзников. Антикапиталистические воззрения южан-философов вызывали возмущения рабочего класса Франции и Британии как раз из-за своей двойственности в виде неприятия социализма. К тому же, современные исследователи также считают, что экономика будущих США содержала в себе элементы капитализма «за пределами плантаций»[18]. Так, С. Рокман в работе «Рабство и капитализм» приводит факты сосуществования рабства и капитализма в Южных штатах хотя бы тем фактом, что плантационное хозяйство содержало в

себе как феодальные, так и раннекапиталистические элементы в виде самого плантационного типа хозяйств, нацеленное не на натуральное хозяйство, но на крупнотоварное массовое производство и получение прибыли от прибавочной стоимости[18]. Дж. Оукс видит признаки капитализма в отношении к земле в духе учений Локка о частной собственности, а не традиционном позднефеодальном[16]. К тому же, рабовладельцам принадлежала и обрабатывающая промышленность, на которой так же трудились чернокожие невольники, и который так же строился на максимальном удешевлении труда, как и в случае с первыми рабами в Джеймстауне – это явление историкам известно под названием «второе крепостничество» («second serfdom»)[16]. Так или иначе – в глазах рабочих XIX века критика капитализма за его особенности, с которыми пролетарии Ист-энда или Кана сталкивались каждодневно, для оправдания рабства и игнорирования собственных мелких капиталистов. Так, антикапитализм в глазах простых европейцев являлся, пожалуй, самой неудачной повесткой, воспринимаемой как «лицемерная басня». Примером такого неприятия южных плантаторов, как ничем не отличающихся от европейских капиталистов эксплуататоров является воззвание рабочих Манчестера президенту Линкольну, сделанное 31 декабря 1862 года, в котором «свободные рабочие Манчестера» говорили о том, что желающие поддержать конфедератов аристократы и капиталисты – «Это, в основном те, кто душит свободу на родине», и что «тщетны их попытки разжечь ссору между нами с того самого дня, когда ваша страна станет, бесспорно и без исключений, землей свободы»[28].

«Южный демократизм». Несмотря на то, что Южные штаты едва ли могут считаться защитниками принципа демократизма в современном понимании из-за того самого «джентризма» как составной части «южной протоидентичности», сами конфедераты понимали значение этого термина в первоначальном, «античном» виде, одновременно трактуя демократизм как стремление к децентрализации, а значит, и легитимном праве на выход из состава Союза. Эта концепция, традиция которой уходила корнями ещё в разделение властей 1619 года и восстание Бэкона против властей из метрополии, была направлена изначально против самого Союза, однако и в конфедератско-европейском диалоге находила своё применение, ориентируясь, как правило, на прогрессивную интеллигенцию. В данном случае же «метрополией» было призвано федеральное правительство в Вашингтоне, ограничивающее права отдельных штатов. Опираясь сторонники такого подхода к демократии во многом на работы седьмого вице-президента США Дж. Кэлхуна. Бывший крупный политик и юрист происходил из Южной Каролины, считавшейся штатом с наиболее выраженными сепаратистскими тенденциями, и отстаивал право выхода штатов из состава Конфедерации, как естественное следствие четвёртой статьи Конституции 1787 года[6]. В своей работе «Учение о правительстве» Кэлхун называл

централизацию федерального правительства «абсолютизмом», так как, и предрекал трансформацию в неё любого «народного правительства», так как по мере накопления богатства и роста населения центральное правительство вынуждено прибегнуть к силовым методам принуждения для максимального контроля местного самоуправления[6]. Гипотетически в «медийном плане» этот посыл отлично действовал на европейцев, особенно на французов, испытавших попытку реставрации абсолютизма в 1820-х годах, как с точки зрения «демонизации Вашингтона», так и одновременно на всё ту же старую аристократию, видевшую в демократических порядках США подрыв своей власти. Согласно Кэлхуну, чтобы избежать трансформации демократии в абсолютную монархию, право федерального правительства должно сводиться лишь к роли «доверенного лица» или агента нескольких суверенных штатов, а значит – к недопущению дискриминации между ними[6]. Огромный опыт в юриспруденции позволял Кэлхуну сформировать «дорожную карту», по которой даже штаты с ничтожной долей населения, такие как Род-Айленд, Нью-Гэмпшир или Делавэр могли бы защитить своё региональное законодательство от навязанных актов федерального правительства и заблокировать федеральный закон как неконституционный[6] – так родился концепт нуллификации 1832 года, который вице-президент открыто поддерживал. В 1840-х годах этот синтез идей вылился в «доктрину Кэлхуна», воплощавшей идеи того самого «Южного Демократизма». Вопрос о целостности страны Кэлхун ставил в ультимативной форме: или сецессия, или равенство голосов между испытываемыми очевидный антагонизм штатами и уступки Югу для того, чтобы сохранить целостность Соединённых штатов[6], о чём он сообщил в речи по поводу присоединения Калифорнии к Союзу.

На европейском направлении этот лейтмотив был обоюдоострым клинком. С одной стороны, он защищал моральное и фактическое право южных штатов на сецессию, ставшей в итоге неизбежной. С другой стороны, с точки зрения воздействия на европейские власти, существовавших в рамках Венской системы международных отношений, провозгласивших принцип легитимизма и переживших недавнюю «Весну народов» подобные воззвания воспринимались неоднозначно, превращая подобное «право на самоопределение» в сепаратизм. На это намекал в переговорах с Манном и Янси Рассел, однако «торгпредам» удалось использовать аргумент Кэлхуна, о том, что они лишь воплощают право возвращение южным штатам полномочий, что были ранее переданы федеральному правительству в Вашингтоне[33]. Также многим политикам-южанам, следившим за процессом признания, было известно, что Наполеон III был защитником принципа национальности[4], а потому при мощном давлении прессы, делающей акцент на непохожести Севера и Юга, можно было также добиться признания. К тому же, сам Кэлхун за эталон «Гармонично функционирующего государственного устройства, не допускающего дискриминацию»,

считал именно Британскую Империю[6]. Даже поддерживающий Вашингтон Р. Рассел поддерживал идею ослабления США через разделение на два суверенных государства. Таким образом, «Южный Демократизм» находил своих почитателей в Европе не только, как воплощение «права на свободу и защиту от чрезмерных посягательств центральной власти», но и как способ ослабить САСШ.

Религиозный солидаризм стал наиболее эффективной и долгоиграющей повесткой на британском направлении по уровню восприятия и, одновременно, столь же малоэффективной с точки зрения воздействия на умы европейцев. Он также уходил корнями во времена основания Джеймстауна и Нового Плимута и историю заселения Вирджинской колонии не диссидентами-пуританами, но приверженцами англиканской церкви. За прошедшие с момента основания колонии, «Библейский пояс», как ещё называли южные штаты, стал основным в Новом Свете регионом распространения Евангельского протестантизма в том виде, какой являет его англиканская церковь, что, как и в случае с джентризмом, «роднило» южан с населением бывшей метрополии. Неудивительно, что главным проводником религиозной повестки в деле поддержки КША играло всё то же британское «проконфедератское лобби». Больше всего поддержки новообразованному КША оказал меценат и религиозный деятель Б. Хоуп, который так же, как и в случае с лейтмотивом антикапитализма и «южного демократизма» подчёркивал в воззваниях к парламенту и публичных выступлениях близость англичан и американцев-южан как единоверцев[21]. Будучи сторонником епископальной церкви, Хоуп подчёркивал что разделение американцев произошло ещё до окончательного оформления дихотомии Севера и Юга в кризисные годы, но во время раскола Епископальной церкви на Северную и Южную, и именно Южная сохранила больше христианских добродетелей[21]. Как церковный деятель, Хоуп часто указывал на большие, по сравнению с САСШ, авторитет и власть духовенства, его активная миссионерская деятельность по сравнению с епископальной церковью в северных штатах, так и не сумевшей победить пороки капитализма в виде алчности и лжи, а самих северян – заблудшие души, основывавших свою нравственность не на священном писании, но на Вольтере и Пейне[21]. В январе 1863 года, когда в умах европейских обывателей война за сохранение Союза или свободу от гнёта центральной власти в Вашингтоне, переросла в войну за отмену и сохранения рабства, Хоуп продолжал проповедовать симпатию к КША, и для этого на своих Мейдстоунских лекциях предоставил церковный пастораль, охарактеризованный им, как «полезный и точный сборник моральных ценностей южан». Вышеупомянутый пастораль распространялся в виде шестипенсовых брошюр и знакомил обывателей с нравами и обычаями Южных Штатов. Особо показателен тот факт, что Хоуп являлся противником рабства, но при этом в вышеупомянутой брошюре подчёркивал, что рабовладельцы чувствуют и

несут ответственность перед своими невольниками, и это следствие большей приверженности христианским добродетелям на Юге[21]. Хоуп в проповедях указывал на лучшее положение рабов в южных штатах, и к знаменитой прокламации об освобождении рабов относился, как к поспешной оплошности, так как народ, не поставленный перед фактом, не сможет воспользоваться этой свободой, будучи к ней не готов. Сама же отмена рабства должна быть постепенной, а сами рабы – подготовлены к ней – цивилизованы, образованы, обеспечены работой и обращены в христианскую веру [11]. Он неоднократно утверждал, что такая подготовка уже идет на Юге и что независимая Конфедерация отменит рабство. В качестве доказательства он приводил всё тот же пастораль[11]. К аболиционизму Хоуп относился так же негативно, как и к рабовладению: в работе «Американская церковь» он считал их носителями «якобинской натуры» и лицемерами, выставляющими себя освободителями тех, кого не желают видеть рядом с собой и считать за равных, явно ссылаясь на знаменитую речь Линкольна[21]. Убедительные пропагандистские методы Хоупа позволили ему найти себе сторонников в рядах крупного духовенства. Даже когда победа Севера стала неизбежной, он настаивал на том, чтобы Епископальная церковь Юга не объединялась с церковью Севера.

Таким образом, лейтмотив религиозного солидаризма оказался одним из немногих направлений культурной дипломатии КША, активно поддерживаемом местными лидерами мнений, способных напрямую влиять на политику. Однако, как и в случае с антикапиталистической повесткой, ошибка была в том, что пастырь попросту не знал воззрений своей паствы, а потому оказался убедителен лишь для лиц, преимущественно обладающих духовным саном[21].

Заключение

Пять лет существования Конфедерации и три года упорной борьбы за дипломатическое признание действительно можно назвать феноменом с точки зрения не только тех действий, которыми южане пытались добиться признания, но и составляющих своей корпоративной идентичности, которые они стремились транслировать в качестве обоснования близости к тем, чьё признание и помощь они стремились получить. Почему им не удалось сделать этого, учитывая, что их корпоративная идентичность практически не конфликтовала с социальной, которую ей присваивали как Европейцы, так и Северяне?

Первая двух главных проблем культурной дипломатии Юга и трансляции «южной протоидентичности» для вызова симпатии потенциальных союзников заключалась в том, что практически на всех направлениях, кроме антиунионизма, она в той или иной мере упиралась в *оправдания рабовладельческого строя*, как основной экономической модели КША. Антикапитализм, критиковавший невыносимое положение рабочих и потогонный труд на без-

различного к их судьбе промышленника соседствовал с обоснованием гуманности рабовладения. «Южный демократизм» и «Доктрина Кэлхуна», пусть и уходили корнями традиций в Восстание Бэкона, но были стали жизнеспособными именно после Миссурийского компромисса 1820 года, разделившего страну на Север и Юг именно по принципу отношения к рабовладению[23]. В плоскость сецессионизма и антикапитализма идеи «Южной демократии» плавно перетекли после вступления в Союз свободной Калифорнии и Нэшвилльского конвента 1850 года, который ещё до того, как Линкольн закрепил в умах европейцев образ этой войны, как «крестовый поход против рабовладения», уравнивал образ южан как защитников рабства, а не борцов с капитализмом северян[25].

Сам неофициальный лейтмотив защиты рабовладения мог бы пройти незамеченным, если бы не отмена рабства в Британской Империи в 1833 году и активное использование этого факта для обоснования своей внешней политики. «Рабовладельческая карта» уже была разыграна Лондоном в 1853 году для устрашения Европы повальным закрепощением и создания Антирусской коалиции, и было бы несколько странно ожидать от перспективных союзников, чьё общество уже успело вспылать ненавистью к «Стране рабов и господ» поддержки ещё одной такой же, причём опирающуюся на реальное рабовладение, а не вырождающийся феодализм[22]. Даже несмотря на популярность «бытового расизма» у европейского обывателя, определённый интерес к маргинальным концепциям, таким, как научный расизм С. Картрайта, мысли о расовом превосходстве белого человека в обыденности не распространялись на институт рабовладения[27]. Чисто политические шаги Вашингтона в виде прокламации и указа об освобождении рабов превратило поддержку рабовладельческих штатов даже в рамках реальной политики невыгодной с точки зрения политического имиджа, превратив в умах сторонних наблюдателей войну за Сохранение Союза против сепаратистов, которая зачастую воспринималась равнодушно в Европе, в войну против рабства, ставшую таким образом символом борьбы за более прогрессивные ценности. Этот указ был гвоздями в крышку гроба попыток КША создать собственный образ, как «маленького и слабого, но отважного борца за свою свободу». Рабство не могло бы считаться частью «Южной корпоративной идентичности», если бы оно не было прописано в так и не завершённой конституции КША и поддерживаемо проконфедератскими силами в Европе, причём с явным акцентом на моральную необходимость и наделение экономического базиса Старого Юга статусом почти что блага для человечества – словом, тем, что Л. Харц называл «Реакционным Просвещением»[10].

Второй главной проблемой было отсутствие подтверждений прогрессивности ценностей, которые Старый Юг пытается защитить. Об этом говорит тот факт, что Рассел и Пальмерстон, стараясь лавировать между Мэйсоном, Сьюардом и «прокон-

федератским лобби» в Парламенте, вынесли решение задержать признание до окончания Геттисбергской кампанией. Поражение при Геттисберге, лишившее войска Конфедерации сил на крупные наступательные действия, окончательно похоронило надежды на признание. Факт, что защита непопулярной составляющей одновременно корпоративной и социальной идентичности требовала подкрепления её правильности военными и экономическими успехами, был понятен ещё за полтора столетия до формулировки Дж. Наем принципов «мягкой силы». Об этом говорит намекающий на несостоявшийся расчёт Э. Манна, согласно которому «нерукопожатность» рабовладельческого государства удастся ликвидировать за счёт военных побед[32], главный редактор издания Examiner Дж. Дэниэл, считавший единственным способом склонить европейцев к признанию победный марш на Нью-Йорк и Филадельфию[4]. Однако этот марш без зарубежной помощи с 1863 года стал практически невозможным.

Слепая уверенность в признании европейцами КША, исходившая из «близости менталитетов», самими же европейскими правящими кругами и провозглашаемой, и довоенных экономических связях разбилась о реальность международной политики XIX века. Поскольку южная пропаганда даже в условиях «домашней» целевой аудитории не выработала единой линии, походя больше на эксплуатацию популистских лозунгов «за всё, что мы считаем хорошим», аналогичный подход среди аудитории уже европейской работать не смог. Неудачная, хоть и упорная попытка объединить эти лозунги единственным – и регрессивным с точки зрения европейцев после активной антирабовладельческой кампании 1850-х – лейтмотивом, означала то, они требовали доказательства своей жизнеспособности через успешную политику и военные победы, которые после Геттисберга и прокламацией об освобождении рабов де-факто ставшие невозможными. Исследовательница Дж. Мелиш очень точно сообщает, что Северу удалось очень быстро «смыть своё рабовладельческое прошлое» одним лишь документом и навсегда изъять его из памяти своей победой[18]. Пожалуй, даже отчаянные и убедительные проповеди Хоупа и других религиозных лиц не смогли бы, сколь они не говорили о преждевременности такого освобождения, лицемерии аболиционистов и упадке нравов на капиталистическом Севере, с 1863 года уже не могли бы склонить обывателя к мысли о том, что и Юг тоже сражается «за свою правду».

Таким образом, культурная дипломатия КША в Европе стала одним из примеров, когда корпоративная и социальная составляющие идентичности в наиболее проблемной своей части – экономическом базисе – не только не конфликтовали, но и составляли некоторое единство в своём значении. И, вопреки ожиданиям южан, это неудачное «созвучие», которого они так долго добивались, и стало причиной провала поиска сторонников, способных как-либо повлиять на исход войны с Вашингтоном.

Литература

1. Abbott P. Political Thought in America: Conversations and Debates. Waveland Press, Inc.; 4th edition. 2009. P. 408;
2. Allen T. The Invention of the White Race. Vol. 2: The Origin of Racial Oppression in Anglo-America. Verso, NY. 1997, P. 365;
3. Blackburn G. Paris Newspapers and the American Civil War // Illinois Historical Journal, Vol. 84. 1991, pp. 177–193;
4. Blumenthal H. Confederate Diplomacy: Popular Notions and International Realities // The Journal of Southern History, Vol. 32, No. 2. 1966, pp. 151–171;
5. Boorstin D. Americans: the Colonial Experience. Random House, NY. 1958, P. 434;
6. Calhoun J. Union and Liberty. Ed. by R. Lense. Liberty Fund, Indianapolis. 1992, P. 627;
7. Cobb C., Hester T. M., Renaissance Papers 2003. Boydell & Brewer, Rochester, NY. 2003, P. 192;
8. Fitzhugh G. Sociology for the South or, The failure of free society. Richmond : A. Morris. 1854. P. 330;
9. Gentry J. A Confederate Success in Europe: The Erlanger Loan // The Journal of Southern History, Vol. 36, No. 2. 1970, pp. 157 – 188;
10. Harz L. The Liberal Tradition in America: An Interpretation of American Political Thought Since the Revolution. Mariner Books; Second edition. 1991, P. 348;
11. Hope A. B. J. Two years of church progress. London : J. and C. Mozley. 1862, P. 37;
12. Joyce D. Pro-Confederate Sympathy in the British Parliament // Social Science, Vol. 44, No. 2. 1969, pp. 95–100;
13. Kelly P. The North American Crisis of the 1860s // Journal of the Civil War Era, Vol. 2, No. 3. 2012, pp. 337–368;
14. Lebergott S. Why the South Lost: Commercial Purpose in the Confederacy, 1861-1865. The Journal of American History, Jun., 1983, Vol. 70, No. 1. 1983, pp. 58–74;
15. Lynn M., Warren F. The United States and France: Civil War Diplomacy. University of Pennsylvania Press, Philadelphia. 1970, P. 747;
16. Oakes J. Capitalism and Slavery and the Civil War // International Labor and Working-Class History, No. 89. 2016, pp. 195–220;
17. Policicchio A. Propaganda Use by the Union and Confederacy in Great Britain during the American Civil War, 1861-1862. Duquesne University Press, 2012 [Digital Source]. Available at: <https://dsc.duq.edu/etd/1053/> (access date – 16. 06. 2022);
18. Rockman S. Slavery and Capitalism. // The Journal of Civil War Era, Vol. 2, No.1. 2012, pp. 1–16;
19. Schlesinger A. The cycles of American history. Boston : Houghton Mifflin. 1986, P. 510;
20. Surdham D. Between-the-Lines Trading – Treasonous or Patriotic Acts? // Essential Civil War Curriculum, Virginia Center for Civil War Studies. 2015, pp. 1–10;
21. Turner M. British Sympathy for the South during the American Civil War and Reconstruction: A Religious Perspective // Church History and Religious Culture, Vol. 97, No. 2. 2017, pp. 195–219;
22. Курилла И. Рабство, крепостное право и взаимные образы России и США // Новое литературное обозрение, №6. 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/142_nlo_6_2016_spetsialnyy_vypusk_t_2_rabstvo/article/12342/ (дата обращения – 17. 06. 2022);
23. Лучинский Ю. Джон Кэлхун и журналистская полемика накануне Гражданской войны в США // Вестник Адыгейского государственного университета, Изд. 4ю 2010, с. 1–6;
24. Пазенко А. Остров Юг: К вопросу о культурной самоидентификации южан США в первой половине XIX в. // Россия и АТР, №1. 2004, с. 70–79;
25. Тайгильдин А. Нэшвилльский конвент 1850 года как этап развития южного сепаратизма накануне Гражданской войны в США. // Вестник Марийского Государственного Университета, серия «Исторические науки. Юридические науки». Т. 6, №1. 2020, с. 52–56;
26. Де Токвилль А. Демократия в Америке. Пер. с французского/предисл. Гарольда Дж. Ласки – М.: Прогресс. 1992, С. 554;
27. Хьюз Р. «А разве мы должны?» Британский взгляд на признание Конфедерации. (Hughes R. Why Should We? The British point of view on a Recognition of the Confederacy. 1997) пер. с англ. «Северная Америка – Век Деятнадцатый». 2005, с. 1–8.
28. Address to President Lincoln By The Working-Men Of Manchester, England. 31 December 1862 [Digital Source]. Available at: https://archive.org/stream/manchesterabraham00hour/manchesterabraham00hour_djvu.txt (access date: 10.06.2022);
29. Bacon's Declaration in the Name of the People 30 July 1676. [Digital Source] Available at: <http://www.let.rug.nl/usa/documents/1651-1700/bacons-declaration-in-the-name-of-the-people-30-july-1676.php> (access date: 09.06.2022);
30. Constitution of the Confederate States of America. [Digital source] Available at: <https://archive.org/details/constitutiono00conf> (access date: 04.05.2022);
31. Correspondence of Jefferson Davis, A compilation of the messages and papers of the confederacy : including the diplomatic correspondence, 1861-1865. Nashville : United States Pub. Co. 1906. P. 760;
32. Pickett Papers: Yancey and Rost to Toombs, June 10, 1861; Dispatch No.3, Yancey and Mann to Toombs, July 15, 1861. Cit. by Ziniq P. The Diplomatic Mission of Yancey, Rost and Mann: The Inadequacies of Confederate Foreign Policy, 1861. Master's Thesis, Richmond. 1969, P. 116;
33. Russel W. My diary, North and South. Burnham, Boston. 1863, P. 608
34. The Queen's Neutrality Proclamation, 1862, January 31 [Digital source]. Available at: <https://johnathanseitz.com/items/show/5> (access date: 07.05.2022);

35. William H. Seward to Charles F. Adams, Tuesday, May 21, 1861 (Instructions on how to deal with the British; with revisions in Lincoln's hand) [Digital source] Available at: <https://www.loc.gov/resource/mal.1000900/?sp=1&st=pdf&r=-0.374%2C-0.087%2C1.748%2C1.748%2C0&pdfPage=7> (access date: 05.05.2022)

Keynotes of Cultural Diplomacy of the Confederate States of America during the Civil War in the United States, 1861–1865.

Sadovnikov N.A.

St. Petersburg State University

The Confederate States of America in the extremely short years of its existence, still managed to leave its mark on international relations of the nineteenth century. The long-term struggle for recognition as a subject of international law, in addition to traditional high-level negotiations, which, however, were not successful, forced to seek sympathy and support abroad, both in Europe and among the population of the Union. In this paper, the author examines the cultural and ideological exchange between the CSA and European countries, aimed at attracting allies and finding commonalities among actors in the international arena.

Keywords: American Civil War 1861 – 1865, CSA, Confederate States of America, cultural diplomacy, soft power, identity.

References

1. Abbott P. Political Thought in America: Conversations and Debates. Waveland Press, Inc.; 4th edition. 2009. P. 408;
2. Allen T. The Invention of the White Race. Vol. 2: The Origin of Racial Oppression in Anglo-America. Verso, NY, 1997, P. 365;
3. Blackburn G. Paris Newspapers and the American Civil War // Illinois Historical Journal, Vol. 84. 1991, pp. 177–193;
4. Blumenthal H. Confederate Diplomacy: Popular Notions and International Realities // The Journal of Southern History, Vol. 32, no. 2. 1966, pp. 151–171;
5. Boorstin D. Americans: the Colonial Experience. Random House, NY. 1958, P. 434;
6. Calhoun J. Union and Liberty. Ed. by R. Lense. Liberty Fund, Indianapolis. 1992, P. 627;
7. Cobb C., Hester T. M. Renaissance Papers 2003. Boydell & Brewer, Rochester, NY. 2003, P. 192;
8. Fitzhugh G. Sociology for the South or, The failure of free society. Richmond: A. Morris. 1854. P. 330;
9. Gentry J. A Confederate Success in Europe: The Erlanger Loan // The Journal of Southern History, Vol. 36, no. 2. 1970, pp. 157 - 188;
10. Harz L. The Liberal Tradition in America: An Interpretation of American Political Thought Since the Revolution. Mariner Books; second edition. 1991, P. 348;
11. Hope A. B. J. Two years of church progress. London: J. and C. Mozley. 1862, P. 37;
12. Joyce D. Pro-Confederate Sympathy in the British Parliament // Social Science, Vol. 44, no. 2. 1969, pp. 95–100;
13. Kelly P. The North American Crisis of the 1860s // Journal of the Civil War Era, Vol. 2, no. 3. 2012, pp. 337–368;
14. Lebergott S. Why the South Lost: Commercial Purpose in the Confederacy, 1861-1865. The Journal of American History, Jun., 1983, Vol. 70, no. 1. 1983, pp. 58–74;

15. Lynn M., Warren F. The United States and France: Civil War Diplomacy. University of Pennsylvania Press, Philadelphia. 1970, P. 747;
16. Oakes J. Capitalism and Slavery and the Civil War // International Labor and Working-Class History, no. 89. 2016, pp. 195–220;
17. Policicchio A. Propaganda Use by the Union and Confederacy in Great Britain during the American Civil War, 1861-1862. Duquesne University Press, 2012 [Digital Source]. Available at: <https://dsc.duq.edu/etd/1053/> (access date - 16.06.2022);
18. Rockman S. Slavery and Capitalism. // The Journal of Civil War Era, Vol. 2, No.1. 2012, pp. 1–16;
19. Schlesinger A. The cycles of American history. Boston: Houghton Mifflin. 1986, P. 510;
20. Surdham D. Between-the-Lines Trading – Treasonous or Patriotic Acts? // Essential Civil War Curriculum, Virginia Center for Civil War Studies. 2015, pp. 1–10;
21. Turner M. British Sympathy for the South during the American Civil War and Reconstruction: A Religious Perspective // Church History and Religious Culture, Vol. 97, no. 2. 2017, pp. 195–219;
22. Kurilla I. Slavery, serfdom and mutual images of Russia and the USA // New Literary Review, No. 6. 2016 [Electronic resource]. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/142_n_lo_6_2016_spetsialnyy_vypusk_t_2_rabstvo/article/12342/ (accessed 17.06.2022);
23. Luchinsky Yu. John Calhoun and journalistic controversy on the eve of the Civil War in the United States // Bulletin of the Adyge State University, ed. 4th 2010, p. 1–6;
24. Pazenko A. South Island: On the issue of cultural self-identification of US Southerners in the first half of the 19th century. // Russia and the Asia-Pacific Region, No. 1. 2004, p. 70–79;
25. Taigildin A. The Nashville Convention of 1850 as a stage in the development of southern secessionism on the eve of the American Civil War. // Bulletin of the Mari State University, series "Historical Sciences. Legal Sciences". T. 6, No. 1. 2020, p. 52–56;
26. De Tocqueville A. Democracy in America. Per. from French / foreword Harold J. Lasky - M.: Progress. 1992, p. 554;
27. Hughes R. "Should we?" British view of the recognition of the Confederacy. (Hughes R. Why Should We? The British point of view on a Recognition of the Confederacy. 1997) trans. from English. "North America - The Nineteenth Century". 2005, p. 1–8.
28. Address to President Lincoln By The Working-Men Of Manchester, England. December 31, 1862 [Digital Source]. Available at: https://archive.org/stream/manchesterabraham00hour/manchesterabraham00hour_djvu.txt (access date: 06/10/2022);
29. Bacon's Declaration in the Name of the People 30 July 1676. [Digital Source] Available at: <http://www.let.rug.nl/usa/documents/1651-1700/bacons-declaration-in-the-name-of-the-people-30-july-1676.php> (access date: 06/09/2022);
30. Constitution of the Confederate States of America. [Digital source] Available at: <https://archive.org/details/constitution00conf> (access date: 05/04/2022);
31. Correspondence of Jefferson Davis, A compilation of the messages and papers of the confederacy : including the diplomatic correspondence, 1861-1865. Nashville: United States Pub. Co. 1906. P. 760;
32. Pickett Papers: Yancey and Rost to Toombs, June 10, 1861; Dispatch No. 3, Yancey and Mann to Toombs, July 15, 1861. Cit. by Ziniqq P. The Diplomatic Mission of Yancey, Rost and Mann: The Inadequacies of Confederate Foreign Policy, 1861. Master's Thesis, Richmond. 1969, P. 116;
33. Russel W. My diary, North and South. Burnham, Boston. 1863, P. 608
34. The Queen's Neutrality Proclamation, 1862, January 31 [Digital source]. Available at: <https://johnhathanz.com/items/show/5> (access date: 05/07/2022);
35. William H. Seward to Charles F. Adams, Tuesday, May 21, 1861 (Instructions on how to deal with the British; with revisions in Lincoln's hand) [Digital source] Available at: <https://www.loc.gov/resource/mal.1000900/?sp=1&st=pdf&r=-0.374%2C-0.087%2C1.748%2C1.748%2C0&pdfPage=7> (access date: 05/05/2022);

Отношения между Таиландом и Россией в период текущего глобального кризиса

Пунгчинггам Катима

аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского Государственного университета, katima.p@arts.tu.ac.th

Статья посвящена отношениям между Таиландом и Россией во время текущего глобального кризиса: вспышки коронавируса COVID-19 и конфликта между Россией и Украиной. Цель статьи – рассмотреть взаимодействие между двумя странами в течение этого периода, проанализировать влияние двух кризисов на двустороннее сотрудничество, а также проанализировать факторы, влияющие на текущую динамику этих отношений. В качестве основы для анализа используется теория неореализма. При анализе собранных данных используются качественные методы исследования. Статья посвящена подробному анализу как первичных, так и вторичных данных. Полученные результаты свидетельствуют о том, что динамичное развитие политического, экономического и туристического сотрудничества замедлилось из-за вспышки пандемии. Обе страны пытаются сотрудничать в области вакцинации, но их усилия пока не достигли цели. В случае конфликта между Россией и Украиной, отключение российских банков от платежной системы SWIFT и сетей обработки платежей вызвало проблемы в индустрии путешествий. На международной арене Таиланд решает удерживать равновесие в отношениях с Россией и другими партнерами. Новизна статьи заключается в том, что пандемия и российско-украинский кризис повлияли на развитие текущего сотрудничества. Кроме того, роль США и Китая является одним из решающих факторов, влияющих на двусторонние отношения.

Ключевые слова: Таиланд, Россия, Кризис, Пандемия COVID-19, Российско-украинский конфликт

Introduction. Before the pandemic and the Russia-Ukraine crisis, Thailand-Russia relations developed dynamically. In the aftermath of the April 2015 official visit by the Russia's Prime Minister to Thailand, Russia raised the proposal of signing a Free Trade Agreement between Thailand and the Eurasian Economic Union (EAEU). After that, the Thailand-Russia relations evolved around the consistent diplomatic visits between countries' leaders and high-ranking officers, and the meetings were held to discuss the cooperation in different dimensions and the agreement signing between the government sector and private sector. Furthermore, during the ASEAN-Russia Commemorative Summit in 2016, Russia proposed the Greater Eurasian Partnership strategy, whereby Russia strengthens cooperation between the EAEU, SCO, and ASEAN. For example, ASEAN and the Eurasian Economic Commission signed Memorandum of Understanding on Economic Cooperation in 2018.

In 2019, all countries faced the COVID-19 pandemic that was considered as a non-traditional security threat and affected all area of international relations. At the beginning of 2022, there was a conflict between Russia and Ukraine which caused tensions in the international arena. The two crises are considered as the challenge that affects the current bilateral relations.

In this article, the author focuses on the impact of the crises on cooperation between the two countries and examines the factors that influence the dynamics of relations during that time. This article is on in-depth analysis of both primary and secondary data. In addition, the author examines statistic on bilateral trade and tourists to indicate the effects of the crises. The neorealism is used as a conceptual framework in this study to understand the structure of the international system that affects the implementation of Thai foreign policy towards the major powers and the interaction between Thailand and Russia.

This article is useful for people who are interested in relations between Thailand and Russia during those crises, the consequences of both the pandemic and the conflict between Russia and Ukraine as well as factors influencing Thailand's position on the current state of relations with Russia.

The COVID-19 Pandemic Crisis and Thailand-Russia Vaccine Cooperation. The COVID-19 is an emerging disease that no country has ever faced. Each country works hard to find solution to the crisis. Major powers, like the United States, China, the European Union, and Russia are all affected by the pandemic. In the early stages of this crisis, major powers did not play

a cooperative role in resolving such issues and opted to restrict the distribution of medical aid to their allies. Thailand had to deal with the situation on its own and seek support from the major powers. Thailand attempted to provide a ready-to-use vaccine; therefore, Thailand received the Sinovac vaccine from China and the Pfizer vaccine from the US.

In March 2019, China contributed medical supplies to Thailand to deal with the outbreak [16]. China was the first country to sell 200,000 doses of Sinovac vaccine to Thailand on February 24, 2021. With the support of the government of China, Thailand imported and purchased the first vaccine through trade channel. In addition, on May 14, 2021, China provided 500,000 doses of vaccine to Thailand and donated an additional 500,000 doses on January 8, 2022. Up until now, China has provided Thailand with 50.85 million doses of vaccines in total, including 3.35 million as donations [17].

The US assisted Thailand in dealing with the outbreak. The US government supported Thailand with medical supplies and funding to upgrade laboratories from the beginning of 2020. On August 2, 2021, they provided 1.5 million doses of the Pfizer vaccine [5] and on November 22, 2021, they delivered 1 million doses of Moderna vaccine [8].

Furthermore, there were many countries which provided vaccines and medical supplies to Thailand. For example, in July 2021, the government of Japan provided over 1 million doses and the UK also provided 415,000 doses of the AstraZeneca vaccine. Switzerland donated 1.1 million COVID-19 antigen test kits and 102 respirators. On April 4, 2022, France donated 3.28 million doses of Pfizer vaccine [6].

Russia was one of the nations attempting to manufacture a vaccine to cope with the disease in the outbreak of the COVID-19, and it was the first countries to claim vaccine production success. Thailand expressed interest in the Sputnik V vaccine to handle this crisis. In April 2021 Prime Minister Prayut Chan-ocha said the Russian Foreign Ministry informed its Thai counterpart that President Vladimir Putin approved the sale of the vaccine, as requested by the Thai government [12]. Nevertheless, the import of vaccines was a complicated procedure because a government-to-government deal was required when purchasing vaccines. The Thai Ministry of Public Health had to negotiate directly with the vaccine manufacturer. Provided Thai private sector wanted to be Thai representatives to import Russia's vaccines, they must be certified or ordered only by the Thai government.

Thailand and Russia have tried to collaborate vaccine cooperation. For example, the Thai Minister of Ministry of Public Health and the Ambassador of Russia to Thailand met on May 17, 2021, and they discussed the supply of Sputnik V vaccine from Russia to Thailand [3]. The recent progress of vaccine cooperation was that in June 2021, the Food and Drug Administration received information from Kingen Biotech Co., Ltd., which applied to the FDA for authorization for Russian vaccines. However, the FDA could not authorize the import or use of vaccines because of lack a lot of critical information [11].

Although the two countries did not achieve their goal of vaccine cooperation, Thailand approved Sputnik V to permit Russian tourists to enter the country as part of the Phuket Sandbox Samui Plus and Phuket Sandbox extension 7+7 (Phuket, Samui, Krabi, Phang Nga) projects beginning on September 1, 2021. On November 6, 2021, both parties collaborated to open direct flight from Moscow to Phuket. Russian tourists were a significant group of European travelers. According to official Thai statistics from 2016 to 2019, 1.09, 1.34, 1.46, and 1.48 million tourists respectively from Russia visited Thailand [9].

Many countries in Southeast Asia, namely Myanmar, Laos, Vietnam, the Philippines, Indonesia, and Cambodia, registered the Sputnik V vaccine for emergency use. Russia provided vaccines to the Philippines, Vietnam, and Laos. Considering vaccine cooperation between Russia and Vietnam, Vietnam successfully produced the Sputnik V vaccine in July 2021 [13]. Additionally, Russia also delivered the Sputnik Light vaccine for humanitarian aid in December 2021 [14].

The United States' and China's vaccine diplomacy is the use of vaccines to influence not only Thailand but also other countries in Southeast Asia. In the beginning of the epidemic, Thailand chose to approach only China about vaccine. However, there was the criticism of effectiveness of Chinese vaccine from the Thai private sector and people. When the United States produced a more effective vaccine that could better deal with mutant epidemics, Thailand turned to the United States for support. The vaccine of the two major powers was driven by the Thai government to actively negotiate. While the Thai private sector tried to register the Russian vaccine, there was a problem with submitting incomplete documents. The Russian vaccine was one of the alternative vaccines that the private sector attempted to import to alleviate the epidemic situation. Although Thailand and Russia used diplomatic mechanisms to discuss the possibility of importing vaccine, they could not achieve their goal. Thailand was interested in vaccines, like Sinovac; Sinopharm; AstraZeneca; Pfizer; and Moderna, which already registered and agreed to sell and deliver vaccines to stimulate the immune system. It could be indicated that there was no room for Russian vaccine.

Russia-Ukraine Crisis and Impact on bilateral and multilateral level. The conflict between Russia and Ukraine that has occurred since February 24, 2022. The war does not directly affect Thailand because taking place outside the Asia-Pacific region. However, Thailand has been affected due to the suspension of direct flights, western sanctions against Russia and Thailand's position in the international arena.

Economic relations between Thailand and Russia have been slightly affected. The share of bilateral trade in 2021 was 0.51% of the total Thai trade with all countries. The share of trade between January and July 2022 decreased 0.34% from same period in 2021 that was 0.54% [10]. However, Thailand could be affected because the global economic situation slowly

recovered. In addition, the demand for Thai export products has decreased [4], because European countries which are Thailand's major export markets, have been affected by the conflict [2].

Russian tourists traveled to Thailand after Aeroflot resumed flights to Thailand, and Thai government eased of COVID-19 restrictions of travel regulations because of Thailand's approval of the Sputnik V to allow Russian tourists to visit Thailand. According to the official Thai statistics, from November 2021 to February 2022, Russian tourists arriving in Thailand totaled 30,759 people, with the number of them in November 2021 of 5,836; December 2021, 21,205; January 2022, 23,760; and February 2022, 17,862 people, respectively. The Thai tourism sector has recovered from the regression of the past few years. However, due to the Russia-Ukraine conflict and the suspension of direct flights, the number of Russian tourists has decreased. Considering the number of Russian tourists from March to August 2022 were 9,197; 5,223; 7,116; 8,221; 6,936 and 9,170, respectively. In comparison to the same period in 2019 before the pandemic, the number of tourists from March to August were 194,471; 108,308; 55,738; 45,962; 46,737 and 46,325 respectively [9]. Moreover, when Russia canceled direct flights between Thailand and Russia, about 7,000 Russian tourists were stranded in Thailand in March 2022. The Thai government assisted in providing temporary accommodation, finding flights back to Russia, providing alternative payment systems and extending their stay in the country.

Russian tourists and businessmen visiting to Thailand are faced with the problem of financial messaging system and the payment processing networks. The western countries impose sanctions against Russian major banks. Russia has been disconnected from the SWIFT, and then Visa and Mastercard payment systems. For this reason, Russian credit and debit cards cannot be used abroad. At the same time, Thai people who travel to Russia cannot use credit and debit cards either. Thai people have to use Chinese UnionPay credit or debit cards, which few Thai banks have. The disconnection of Russian banks from SWIFT system and the payment processing networks may affect the decision to travel between the two countries.

This conflict also affects the implement of Thai foreign policy. Thailand carefully determined its position on the Russia-Ukraine conflict in the international arena. During the 11th Emergency Special Session of the UN General Assembly on March 2, 2022, member states voted on the United Nations General Assembly Resolution ES-11/1 "Aggression against Ukraine" with 141 in favor (including Thailand), 5 against and 35 abstentions from a total of 181 countries attending the meeting [18]. Thailand had an Explanation of the Vote to explain why Thailand voted support the UN resolution to condemn Russia's aggression against Ukraine. Thailand explained that Thailand carefully considered the draft and voted in support of the resolution because of the overriding importance Thailand attaches to the principles

contained in the United Nations Charter and international law, in particular respect for sovereignty, territorial integrity and the non-use of force against countries. Thailand underlines the deep concern for the people affected by the tensions and the humanitarian consequences. Thailand is also concerned with the potential longer-term consequences on a rules-based international order while renewing its call for peace and for all parties to enhance dialogue [7]. In addition, Thailand voted on Resolution ES-11/2 "Humanitarian consequences of the aggression against Ukraine" with 140 votes in favor (including Thailand), 5 against, and 38 abstentions from a total of 183 countries attending the meeting [19].

On the other hand, Thailand abstained in a vote on Resolution ES-11/3, "Suspension of the rights of membership of the Russian Federation in the Human Rights Council", with 93 votes in favor, 24 against, and 58 abstentions [20]. According to Thailand's decision on abstention from voting on resolution ES-11/3, Thailand explained that because of the overriding importance that Thailand attaches to a transparent, impartial, and inclusive approach in the multilateral regime. A decision to suspend the membership of a Member State in any United Nations' body cannot be taken lightly. The process must be done through careful consultations, based on principles, verified facts, and taking into account careful consultations, based on principles, verified facts, and taking into account constructive opinions as well as foreseeable consequences [6].

At the multilateral level, ASEAN foreign ministers also issued a joint statement on the situation in Ukraine ASEAN on February 26, 2022. ASEAN calls on all relevant parties to exercise maximum restraint and make utmost efforts to pursue dialogues through all channels, including diplomatic means to contain the situation, to de-escalate tensions, and to seek peaceful resolution in accordance with international law, the principles of the United Nations Charter and the Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia [1].

Considering Thailand's Explanation of the Vote on UN resolution ES-11/1, Thailand attempts to express its attachment to international law and respect for sovereignty, territorial integrity, and non-violence. Thailand supports enhancing dialogue through negotiations to settle the situation. According to Thailand's abstention in a vote on resolution ES-11/3, it can be said that compromising expression is the most profitable choice for Thailand. Thailand attempts to appear neutral and does not come into conflict with Russia, Ukraine, European countries, and the United States. Therefore, Thailand issues an Explanation of Vote to explain to all counterparts to understand. The Russian government understands Thailand's position. It is an evident that when the Russian government announces a list of countries-territories that are hostile to Russia, Russian companies, and citizens, those countries are countries participating in sanctions against Russia without Thailand on the list [15].

Challenges to the current Thailand-Russia relations. Considering the relations between Thailand

and Russia through the framework of neorealism, it can be explained that the structure of international system is a key factor formulating the interaction between Thailand and Russia. With the situation in Thailand and Southeast Asia where various major powers namely the United States, China, the European Union, and Russia, play a role and expand their influence in terms of politics, security, and economy. The balance of power between the major powers is one strategy of Thailand's foreign policy.

Since 2015, relations between Thailand and Russia have been developed dynamically in terms of political, economic, and socio-cultural at both bilateral and multilateral levels. Considering the factors that contribute to Russia's Turn to the East policy, Russia faces economic sanctions from the United States and their allies. Russia has to find new markets and friendly countries in Asia in order to maintain its role in the international political arena and have supportive partners. After the Crimea 2014, Thailand is one of the targeted countries in Southeast Asia.

In term of Thailand after 2014, Thailand faces economic pressure from the aftermath of the coup d'état in Thailand. Moreover, the United States and the European Union have pressure on Thailand to reform internal politics and restore democracy as soon as possible. The Thai government, therefore, chooses to pursue ties with China. China has played an important role in the Thai economy and has involved in the development of Thai infrastructure, such as of the high-speed double-track railway project. In addition, Thailand has taken advantage of the opportunity that Russia has played a role in the region in counterbalancing power with the United States and China. Thailand's interactions towards China and Russia can be considered as "External balancing," which is to build the cooperation with other states in the form of alliance or strategic partnership. Thailand aims to show the United States that Thailand has an option to interact with foreign countries and is not solely dependent on the United States as well as to increase its bargaining power in the international arena. At the same time, Thailand strengthens relations with Russia to counterbalance its power with the United States and China. In other words, Thailand creates conditions for the United States to reconsider its relations with Thailand. In term of China, although China is not a major power that poses a threat to Thailand's security, Thailand's over-reliance on China may result in Thailand losing its bargaining power in economic relations in the future.

During the pandemic Thailand and Russia face challenges that affect the dynamics of cooperation in all aspects. In terms of political relations, political cooperation is carried out through teleconference systems in the framework of international organizations, such as the Special ASEAN-Russia Foreign Ministers' Meeting on COVID-19 in June 2020, the ASEAN Summit with Dialogue Partners in November 2020, and the 17th ASEAN-Russia Senior Officials Meeting in January 2021. It can be indicated that Thailand and Russia have continued the dynamics of political cooperation; however, it is rather a routine

operation. In the aspect of economic relations, there are no new initiatives between Thailand and Russia. The two parties are still in the process of studying the possibility of establishing economic cooperation through the mechanism the Joint Working Group on Cooperation between Thailand and the Eurasian Economic Commission. As for the humanitarian cooperation, China and the United States have played a role in vaccine and medical assistance to Thailand. There is no room for Russia to play this role. Considering Thailand foreign policy during the pandemic, Thailand attempts to approach Russia to counterbalance China's role in vaccines. However, Thailand continues implement vaccine cooperation with China because of the deep economic ties between Thailand and China, like exports, investment and tourism. Although Thailand has continuously tried to implement a balanced foreign policy, Thailand has faced difficulties. Thailand and Russia have turned to restore people-to-people travel, especially since Thailand has approved Russian vaccines and Russia has opened direct flights from Russia to Thailand again. It is the starting point for cooperation activities between the two countries after the epidemic crisis.

After the pandemic Thailand attempts to restore tourist cooperation with Russia, Thailand eases COVID-19 restriction and support tourism and interaction. When the crisis between Russia and Ukraine occurs, the international arena is stressful. The conflict escalates to a conflict between the Russia and West led by the United States and European countries. Thailand is not a part of the ongoing conflict, and the conflict takes place outside the Asia-Pacific region. Owing to close and intimate relations with the United States and European countries, and long-lasting relations with Russia, Thailand has tried to maintain balanced relations with all counterparts. Considering Thailand's position in the United Nations, Thailand carefully expresses its position and tries not to take sides with anyone. Although Thailand does not support Russia actively, Russia continues to maintain friendship with Thailand.

Conclusion. From the point of view of Thailand, from the past to the present, Russia is one of the actors playing a role in balancing other major powers that have played a role in Thailand. The international system changes into multipolar system in the present century. The balance of power and the structure of the international system are the key factors influencing Thailand's relations with Russia. Likewise, Russia wants to play its role in the Asia region and find new strategic partners in the Asia region.

During the time of current global crisis Thailand and Russia face challenges. In addition, Thailand has faced competition from the major powers like the United States, China and Russia. Thailand has continuously tried to implement a balanced foreign policy in order to maintain its security and economic interests. In other words, Thailand remains an ally with the United States and is a strategic partnership with China and seeks to upgrade Russia as another strategic partnership.

On the other hand, Thailand loses an opportunity to enhance relations with Russia during the pandemic. Thailand is unable to push forward cooperation on vaccine with Russia, especially in comparison to its neighboring ASEAN countries that benefit from Russian vaccines to alleviate the epidemic situation and have a wide range of alternative vaccines. Although Thailand needs assistance from Russian medical technology and science, Russia is unable to maintain an opportunity to develop cooperation with Thailand. During the conflict between Russia and Ukraine, Thailand chooses to implement foreign policy with a reasonable distance to get the benefit from all counterparts. Russia must keep its friendly countries, especially Asian countries, to lessen the impact of Western sanctions. According to Russia's view, Thailand may not be a close friend of Russia but not be an enemy. At the present Thailand and Russia must carefully consider the situation and wait for new opportunities to develop their cooperation.

Relations between Thailand and Russia in the time of current global crisis Pongchinggam K.

Saint Petersburg State University

The article is devoted to the relations between Thailand and Russia during the current global crisis, both the COVID-19 outbreak and the conflict between Russia and Ukraine. The article's objectives are to examine the interactions between the two countries throughout this time, to analyze the effects of two crises on bilateral cooperation, and to analyze factors influencing the current dynamics of those relations. Neorealism theory is used as a framework for analyzing. Qualitative research methodology is used in analyzing collected data. This article is an in-depth analysis of both primary and secondary data. The findings suggest that the dynamics of political, economic, and tourism cooperation have been slowed down by the outbreak. Both countries attempt to collaborate on vaccination, but their efforts have not yet reached their goal. In the context of the Russia-Ukraine conflict, the disconnection of Russian banks from SWIFT system and the payment processing networks has caused problems in travel. In the international arena Thailand decides to balance relations with Russia and other counterparts. The novelty of the article concludes that the pandemic and Russia-Ukraine crisis have affected the development of current cooperation. Furthermore, the role of the United States and China is one of the crucial factors influencing bilateral relations.

Keywords: Thailand, Russia, Crisis, COVID-19 pandemic, Russia-Ukraine conflict

References

- ASEAN Secretariat. ASEAN Statements: ASEAN Foreign Ministers' Statement on the Situation in Ukraine // ASEAN Secretariat. URL: <https://asean.org/asean-foreign-ministers-statement-on-the-situation-in-ukraine/> (accessed: 23.09.2022).
- Chuenpiban Thanitpong. The impact of Russia-Ukraine war // Krungsri Asset Management. URL: https://www.krungsriasset.com/TH/Plan-your-investment/Learn-about-Investment/impact_Russia-Ukraine_war.aspx (accessed: 24.09.2022).
- Embassy of the Russian Federation. Russian Ambassador met Thai Deputy Prime Minister – Minister of Public Health // Embassy of the Russian Federation in the Kingdom of Thailand. URL: <https://thailand.mid.ru/news/6079-o-vstreche-posla-rossii-s-vitse-premerom-ministrom-zdravookhraneniya-tailanda> (accessed: 09.01.2022).
- Kasikorthai. Russia and Ukraine // KASIKORNTHAI. URL: https://www.kasikornbank.com/th/personal/the-wisdom/articles/Pages/Onward64_Economic-Horizon_2022.aspx (accessed: 24.09.2022).
- Matichon online. The Director General of the Department of America and South Pacific Affairs told the story behind the scenes about Thai-US cooperation to fight COVID-19 // MATICHON ONLINE. URL: https://www.matichon.co.th/foreign/news_2921748 (accessed: 03.02.2022).
- Ministry of Foreign Affairs. Summary of Weekly Press Briefing on Friday, 8 April 2022 // Ministry of Foreign Affairs, Kingdom of Thailand. URL: <https://www.mfa.go.th/th/content/weeklypressbriefing08042565> (accessed: 20.09.2022).
- Ministry of Foreign Affairs. Summary of Weekly Press Briefing on Thursday, 3 March 2022 // Ministry of Foreign Affairs, Kingdom of Thailand. URL: <https://www.mfa.go.th/th/content/weeklypressbriefing030365> (accessed: 20.09.2022).
- Ministry of Foreign Affairs. Thailand received a vaccine against COVID-19 from the United States government (2nd time) // Ministry of Foreign Affairs, Kingdom of Thailand. URL: <https://www.mfa.go.th/th/content/pm-vaccine-us-23-nov> (accessed: 10.01.2022).
- Ministry of Tourism and Sports. Tourism Statistics // Ministry of Tourism and Sports. URL: <https://www.mots.go.th/news/category/411> (accessed: 23.09.2022).
- Office of Permanent Secretary Ministry of Commerce, Information and Communication Technology Center. The International Trades between Thailand and Other Countries // Information and Communication Technology Center. URL: <http://traderreport.moc.go.th/Report/Default.aspx?Report=TradeThCountryTrade> (accessed: 24.09.2022).
- PPTV Online. FDA revealed that Kingen Biotech still had lacked important information // PPTV HD 36. URL: <https://www.pptvhd36.com/news/สุขภาพ/149508> (accessed: 09.01.2022).
- Royal Thai Government. The prime minister was satisfied with the progress of the negotiation of importing Sputnik V vaccine from Russia // Royal Thai Government. URL: <https://www.thaigov.go.th/news/contents/details/41116> (accessed: 12.10.2022).
- Russian Direct Investment Fund. First batch of the Sputnik V vaccine produced in Vietnam // Russian Direct Investment Fund. URL: https://rdif.ru/Eng_fullNews/7005/ (accessed: 02.02.2022).
- Russkiy Mir Foundation. Russia handed over batch of Sputnik light to Vietnam // Russkiy Mir Foundation. URL: <https://ruskiymir.ru/en/news/296486/> (accessed: 02.02.2022).
- TASS. The Cabinet of Ministers approved a list of countries and territories unfriendly to Russia // TASS. URL: <https://tass.ru/politika/13992265> (accessed: 24.09.2022).
- The Standard. China and Thailand are brotherhood. China provided medical supply from China to Thailand to fight COVID-19 // The Standard. URL: <https://thestandard.co/china-to-provide-thailand-assistance-in-fighting-covid-19/> (accessed: 03.02.2022).
- TNN ONLINE. China provided Thailand with 500,000 doses of vaccine // TNN ONLINE. URL: <https://www.tnnthailand.com/news/covid19/101400/> (accessed: 12.10.2022).
- United Nations General Assembly Resolution ES-11/1 "Aggression against Ukraine" // United Nations: Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3959039?ln=ru> (accessed: 26.04.2022).
- United Nations General Assembly Resolution ES-11/2 "Humanitarian consequences of the aggression against Ukraine" // United Nations: Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3965954?ln=ru> (accessed: 26.04.2022).
- United Nations General Assembly Resolution ES-11/3, "Suspension of the rights of membership of the Russian Federation in the Human Rights Council" // United Nations: Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3967778?ln=ru> (accessed: 26.04.2022).

Концепция политической идентичности в публичной дипломатии США и Российской Федерации

Садовников Никита Алексеевич

аспирант факультета международных отношений, Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ),
st043079@student.spbu.ru

Политическая идентичность ещё не рассматривалась в качестве научного дискурса в исследованиях о публичной дипломатии и связанных с ней внешнеполитических практик и инструментов. Даже концепт «конкурентоспособной идентичности/национального бренда», задействовавший инструментарий психологического подхода к определению идентичности и т. н. «восточного экскурса», являлись скорее стечением обстоятельств, чем целенаправленной попыткой задействовать идентичность в качестве основы для претворения в жизнь этой внешнеполитической модели. Тем не менее, многие существующие практики публичной дипломатии позволяют проследить закономерное присутствие неотъемлемых составляющих политической идентичности в своих программах и инструментах, особенно основанных на концепции «мягкой» и «умной силы».

Автор приходит к выводу, что, в формировании политической ориентации Скандинавских стран идентичность играла одну из ключевых ролей, и центрам силы для воздействия на этот специфический объект внешней политики, следует принять фактор «Скандинавской идентичности» во внимание.

Ключевые слова: публичная дипломатия, политическая идентичность, корпоративная идентичность, социальная идентичность, Скандинавия, Северная Европа, США, Российская Федерация.

Введение

Идентичность как концепт никогда не обозначалась в практике программ публичной дипломатии и в теоретических изысканиях, так как обе концепции были продуктом развития двух различных школ теории международных отношений (конструктивизма и неолиберализма). Тем не менее, эволюция понимания идентичности от базового определения «свой/чужой» до полноценного научного дискурса позволяет проследить закономерность, в который составные части становится составной частью мягкой силы как «высшей точки» развития публичной дипломатии, связанной с идентичностью актора и объекта его внешней политики на сегодняшний день. Вследствие зарождения концепции национального брендинга, ставшей своеобразным индикатором способности игроков на международной арене «брать города обаянием» и вышедшей за пределы «Наевской триады» (привлекательность культуры, политических ценностей и успехи на международной арене), идентичность и её составляющие, хоть и негласно, стали играть одну из первостепенных ролей за пределами «традиционной» дипломатии. Так, идентичность в деле «мягкой силы» играет роль как в формировании восприятия других акторов, так и в самоидентификации субъекта международных отношений, и наличие противоречий между самоидентификацией и внешним восприятием является для субъекта международной политики проблемой, требующей скорейшего уравнивания последнего с первым, дабы внешняя идентификация, навязанная со стороны противоборствующих акторов, не возобладавала. Правило примата самоидентификации актора на международной арене также первостепенно и для объекта международной политики, так как предпочтение её часто трактуется в качестве дружественного поведения. Для актора, являющегося собой «центр силы» и борющегося с другими равными ему за влияние в определённом регионе концепция «мягкой силы», ставящая во главу угла именно самоопределение объекта, является наиболее удобным способом склонить его население на свою сторону даже при отсутствии внятной позиции со стороны руководства страны.

На данный момент, когда за пределами традиционной дипломатии и инструментов «жёсткой силы» на международной арене складывается весьма неопределённая ситуация, Россия и США, представляющие собой вышеупомянутые «центры

силы», пытаются удержать старающиеся держаться поодаль от «большой политики» государства от «выхода из тени под чужими знамёнами» в условиях спада «мягкой силы». В сложившихся условиях идентичность этих малых акторов, принятие и поддержка её со стороны «центров силы», начинает играть первостепенную важность. Одними из таких «малых акторов» являются государства Скандинавского региона – как весьма неактивные члены НАТО Дания и Норвегия, так и «нейтрально-неприсоединившиеся» Швеция и Финляндия, и в условиях вялотекущего расширения НАТО на Восток этот регион гипотетически может стать полем боя если не за союзников, то хотя бы за «дружественных нейтралов».

Указанные выше обстоятельства обуславливают **актуальность исследований**, приведённых в данной статье.

Цель данного исследования: определение взаимосвязи концепта идентичности и практики публичной дипломатии на примере скандинавских государств, оказавшихся в одном из ключевых регионов противостояния «центров силы» – Российской Федерации и Соединённых Штатов Америки.

Методология: результаты и выводы, сделанные автором данной работы в процессе исследования, были получены путём применения таких методологических приёмов и методов научного познания, как сравнительный качественный и логический анализы. В рамках теории конструктивизма, подразумевающей сравнительное тестирование концепции идентичности, автор данной работы использовал кейс-стади, подразумевавший изучение Американо-Скандинавских и Российско-Скандинавских отношений на примере попыток вовлечения региона в своё внешнеполитическое русло.

Структура: данная работа представляет собой материал, разделённый на введение и две главы, заключения, списка используемых источников и литературы. Во введении поставлена цель и определены основные задачи данного исследования, установлена композиция исследовательской работы. Главы основной части данной работы разделены по принципу «теоретическая часть + эмпирические данные». В заключении приведены основные выводы.

Природа идентичности и её место в моделях публичной дипломатии.

Базовым условием для складывания политической идентичности было наличие двух и более акторов на международной арене: «Для того, чтобы понять своё “я”, необходим “иной”», – писал позже конструктивист Т. Хопф[11], таким образом подчёркивая, что природа идентичности полностью эмпирическая, складывающаяся из взаимодействия. В работе «Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия» Ф. Фукуяма определял философские истоки идентичности в работах античных мыслителей. Так, упомянутый в «Государстве» Платона термин «тимос/тумос» – «мятежный яростный дух», связующее звено между рациональным

началом и желанием, также ответственный за потребность в признании и уважения достоинства его носителя – Фукуяма трактует в качестве первичного признака философского концепта идентичности, так как именно он возникает вследствие взаимодействия, «я» и «иного», «при переживании чувства гордости и чувства гнева»[9]. Далее он выводит такие составляющие, как «*изотимию*» – потребности в равном уважении, и, в особенности, «*мегалотирию*» – потребности во всеобщем признании исключительности. присущие как отдельным личностям, так и сформировавшимся впоследствии национальным государствам[9].

Появлению идентичности в современном виде наука о международных отношениях обязана конструктивистам. «Психологизм в международных отношениях», на который указывал Фукуяма, был впоследствии развит А. Вендтом, в работе которого «Социология международных отношений» политическая идентичность была разложена на составляющие в виде *корпоративной* («имманентных актору самоорганизующиеся качества, которые составляют его индивидуальность») и *социальной* («наборы смыслов, которые актер приписывает себе с точки зрения других, то есть как социальному объекту <...> и которые генерируют мотивационные и поведенческие диспозиции») форм с чёткой взаимосвязью, причём корпоративная составляющая определялась самим актором заранее[28], что позволило перейти к конструированию Главным шагом, позволившим до концепции «антропологичности» государств как акторов[29]. Суть его заключалась в том, что механизм формирования идентичности состоит в первичной, вторичной политической социализации и ресоциализации, т. е. аналогичен политической социализации индивида. К тому же, очень многие аспекты поведения индивида переносятся на государства с учётом поведения на международной арене («групповые» эмоции и когнитивные функции, т. н. «национальное самосознание»), а изменение идентичности состоит просто в переходе от одной относительно стабильной идентичности к другой. Изотимия и мегалотимия, о которых упоминал Фукуяма, таким образом, управляют составляющими политической идентичности актора, и для тех участников международного процесса, для которых означенный актер является объектом внешней политики, важно уловить соотношение между социальной и корпоративной идентичностями, их непосредственное воздействие на политическое поведение актора. Именно антропологичность акторов, ставшая обязательным элементом формирования внешней политики в рамках этой парадигмы, позволяет судить о неразрывной, пусть и нецеленаправленной, связи публичной дипломатии с концептом идентичности акторов на современном этапе, а также присутствие её в некоторых ПД-моделях и уже могла служить и как часть инструментов публичной дипломатии, в том числе и в связке с оформляющейся в то время концепцией «мягкой», а далее – «умной силы».

Среди моделей публичной дипломатии, прямо или косвенно используемых, концепт идентичности

(а также ту или иную составляющую «тимоса»), можно отметить, прежде всего, «*транснациональную модель*», впервые с момента окончания «холодной войны» использующую исключительно негосударственных акторов внутри объекта внешней политики. В данной модели акторы участвуют в конструировании той корпоративной идентичности, которая необходима субъекту политики корпоративной идентичности в противовес доминирующей (т. е. уравнивание её с социальной), воздействуя на изотимию и, в особых случаях, мегалотимию акторов. Ярким примером могут быть акции протеста, созданные в ходе Арабских революций пользователями социальных сетей, которые в данной модели используются как основной инструмент её реализации[4]. Другой пример – «внутригосударственная PR-модель» соответствует способу воздействия PR-компаний, лоббистов и определённых политических групп внутри объектов внешней политики, и главным образом основывается на соответствии субъекта и движущей силы данной модели внутри объекта внешней политике т. н. «идеального коммуникативного акта». Ю. Хабермас определял его как «общий жизненный мир» в форме единых системы политических институтов, культурных норм и правил. Если воззрения субъекта политики совпадают с воззрениями агентов публичной дипломатии при условии соблюдения диалога и равноправного признания друг друга в качестве его участников (таким образом, вновь реализуя подход «восточного экскурса»), то последние так же, как и в предыдущей модели, участвуют в конструировании внутри актора необходимой корпоративной идентичности[4]. Концепт идентичности проявлялся и в «политике вовлечения» и «стирания политических границ», практикуемой на протяжении первого президентского срока администрацией Б. Обамы: подразумеваемая выстраивание внешней политики вокруг работы с изучением настроений и потребностей целевой аудитории публичной дипломатии (аналогично транснациональной модели используя негосударственных акторов) в формате диалога, эта модель также опирается на изотимию и, при её наличии, мегалотимию актора, но уже берёт за образец его корпоративную идентичность, чтобы «уравнять» с ней идентичность социальную со стороны уже субъекта внешней политики, подразумеваемые под ней ценности, потребности и настроения[6]. В качестве примера целесообразности подобного подхода может служить провал проекта Shared Values, когда трансляция ценностей и потребностей арабского населения США на арабское население Ближнего Востока как на объект внешней политики без учёта потребностей и особенностей его корпоративной идентичности также игнорировала его изотимию и мегалотимию, чем и вызвала рост антиамериканских настроений[24].

Наконец, следует выделить «мягкую силу», которую очень часто обозначают, публичную дипломатию в обиходе. Источниками «мягкой силы» Дж. Най определял транслируемые актором политические ценности и культуру на основе успешных

внешнеполитических действий – все три показателя формируют привлекательность актора на международной арене, таким образом задавая наиболее политическую идентичность для потенциальных объектов внешней политики. С точки зрения конструирования идентичностей «мягкая сила» является более «пассивной» концепцией, не требующей собственно прямого воздействия на социальную идентичность объекта внешней политики, но взаимодействующую с его «тимосом» через «мега-лотимию» субъекта через вышеупомянутые составляющие «мягкой силы»: построение успешного внешнеполитического имиджа вынуждает либо считаться с перестроением собственной корпоративной идентичности, либо ради её сохранения попытаться создать собственную «конкурентоспособную идентичность». Впоследствии и сам Дж. Най, между тем, заявлял об источниках американской «мягкой силы» (в данном случае, культуре) как о «проводнике, посредством которого люди по всему миру осознают свои идентичности, как коллективные, так и индивидуальные». Дальнейшим развитием её стала концепция «национального брендинга» и проистекающий из него феномен «конкурентоспособной идентичности» С. Анхольта, полученные путём введения методов маркетинга и политической коммуникации в практику публичной дипломатии «конкурентоспособной идентичности», по сути, основанная на комбинации «восточного экскурса» и психологического подхода к определению идентичности объекта внешней политики: она так же требует равного участия акторов в диалоге, но вместе с тем, отдаёт предпочтение корпоративной идентичности акторов. Итогом также становится создание «национального бренда», успешного конструкта идентичности, на которую ориентируются объекты внешней политики.

У самих конструктивистов к концепту «мягкой силы» двойственное отношение. Осознавая ценность теории Най в качестве механизма анализа внешнеполитического поведения акторов на основе существующих социальной и корпоративной идентичности, а также конструирования и управления отношениями между акторами. С другой стороны, главная задача «мягкой силы» в виде пассивного влияния на субъект политики и способа «заставить другого делать то, что нужно тебе без принуждения», признаётся конструктивистами *лобочной* целью данной концепции, так как только отношения без попыток отрицания корпоративной идентичности актора (на основе «восточного экскурса») могут считаться эффективной «мягкой силой», тем более, что они действительно учитывают изотимию и мегалотимию объектов политики, в отличие от «вовлечения», признающая таковые только со стороны субъекта. Т. е. «мягкая сила» позволяет создать компромисс между признанием идентичности объектов политики, и навязыванием той идентичности, что необходима актору, причём именно навязывание своей культуры в качестве доминирующей, исследователь считает первоочередной.

Помимо конструктивистов не только идентичность, но уже и связанные с ней модели публичной

дипломатии вызывают критику у неореалистов. Так, «базовое» понимание концепции идентичности «я/иной» на политическом уровне переходило в дихотомию «свой/чужой», более свойственную анархическому восприятию миропорядка присущего *реалистам и неореалистам*. К примеру, М. Цефусс при анализе работы Вендта указывала на нестабильность идентичностей, которая при учёте «антропоморфной природы государства» становится такой же неотъемлемой частью – таким образом, указанных автором «относительно стабильных идентичностей» может просто не существовать в долгосрочной перспективе, что делает идентичность актора исключительно побочной характеристикой при выстраивании в его отношении концепции внешней политики[30]. К публичной дипломатии, как и к идентичности, у неореалистов отношение столь же настороженное, так как главными акторами на международной арене являются национальные государства, и публичная дипломатия, таким образом, выпадает из категории «международных отношений», следовательно, неспособна оказывать на них существенного влияния. Тем не менее, всё-таки существуют модели публичной дипломатии и подходы к определению идентичности, столь же приемлемые для неореалистов ввиду соответствия основным положениям парадигмы. «Стандартное» понимание идентичностей, ограниченных диапазоном «свой/чужой», наиболее стабильного для международных отношений, определяется *психологическим* подходом к формированию идентичностей, частью которого данная дихотомия и является, наряду с распределением «социальных ролей» на международной арене между акторами, а также приматом социальной идентичности объекта внешней политики над корпоративной. По словам С. Хантингтона, «Ранее актуальный вопрос «на чьей вы стороне» сменился более принципиальным «Кто вы?». Каждая страна должна иметь ответ. Этот ответ, культурная идентичность страны, и определяет её место и мировой политике, её друзей и врагов»[12]. Подобный «неореалистический» подход к идентичности нашёл в воплощение в таких моделях публичной дипломатии, как модель «холодной войны» и «теория отклика». Первая подразумевает воздействие на гражданское общество как противоборствующей стороны, так и акторов, не вовлечённых в противостояние, для смягчения эффекта конфронтации в обход официальных дипломатических институтов, не заинтересованных в прекращении противостояния, через средства массовой информации. Основной целью было конструирование позитивной социальной идентичности субъекта политики через предоставление объекту информации об идентичности корпоративной, причём происходило в основном «монологическим» способом, без обратной связи. Вторая же подразумевает анализ методов «сопротивления» субъекта политики наравне с поиском методов его преодоления[24], для того чтобы выявить все возможные случаи, в которых корпоративная идентичность объекта внешней политики не будет совпадать с идентичностью социальной, навязываемой

субъектом. Данные модели оказываются весьма эффективными в случае «политической блокады» субъекта внешней политики со стороны других акторов и, следовательно, попыток навязать ему социальную идентичность в качестве тождественной корпоративной. Дальнейший отход от «мягкой» в сторону «умной» силы, уделяющей куда меньше внимания вопросам идентичности субъекта внешней политики и использующими стандартные инструменты «жёсткой» силы в качестве «гаранта» действия элементов силы «мягкой», также «воскресил» данную модель в качестве внешнеполитического инструмента.

Таким образом, идентичность соприкасается с публичной дипломатией в трёх парадигмах: неореалистической, конструктивистской и неолиберальной. Из всех парадигм лишь последняя безоговорочно признаёт «мягкую силу» в качестве инструмента внешней политики. Тем не менее, сложившиеся к 2020-м годам инструменты публичной дипломатии позволяют равно использовать как «неореалистические», так и «конструктивистские» подходы к идентичности, особенно при воплощении их в связке концепций «мягкой» и «умной силы» и целиком базирующихся на них принципах «политики вовлечения» и «преодоления политических барьеров» – успешность реализации зависит лишь от конкретного объекта внешней политики.

Скандинавская идентичность и публичная дипломатия США и России:

Несмотря на то, что скандинавская («северная») идентичность как феномен региональной корпоративной идентичности окончательно сложился после Второй Мировой войны, предпосылки её формирования возникли с окончательной расстановкой сил в регионе и выходе данных государств на «периферию» международной политики в Европе. Как писал в XVIII веке Э. фон Гольштейн: «Всё, что их [Швецию (в составе с Финляндией), Норвегию и Данию] сближает – естественно. Всё, что их разъединяет – неестественно и несправедливо»[18]. В данном разделе мы рассмотрим подходы к определению идентичности, позволяющие наиболее точно определить её социальную и корпоративную составляющие у Скандинавских государств.

Этнографический подход, столь любимый неореалистами и введённый постструктуралистом Р. Бартом, ставит в основу разделения идентичностей границы, искусственно поддерживаемые изначально «социальным» («иными», на основе эмпирического взаимодействия), а затем и «корпоративным» способом («самостоятельно»), в качестве реакции на восприятие актора его окружением, а также набором диакритиков, этнокультурных характеристик, присущих различным акторам и позволяющие им поддерживать эти границы, конструируя как общности с другими акторами, так «линии разлома»: раса, национальность, религия, языковые общности и т. д, причём масштаб их может варьироваться. Так, С. Хантингтон в работе «Столкновение цивилизаций» определял скандинавские госу-

дарства как однозначную часть «Евроамериканского» «западного» мира, выводя такие признаки, как использование европейских языков, социальный плюрализм, верховенство закона, светское государство с разделением властей и социальным представительством, преобладание эмансипативных ценностей над традиционными, индивидуализма над коллективизмом[12]. Хантингтона поддерживает К. Браунинг, уверенный что распад bipolarной системы привёл к «возвращению» ранее отделившихся от «условного Запада» нейтральных акторов в лице Швеции и Финляндии – этот процесс он называл «ревестернизацией» и связывал её с консолидацией европейских государств под влиянием восстановления России в новой системе международной политики и, следовательно, возобновлению существования исходящей от неё военно-политической и «цивилизационно-ценностной» угрозы, причём Браунинг уверен, что этот процесс в итоге приведёт к новому витку анархии в международных отношениях, но сделает Запад ощутимо сильнее[8]. Как мы можем убедиться, оба исследователя используют в определении идентичности скандинавов главную характеристику данного подхода – примат социальной идентичности над корпоративной. Однако представители Копенгагенской школы Л. Хансен и О. Вэвер, руководствуясь психологическим подходом, делали чёткое различие между «западной» и «северной» идентичностями, приводя в подтверждение антагонизм «элитизма – консерватизма – католической культуры» и «эгалитаризма – демократических традиций – лютеранской культуры»[27]. Аналогичную позицию занимает И. Нойманн, классифицирующий идентичности акторов на территории Евразии как «Западные» «Восточные» и «Северные» (Nordic) идентичности, используя подход «восточного экскурса»: формирование идентичности за счёт уравнивания «я» и «другого» во взаимодействии акторов и равноценном значении корпоративной и социальной идентичности при опоре на феномен диалогизма (который он также использует как маркер присущих идентичности ценностей). Скандинавов Нойманн относит к «северным», считая их «маргинальной идентичностью, сформировавшейся на стыке Востока и Запада» в годы «Холодной войны», а также региональными акторами, сумевшими сконструировать свою идентичность в исторической перспективе[18]. В качестве аргумента он ссылается на работу П. Йоэнниemi, описывавшего «ревестернизацию» и «ренордизацию» Финляндии на протяжении XX века, когда стране удалось преодолеть ранее общепризнанный статус «Восточноевропейской» страны (т. е. бывшего пост-имперского лимитрофа) и к середине столетия войти в статус сначала «северной» страны, а затем – стать полноправным членом западного сообщества после присоединения к Евросоюзу с точки зрения социальной идентичности, сконструированной акторами-участниками ЕС, при этом согласно корпоративной идентичности оставаясь северной страной[13].

Впрочем, некоторые исследователи, прежде всего, Х. Мурицен, описывая сложившийся в ходе

«холодной Войны» феномен «северного рубежа», неоднократно указывал на распад данной региональной формации после образования Евросоюза и вступления в него Швеции, как движущей силы региона, а затем и Финляндии как государства, стремившегося сконструировать основанную на нейтралитете идентичность. Помимо «оборонительных» следует также учитывать активные «наступательные» действия самого объекта политики. Швеция в годы «Холодной Войны», будучи одним из основных «нейтральных» объектов публичной дипломатии США в Европе, стремясь сохранить независимый политический курс, стала ядром формирования коллективной социальной идентичности нескольких отброшенных на «второстепенные» роли в Ялтинско-Потсдамской системе акторов с различными политическими курсами. «Северный рубеж», бывший способом как удовлетворить изотимию остающихся на второстепенных ролях в НАТО Дании и Норвегии и находящейся в асимметричной взаимозависимости от СССР Финляндии, вскоре стал выразителем мегалотимии северных стран и Швеции в особенности, получив название «Шведской модели». Х. Мурицен подчёркивает, что сам сложившийся под действием давления со стороны сверхдержав «Северный рубеж» в масштабах мировой политики, пусть и Швеция оставалась его ядром, в итоге оказался не столько способом наиболее сильного игрока в регионе взять под контроль более слабых акторов, сколько «резонатором», способным усилить голос каждого из акторов по отдельности, что, опять-таки, демонстрирует эгалитаризм, как отличительную характеристику «северной» идентичности[16]. Этот региональный конструкт «уравновесил» корпоративную идентичность северных стран, с идентичностью социальной, данной со стороны государств «Западного» и «Восточного» блоков, но будучи сконструированной с конкретной внешнеполитической целью в блоковом противостоянии, с его окончанием оказалась нецелесообразной, что, по мнению Мурицена, и открыло дорогу «ревестернизации» Скандинавских стран во главе с Швецией[16]. Предлагавший замену «северного рубежа» «балтийским» О. Вэвер старался занять компромиссную позицию по данному вопросу, ожидая курса на самоусиление стран Балтии и ростом националистических настроений среди населения данных государств после распада СССР, а значит – необходимости удовлетворения изо- и мегалотимии[27], однако курс на самоусиление не оправдался по причине зависимости, а в плане конструирования корпоративной идентичности – провозглашение Эстонии и Латвии «государствами Северной Европы», что, к тому же, можно считать «инерцией бренда», каковым является «северный рубеж», к которому его «традиционные» участники не перестают себя относить, даже не смотря на «ревестернизацию» его главных приверженцев в годы «Холодной Войны»[16].

Таким образом, социальную идентичность Скандинавских стран с точки зрения всех существующих подходов (психологического, «восточного экскурса»), следует определить как «Западную», что

исходит из мнения большинства зарубежных политиков и исследователей вне региона, в то время как её корпоративная идентичность попадает под идентичность «Северную», что отвечает конкретным целям внешней политики. Следовательно, существуют две трактовки их идентичности которые могут быть использованы как «отправные точки» в выстраивании необходимого подхода к Скандинавским странам как к объекту политики равно с «неореалистической» и «конструктивистской» позиций.

К началу 2020-х годов как стоявшие в авангарде публичной дипломатии США, так и лишь отметившаяся разработкой собственных концепций Российская Федерация, несмотря на несравнимые ресурсы и опыт практики публичной дипломатии теоретически располагают двумя противоположными с точки зрения природы методиками воздействиями на любой предполагаемый объект внешней политики с точки зрения «инициаторов» идентичности. Возвращаясь к идеям Платона, впоследствии именно сложные отношения между изотимией/ мегалотимией объекта внешней политики стала элементом, вокруг которого выстраивались стратегии публичной дипломатии США наиболее продуктивного её периода, когда после «конца истории» во главу угла стала «мягкая сила».

Публичная дипломатия США, основанная на «мягкой силе», служит «ориентиром», как наиболее развитое её направление среди акторов международного процесса, задействующую идентичность вообще, достаточно сказать, что эта концепция была сформулирована в Соединённых Штатах в 1965 году, и почти все вышеупомянутые модели публичной дипломатии были сформированы в ходе её практики. Что касается отдельных направлений публичной дипломатии, основанных на «мягкой силе» и задействующих концепцию политической идентичности, то наиболее яркой её реализацией стали политика «вовлечения» и «стирания политических границ». Данные направления были заданы Х. Клинтон напрямую на основе «мягкой силы» Ная и предполагали воздействие на субъект политики за счёт новейших средств информационной коммуникации и методик, привнесённых из «транснациональной модели»[21]. Возвращаясь к «тимосу» и его составляющим в данных концепциях, оба направления опираются на взаимодействие мегалотимии субъекта внешней политики и изотимии объекта, так как подающий себя в качестве политического и культурного ориентира центр силы вынуждает более слабых акторов либо противопоставить свои «мягкой силе» таковым у центра силы, либо, при невозможности преодолеть «мягкую силу» актора и предоставить ей собственную альтернативу, не оставаясь на «периферии» мировой политики, отказавшись следовать за лидером, что также исключает стремление к «восприятию в качестве равного» со стороны других акторов.

В 2010-х годах в практике публичной дипломатии США появилась теория «конкурентоспособной идентичности», позволившая задействовать все

источники «мягкой силы» страны (внешнеполитические успехи, привлекательность культуры и политических идеалов), указанные Наем, и таким образом, облегчить уравнивание социальной идентичности Соединённых Штатов со стороны других акторов с идентичностью корпоративной[7], активно создаваемой и успешно демонстрируемой усилиями самих США. Однако обострение международной обстановки в начале 2010-х заставил пересмотреть инструменты публичной дипломатии и перейти к более жёстким методам, не задействующим концепцию идентичности вообще. «Стратегическая коммуникация» и «диалоговая пропаганда» хоть и опираются на «восточный экскурс» в плане реализации, однако не задействуют концепцию политической идентичности даже отдалённо. Тем не менее, даже постепенный отход от «чистой» теории «мягкой силы» случае с новейшим инструментарием публичной дипломатии позволяет американской публичной дипломатии «оставаться на плаву» за счёт высокого рейтинга конкурентоспособной социальной идентичности[17].

Что же касается Скандинавских государств, то для Соединённых штатов этот регион стал объектом публичной дипломатии, в том числе и с точки зрения формирования идентичности, с началом «Холодной войны», и наиболее пристального внимания заслуживают переменные успехи в попытке «американизации» Швеции через образовательные проекты публичной дипломатии. Пусть в годы bipolarного противостояния об «идентичности» в конструктивистском её понимании («кто я?») речь не шла, представляя «неореалистическую» её модель («на чьей я стороне?»), в данном случае в рамках дихотомии «свободный мир» – «коммунистический интернационал», однако составляющие идентичности – изотимия и мегалотимия субъекта и объекта внешней политики – были в ней задействованы. К моменту начала «Холодной войны». С одной стороны, основание «Шведского института по Культурному Обмену» в 1945 было вызвано попыткой Швеции как сохранить нейтралитет, так и уберечь от американского и советского влияния Скандинавский регион[19], но с другой распространение образовательных программ в первую очередь, на Запад, было сопряжено с большей «открытостью» «свободного мира» к взаимодействию с государством и обществом, воспринимаемым ими как неотъемлемую часть «коллективного запада»[17]. К тому же, А. Окерлунд отмечает, что Швеция, изначально пытаясь лавировать между «коммунистическим Востоком и капиталистическим западом, стала более «податливым» объектом публичной дипломатии США после «Победного февраля» в Чехословакии в 1948 году, заморозившего активные отношения с Восточным блоком до 1960-х. Как итог, рост популярности образовательных программ в Западной Европе под эгидой Шведского института преследовало цель создать иной «вектор сил» в Западной Европе[10]. что являлось отражением изотимии Швеции как регионального игрока, стремлением защитить корпоративную «северную» идентичность, выразителем которой Швеция являлась – в скором

времени это позволило Швеции в скором времени претендовать на роль «нейтрального» центра силы и иной, нежели «западной» политической идентичности, вокруг которой начали объединяться «аутсайдеры» НАТО в Северной Европе, Дания и Норвегия, а также Финляндия, находящаяся в зоне интересов СССР. Так, как упоминалось ранее, был создан вышеупомянутый «Северный рубеж» внешней политики, отражавший мегалотимию всех скандинавских государств на мировой арене, одновременно будучи выразителем их изотимии *внутри* самого региона[10]. В этом значении «Северный рубеж» с точки зрения Соединённых Штатов являлся препятствием к установлению контроля над «северными нейтралами». Начатая программа культурной дипломатии также предполагала вмешательство образовательных программ, в Швеции эта политика проводилась под эгидой института Фулбрайт, заключившего в 1952 году соглашение о действии Комиссии института на территории страны, а также Информационного Агентства США, нацеленного на пропаганду американских ценностей[23]. Несмотря на определённые успехи в образовательном обмене и рост культурных связей, американская культура не спешила входить в повседневную жизнь шведского общества. К тому же, поскольку была задействована «модель Холодной войны», и в качестве агентов публичной дипломатии выступали негосударственные акторы, шведские официальные лица смотрели на действия США в значительной мере негативно. Поскольку в условиях биполярного противостояния идентичность США помимо культурных проектов во многом складывалась за счёт внешнеполитических успехов, то период наибольшей активности шведско-американского обмена происходил параллельно Войне в Вьетнаме. Поскольку внешнеполитический имидж (и, следовательно, социальная идентичность) Швеции была напрямую связана с миротворческой деятельностью, антиамериканизм, существующий в политических кругах, плавно перешёл на шведское общество. А. Стефан упоминает опубликованную в 1973 году в социал-демократическом издании *Stockholms Tidningen* статью «За что мы ненавидим Америку?», в которой Соединённые Штаты ассоциировались не только с военными преступлениями, но и «с насаждением разнузданного капитализма и империализма, поддержкой фашистских режимов и вопиющей несправедливости», а концепцию «свободного мира» напрямую называли «культурным колониализмом»[23]. И так как «свободный мир» напрямую ассоциировался с «западной идентичностью», можно утверждать, что попытка выявить «западную» политическую идентичность в качестве единой ценностной базы для распространения оказалась неудачной – впоследствии, Ф. Фукуяма упоминал, что недооценка изотимии и мегалотимии объектов внешней политики нередко приводила ко внешнеполитическим просчётам[9], и, как впоследствии указывал Най, в игнорировании внешнеполитического фактора. Только крах «Северного рубежа» с окончанием биполяр-

ного противостояния, как главного выразителя «северной идентичности» ослабил сопротивление шведов[16], сделав их более привлекательным реципиентом выгодной Соединённым Штатам социальной идентичности. Униполярзация миропорядка стала особенно заметна в том, что шведские социал-демократы, ранее бывшие одними из наиболее ярких представителей антиамериканизма в стране, в ходе выборов 1994 года пользовались американскими политическими консультантами, не говоря уже о заявлении, опубликованном в издании террористических атак 2001 года «Сегодня все мы – Американцы»[23]. Однако ни успех культурной дипломатии, ни рост популярности образовательных программ, отмечавшийся среди шведского населения, не смог предотвратить рост антиамериканизма всякий раз, когда Соединённые Штаты инициировали конфликты или кризисные ситуации. В то же время, А. Стефан отмечает, что скачкообразное повышение негативного отношения к США далее влекло за собой длительный период нормализации восприятия, и главная причина, по которой по-настоящему серьёзных попыток «перестроить» шведскую идентичность со стороны США не предпринималось – это нейтральный статус Швеции, а значит, и куда менее тесные связи с Соединёнными Штатами ввиду отсутствия прямой угрозы американским интересам в регионе. К тому же, Швеция не спешит отказываться от «наступательных действий»: с точки зрения использования «мягкой силы» в качестве основы для внешней политики Швеция стабильно лидировала на рубеже 2010-20-х годов и даже сместившись на три позиции, всё ещё превосходит по эффективности «мягкой силы» США[22], а значит, имеет больше шансов уравнивать социальную идентичность с выгодной ей идентичностью корпоративной. Выстраивая собственную политическую линию, Швеция не спешит «американизироваться» даже в эпоху глобализации, в чём явно заметны проявления мегалотимии Швеции и прямого игнорирования мегалотимии США, и первая вновь претендует на роль «центра» возрождаемой «северной идентичности» именно в виде концепта времён «Холодной войны» вследствие поляризации международных отношений в наши дни.

Российская практика публичной дипломатии, в большинстве своём, использует наработки американских коллег, особенно в области применения «мягкой силы», в том числе и попытки создания «конкурентоспособной идентичности» как способа поднятия собственной привлекательности, пусть ввиду политических событий со второй половины 2010-х годов, практически все действия имеют «монологический» характер, несмотря на отчётливое понимание развития именно диалогового характера коммуникации[25]. В отношении реализации концепции политической идентичности как части публичной дипломатии напротив, Россия больше опирается на идентичность в её «неореалистическом» виде, так как концепция её сводится не к признанию уникальности объекта публичной дипломатии, но поиску общностей («на чьей вы стороне?») – способ

также основанный на «восточном экскурсе» и куда более ориентированный на «изотимию» объекта политики, но, опять-таки, игнорирующий его возможную «мегалотию» (и при этом, напротив, демонстрируя «мегалотию» самой России, что проявляется в публично-дипломатических инициативах в рамках СНГ). Теоретическое воплощение данной теоретической стратегии описал Р. Лебу: «акторы, которые стремятся отделиться от своего окружения, приобретая более высокий ранг, начинают оказывать помощь своему окружению, за счёт чего и происходит сближение с ними»[14]. Гипотетическое воплощение этой концепции на практике могло бы произойти путём выделения среди Скандинавских государств однозначного лидера, вокруг которого и сложится новая единая идентичность, как в своё время произошло с идеей Скандинавизма, сложившегося вокруг Швеции. Проблема лишь в том, что в виде способа заставить слабых акторов двигаться в фарватере слабого «Северный рубеж», даже учитывая фактическое лидерство шведов, возрождению не подлежит: корпоративная идентичность скандинавов в XXI веке не предусматривает в своём основании лидерства, ибо эгалитаризм, как сказано выше, является отличительной чертой северной идентичности, которая объединяет столь непохожих акторов в единый этнополитический регион. Единственным подходом, вокруг которого может выстраиваться стратегия публичной дипломатии в отношении скандинавов, как ни странно, является опора на «мегалотию» всех акторов региона на основе «восточного экскурса», подразумевающего уравнивание корпоративной и социальной идентичности. Иными словами, Россия гипотетически может стать силой, заинтересованной в восстановлении «Северного рубежа» международной политики в том виде, в котором он существовал в годы «Холодной войны», и чему способствует нарастающая поляризация акторов на международной арене.

Однако если рассматривать исторический опыт отношений со Скандинавскими странами, на практике он также упирается в «модель Холодной войны», и в отличие от США «стандартным» объектом культурной дипломатии для России являлась Финляндия, в отношении которой для конструирования идентичности была применена даже ранняя «колониальная» модель публичной дипломатии, однако пик активности, опять-таки, пришёлся на «Холодную войну». Так, С. Микконен отмечает неоднократные попытки Советского правительства повысить имидж социал-демократической партии путём вмешательства культурной дипломатии в виде ежегодных визитов советских артистов в Суоми, к примеру, активизируя культурный обмен в период парламентских выборов 1954 и 1960 годов с целью воздействия на интеллектуальную элиту Финляндии[15]. Одной из черт культурного обмена была апелляция не к советской/русской, но финской национальной культуре[15]. Здесь мы видим ещё одно принципиальное отличие от американской практики, унаследованное уже российской практикой публичной дипломатии (по крайней

мере, в теории) – при несоответствии корпоративной идентичности объекта внешней политики социальной, выгодной самому актору, и невозможности как либо найти с ним «общности», усилия публичной дипломатии направляются не на конструирование выгодной идентичности, но на *удержание* существующей от подавления со стороны более сильного актора, также опираясь на мегалотию объекта[25]. Хотя Финляндия и стремилась в рамках «Северного рубежа» международной политики выстроить свои собственные основанные на миротворческой деятельности социальную и корпоративную идентичности в отрыве от Швеции, всё-таки страна оставалась в «асимметричной взаимозависимости» от Советского Союза, пусть и обособлявшего Суоми от других капиталистических стран. Попытки СССР воздействовать на внешнеполитическую ориентацию Финляндии привели к попытке правительства У. Кекконена построить корпоративную идентичность на основе нейтралитета, т. е. концепт «интеллектуальной защиты» (“Henkinen maanpuolustus”), хоть и провалившийся в качестве конструкта идентичности ввиду неудачной реализации в качестве «исторически обоснованного политического курса», всё-таки был нацелен на уравнивание конструируемой корпоративной идентичности с идентичностью социальной, приписываемой финнам по итогам внешнеполитической деятельности в качестве «активного нейтрала и миротворца»[20], что так же могло быть выгодно СССР, стремившемуся сохранить статус-кво в отношении существующей корпоративной идентичности Финляндии.

В настоящее время Финляндия, также заинтересованная в сохранении корпоративной идентичности, предпочитает вновь выстраивать отношения со Швецией ввиду сходного пути исторического развития, также связанного с периодом «ревестернизации» и стремления связать политику нейтралитета/неприсоединения с конструируемой корпоративной идентичностью. Два этих актора могут стать ядром нового «Северного рубежа» и выразителями «северной идентичности», и, как уже было сказано выше, Россия может быть заинтересована в этом процессе. Однако ввиду определённых геополитических причин, на данный момент и этот актор в значительной мере обделён вниманием России, так как несмотря на самую протяжённую границу в Европе, в качестве возможной сферы влияния особую роль для России играют постсоветские государства, так как финансирование проектов публичной дипломатии до начала Пандемии велось по «остаточному принципу», а потому и рассчитывать на долгосрочные перспективы не приходилось, предпочтя им решение наиболее животрепещущих проблем антироссийских настроений в странах бывшего СССР[2].

Заключение

Подводя итоги, взаимные концепции политической идентичности и инструментов публичной дипломатии позволяет сделать хотя бы приблизи-

тельный прогноз возможного инструментария последней, необходимого для того, чтобы получить со стороны объекта международной политики внешнеполитические действия, необходимые одному из «центров силы» и способствующие политической ориентации на него – таково прикладное значение этой взаимосвязи.

Несмотря на вопиющую разницу и несоизмеримые ресурсы для воплощения программ публичной дипломатии на практике, оба «центра силы» имеют сходные проблемы в отношении восприятия ценности корпоративной идентичности объекта внешней политики. В заключение следует отметить, что в сложившихся условиях оба подхода к реализации публичной дипломатии применить в ближайшем будущем не представляется возможным по причинам малой востребованности методик публичной дипломатии на начало 2020-х годов. Так, российская публичная дипломатия может похвастаться лишь теоретическими успехами, которые перечёркивает отсутствие «публичной дипломатии» как систематически практикуемых целенаправленных действий со стороны негосударственных акторов и взгляд на неё не как на концепцию, но как на набор инструментов, которых при желании можно приспособить для воплощения в реальность любой концепции[2], несмотря на ведущуюся бурную работу по развитию этого инструментария. К тому же, концептуальный поворот к признанию важности мегалотимии объекта внешней политики и декларативный приоритет его идентичности, безусловно, являются позитивным явлением, способным изменить восприятие России на более позитивное, однако он уже осложнён фактическим положением её как государства, не обладающего достаточной привлекательностью для конструирования действительно конкурентоспособной идентичности[3].

Даже взятая за образец американская публичная дипломатия переживает не лучшие годы, попав сначала под «ожесточение» в последние годы президентства Б. Обамы ввиду перехода к «мягкой силы», а потом и окончательно сойдя на нет в эпоху Д. Трампа, держится в основном, за счёт «инерции бренда», созданного ценой конструируемого на протяжении нескольких десятилетий позитивного политического имиджа и внешнеполитических успехов, создавших баланс между корпоративной и социальной идентичностями США и американцев, однако практическое воплощение данной концепции всё ещё остаётся под вопросом.

Что же касается Скандинавских государств как объектов политики, то и однозначно подверженных воздействию на основе идентификационной составляющей «мягкой» и «умной» силы со стороны пока что не определено, так как ни один из «центров силы» не намерен использовать наиболее привлекательную и желаемую для самих субъектов политики «конструктивистскую модель» «мягкой силы» ввиду трудности реализации и неприоритетности самого региона во внешней политике «центров силы»: стремясь решить внешнеполитические задачи «по остаточному принципу», и Россия, и США игнорируют «мегалотимию» и «изотимию» стран

региона, предпочитая изучению взаимодействия со столь сложным объектом внешней политики способы оказания влияния на Скандинавские страны, что, опять-таки, вряд ли может достичь должного эффекта. К тому же, Скандинавы сами на протяжении прошедших трёх лет демонстрируют повышение уровня реализации концептов мягкой силы на практике[22], а значит, рост конкурентоспособности собственной корпоративной идентичности и, как следствие, собственных изотимии и мегалотимии, что может сделать эти объекты внешней политики очень трудными целями с точки зрения воздействия инструментами публичной дипломатии.

Таким образом, эксперимент с взаимосвязью идентичности и инструментов публичной дипломатии способен оказаться подтверждением того, что несмотря на разнообразие подходов к определению идентичности объекта политики, выбор наиболее верного обязан учитывать такие наиболее часто игнорируемые составляющие корпоративной идентичности, как «изотимия» и «мегалотимия» данного объекта, так часто игнорируемые со стороны «центров силы» или воспринимаемые ими, как препятствия. На данный момент ввиду «ожесточения» внешней политики, подобное «напутствие» может остаться лишь экспериментом, убранным в долгий ящик.

Литература

1. Бурлинова Н. Концепция внешней политики 2016 и «мягкая сила» России» [Электронный ресурс] // Внешнеполитическое обозрение Picreadi.ru, 2016 – 14 Декабря. Ссылка на ресурс: <https://picreadi.ru/konceptsiya-vneshnej-politiki-2016-i-myagkaya/> (дата обращения – 20. 12. 2020);
2. Бурлинова Н.; Василенко П., Иванченко В., Шакиров О. 10 шагов на пути к эффективной публичной дипломатии России: экспертный обзор российской публичной дипломатии в 2018-2019 гг., доклад // Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, №52 – 2020, 58 с.;
3. Лукин А. Публичная дипломатия [Электронный ресурс]. // Международная жизнь. №3, Вып. 3. 2013, Ссылка на ресурс: <https://web.archive.org/web/20160304084910/http://diplacademy.ru/smi001.shtml> (дата обращения – 20. 12. 2020);
4. Публичная дипломатия: Теория и практика. Научное издание. // Авторский коллектив под ред. Лебедевой М. М.: «Аспект Пресс». 2017, 272 с.;
5. Цветкова Н. Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914–2014 гг. : дис. на соискание степени докт. ист. наук, СПб.: 2015, С. 552;
6. America's Extended Hand: Assessing the Obama Administration's Global Engagement Strategy. 2010 – June, P. 60;
7. Anholt S. Competitive Identity: the new brand management for nations, cities and regions. London, Palgrave Macmillan. 2007, P. 134;
8. Browning C. Coming Home or Moving Home? 'Westernizing' Narratives in Finnish Foreign Policy and

the Reinterpretation of Past Identities. // *Cooperation and Conflict*. Vol. 37, No. 1. 2002, pp. 47–72;

9. Fukuyama F. *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. NY: Farrar, Straus and Giroux. 2018, P. 240;

10. Glover N. *National Relations. Public Diplomacy, National Identity and the Swedish Institute 1945–1970*. Lund: Nordic Academic Press. 2011, P. 287;

11. Hopf T. The promise of constructivism in international relations theory. // *International Relations*. Vol. 23, No. 1. 1998, P. 171–200;

12. Huntington S. *The clash of civilizations*. N.Y.: Simon & Schuster, 1996. P. 194;

13. Joenniemi P. Finland in the New Europe: A Hegelian or a Herderian Project? // *European Integration and National Identity: the Challenge of the Nordic States*. 2001 – pp. 182–213;

14. Lebow R. *Identity and International Relations*. Cambridge University Press, Cambridge. 2016, P. 270;

15. Mikkonen S. Interference or friendly gestures? Soviet cultural diplomacy and Finnish elections, 1945–56. // *Cold War History* 20, No. 3. 2020, pp. 349–365;

16. Mouritzen H. The Nordic Model as a Foreign Policy Instrument: Its Rise and Fall. // *Journal of Peace Research*. Vol. 32. No. 1. 1995, pp. 9–21;

17. Nation Brand Index 2021. Press Release [Digital Source]. URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2021-10/NBI-2021-ipsos.pdf> (access date – 20.10.2021);

18. Neumann I. Collective Identity Formation: Self and Other in International Relations. // *EUI Working Paper RSC*, No. 95/36. 1995, P. 48;

19. Åkerlund, A. The impact of foreign policy on educational exchange: the Swedish state scholarship programme 1938–1990. *Paedagogica Historica*. 50, 3, 390-409, June 2014;

20. Rainio-Niemi J., *The Ideological Cold War: The Politics of Neutrality in Austria and Finland*. N.Y.: Routledge Studies in Modern History, Vol. 12. 2014, P. 230;

21. Singh R. *Barack Obama's Post-American Foreign Policy*. Bloomsbury Academic, NY. 2012, P. 251;

22. Soft Power 30. Overall Ranking 2019 [Digital Source]. URL: <https://softpower30.com/> (дата обращения – 28. 02. 2021);

23. Stephan A. *Americanization and Anti-Americanism: The German Encounter with American Culture after 1945*. Berghahn Books, NY. 2008, P. 256;

24. Tibi B. Culture and Knowledge: the Politics of Islamization of Knowledge as a Postmodern Project? *The Fundamentalist Claim to De-Westernization // Theory, Culture & Society*. 1995. Vol. 12. P. 1–24;

25. Velikaya A., Simons G. *Russia's Public Diplomacy Evolution and Practice*. Studies in Diplomacy and International Relations. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. 2020, P. 306;

26. Waeber O. Nordic nostalgia: Northern Europe after the Cold War. *International Affairs*, Volume 68, Issue 1, January 1992, P. 77–102;

27. Waeber O., Hansen L. *European Integration and National Identity: The Challenge of the Nordic States*.

N.Y.: Routledge Studies in Modern History. 2001, P. 248;

28. Wendt A. Collective Identity Formation and the International State // *American Journal of Sociology*. Vol. 88. No 2. 1994, P. 384–396

29. Wendt A. The State as Person in International Theory. // *Review of International Studies*, Vol. 30, No. 2. 2004, P. 289–316;

30. Zehfuss M. Constructivism and Identity: A Dangerous Liaison // *European Journal of International Relations*. Vol. 7. No 3. 2001, pp. 315–348.

The Concept of Political Identity in Public Diplomacy of the USA and the Russian Federation

Sadovnikov N.A.

St. Petersburg State University

Political identity has not been considered as a scientific discourse in research on public diplomacy and related foreign policy practices and tools yet. Even the concept of the “competitive identity / nation-branding”, using the tools of the psychological approach to defining identity, and so-called “the eastern excursion” was more a coincidence than a deliberate attempt to use identity as a basis for the implementation of this foreign policy model. Nevertheless, many existing practices of public diplomacy make it possible to trace the natural presence of inalienable components of political identity in their programs and instruments, especially those based on the concepts of “soft” and “smart power”.

The purpose of this article is to determine the relationship between the concept of identity and the practice of public diplomacy using the example of the Scandinavian states, located in one of the key regions of confrontation between «power centers», represented by Russian Federation and the United States of America. The author comes to the conclusion that identity have been playing one of the key roles in the formation of the political orientation of the Scandinavian countries for several historical periods, and power centers should take the factor of the “Scandinavian identity” into account to influence this specific object of foreign policy.

Keywords: public diplomacy, political identity, corporate identity, social identity, Scandinavia, Northern Europe, Russian Federation, the United States.

References

1. Burlinova N. The concept of foreign policy 2016 and Russia's "soft power" [Electronic resource] // *Foreign Policy Review* Picreadi.ru, 2016 - December 14. Link to the resource: <https://picreadi.ru/koncepciya-vneshnej-politiki-2016-i-myagkaya/> (accessed 20.12.2020);
2. Burlinova N.; Vasilenko P., Ivanchenko V., Shakirov O. 10 steps towards effective Russian public diplomacy: an expert review of Russian public diplomacy in 2018-2019, report // *Russian International Affairs Council (RIAC)*. - M.: NP RIAC, No. 52 - 2020, 58 p.;
3. Lukin A. Public diplomacy [Electronic resource]. // *International life*. No. 3, Issue. 3. 2013, Link to resource: <https://web.archive.org/web/20160304084910/http://dipacademy.ru/smi001.shtml> (accessed 20.12.2020);
4. Public diplomacy: Theory and practice. Scientific publication. // Team of authors, ed. Lebedeva M. M.: Aspect Press. 2017, 272 p.;
5. Tsvetkova N. Public diplomacy as a tool for the ideological and political expansion of the United States in the world, 1914–2014. : dis. for the degree of Dr. ist. Sciences, St. Petersburg: 2015, p. 552;
6. *America's Extended Hand: Assessing the Obama Administration's Global Engagement Strategy*. 2010 – June, P. 60;
7. Anholt S. *Competitive Identity: the new brand management for nations, cities and regions*. London, Palgrave Macmillan. 2007, P. 134;
8. Browning C. Coming Home or Moving Home? 'Westernizing' Narratives in Finnish Foreign Policy and the Reinterpretation of Past Identities. // *Cooperation and Conflict*. Vol. 37, no. 1. 2002, pp. 47–72;
9. Fukuyama F. *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. NY: Farrar, Straus and Giroux. 2018, P. 240;
10. Glover N. *National Relations. Public Diplomacy, National Identity and the Swedish Institute 1945–1970*. Lund: Nordic Academic Press. 2011, P. 287;
11. Hopf T. The promise of constructivism in international relations theory. // *International Relations*. Vol. 23, no. 1. 1998, P. 171–200;
12. Huntington S. *The clash of civilizations*. N.Y.: Simon & Schuster, 1996. P. 194;
13. Joenniemi P. Finland in the New Europe: A Hegelian or a Herderian Project? // *European Integration and National Identity: the Challenge of the Nordic States*. 2001-pp. 182–213;
14. Lebow R. *Identity and International Relations*. Cambridge University Press, Cambridge. 2016, P. 270;
15. Mikkonen S. Interference or friendly gestures? Soviet cultural diplomacy and Finnish elections, 1945–56. // *Cold War History* 20, no. 3. 2020, pp. 349–365;
16. Mouritzen H. The Nordic Model as a Foreign Policy Instrument: Its Rise and Fall. // *Journal of Peace Research*. Vol. 32. No. 1. 1995, pp. 9–21;
17. Nation Brand Index 2021. Press Release [Digital Source]. URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2021-10/NBI-2021-ipsos.pdf> (access date - 10/20/2021);

18. Neumann I. Collective Identity Formation: Self and Other in International Relations. // EUI Working Paper RSC, No. 95/36. 1995, P. 48;
19. Åkerlund, A. The impact of foreign policy on educational exchange: the Swedish state scholarship program 1938–1990. *paedagogica historica*. 50, 3, 390–409, June 2014;
20. Rainio-Niemi J., *The Ideological Cold War: The Politics of Neutrality in Austria and Finland*. N.Y.: Routledge Studies in Modern History, Vol. 12. 2014, P. 230;
21. Singh R. *Barack Obama's Post-American Foreign Policy*. Bloomsbury Academic, NY. 2012, P. 251;
22. *Soft Power 30. Overall Ranking 2019* [Digital Source]. URL: <https://softpower30.com/> (accessed 28.02.2021);
23. Stephan A. *Americanization and Anti-Americanism: The German Encounter with American Culture after 1945*. Berghahn Books, NY. 2008, P. 256;
24. Tibi B. Culture and Knowledge: the Politics of Islamization of Knowledge as a Postmodern Project? The Fundamentalist Claim to De-Westernization // *Theory, Culture & Society*. 1995 Vol. 12. P. 1–24;
25. Velikaya A., Simons G. *Russia's Public Diplomacy Evolution and Practice*. Studies in Diplomacy and International Relations. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. 2020, P. 306;
26. Waever O. Nordic nostalgia: Northern Europe after the Cold War. *International Affairs*, Volume 68, Issue 1, January 1992, pp. 77–102;
27. Waever O., Hansen L. *European Integration and National Identity: The Challenge of the Nordic States*. N.Y.: Routledge Studies in Modern History. 2001, P. 248;
28. Wendt A. Collective Identity Formation and the International State // *American Journal of Sociology*. Vol. 88. No 2. 1994, P. 384–396
29. Wendt A. The State as Person in International Theory. // *Review of International Studies*, Vol. 30, no. 2. 2004, P. 289–316;
30. Zehfuss M. Constructivism and Identity: A Dangerous Liaison // *European Journal of International Relations*. Vol. 7. No. 3. 2001, pp. 315–348.

Территории традиционного природопользования: сохранить культуру и традиции этноса в эпоху глобализации

Ширинен Рада Патрисовна

руководитель центра, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, r.shirinen@mail.ru

В эпоху глобализации в ходе, которого стираются всевозможные границы, по всему миру наблюдается катастрофическое сокращение территорий этносов или вовсе их исчезновение, вслед за ними теряют свою идентичность, населяющий ее народ. Вследствие чего, сегодня многие страны стремятся сохранить и защитить исконную среду обитания традиционного образа жизни и природопользования коренных жителей.

В исследовании рассматриваются нормативно правовые акты, способствующие сохранению традиционного образа жизни кочевого народа в исконной среде обитания.

Составной частью развития любого региона является промышленное освоение ее территорий, это значит, что соприкосновение добывающих компаний с традиционной хозяйственной деятельностью и традиционным образом жизни коренного населения неизбежно. А каким будет этот контакт, во многом зависит от территориальных органов законодательной и исполнительной власти.

Ключевые слова: территории традиционного природопользования, малочисленный народ, коренной народ, этнос, традиции, культура, этнологическая экспертиза.

Введение

В эпоху глобализации в ходе, которого стираются всевозможные границы, по всему миру наблюдается катастрофическое сокращение территорий этносов или вовсе их исчезновение, вслед за ними теряют свою идентичность, населяющий ее народ.

Вследствие чего, сегодня многие страны стремятся сохранить и защитить исконную среду обитания традиционного образа жизни и природопользования коренных жителей. Все чаще в государственных структурах наблюдается тенденция внесения существенных изменений в пользу «экологического законодательства», государство поддерживает проекты, мировой бизнес старается вкладывать средства в безопасные для природы и народа проекты, в обществе отчетливо видны природоохранные тренды гармоничного существования с природой и осознанного потребления.

Несмотря на то, что коренные народы мира кардинально отличаются друг от друга культурой, историей и социально-экономическими условиями проживания, есть и общие непоколебимые черты. Одним из таких существенных особенностей является - гармоничность сосуществования этноса и окружающей его территории природопользования в местах проживания, наличие незыблемого набора морально-этических норм, касающихся связи человека и природы, то есть наличие высокой внутренней экологической культуры.

На мировом уровне нормотворчества, Генеральная Ассамблея ООН в 2007 году принята Декларацию о правах коренных народов, в нем отражены основные нормы для государств, в которых проживают коренные малочисленные народы[1]. В частности стоит отметить в ст. 25 «Коренные народы имеют право поддерживать и укреплять свою особую духовную связь с традиционно принадлежащими им или иным образом занятыми или используемыми ими землями, территориями, водами и морскими прибрежными водами, а также другими ресурсами и нести свою ответственность перед будущими поколениями в этом отношении» и ст. 26 «Коренные народы имеют право на земли, территории и ресурсы, которыми они традиционно владели, которые они традиционно занимали или иным образом использовали или приобретали. Использовать, осваивать или контролировать земли, территории и ресурсы, которыми они обладают в силу традиционного владения или другого традици-

онного занятия или использования, а также те, которые они приобрели иным образом». Данный документ, носит больше рекомендательный характер, тогда как юридическую силу имеет местное законодательство, регламентирующий «правила игры на российском правовом поле»[1].

В России понятие традиционное природопользование введено Указом Президента Российской Федерации от 22.04.1992г №397 «О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера»[2]. В документе определены места проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера территории традиционного природопользования, которые являются неотъемлемым достоянием этих народов и без их согласия не подлежат отчуждению под промышленное или иное освоение, не связанное с традиционным хозяйствованием.

Если в указанном документе определен только правовой статус земель, то в ходе применения на практике закон неоднократно уточнялся и дорабатывался, как итог Федеральный закон 07.05.2001 №49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»[3]. Согласно данному документу, территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (далее - территории традиционного природопользования) – это особо охраняемые территории, образованные для ведения традиционного природопользования и традиционного образа жизни коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. А традиционное природопользование - исторически сложившиеся способы освоения окружающей природной среды на основе долговременного, экологически сбалансированного пользования возобновляемыми природными ресурсами без подрыва способности к устойчивому воспроизводству и снижения разнообразия природных ресурсов»[3].

Документ регулирует правовой режим, порядок образования территорий традиционного природопользования, его размеры и границы. Данный Федеральный закон также применим и к лицам, не относящимся к малочисленным народам, но постоянно проживающим в местах их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности, ведущим традиционное природопользование и традиционный образ жизни. Он оказался основополагающим в отстаивании интересов коренных малочисленных народов, сохранении традиционного уклада жизни, исконной среды обитания.

Последующие годы в отдельных субъектах достаточно активно развивалось законодательство, в которых на региональном уровне приняты законы, защищающие права и интересы коренных жителей. Кроме того, в ряде субъектов были приняты законы о семейно-родовых общинах и семейно-родовых угодьях, на которых земли коренных народов рассматривались, прежде всего, как территории для

ведения традиционной хозяйственной деятельности.

Сегодня передовым считается опыт реализации закона в Республике Саха (Якутия). В регионе «под действие закона о территориях традиционного природопользования и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера подпадает 53 процента территории Якутии»[4]. «Оленевод и недропользователь должны быть равноправными субъектами права, первый как исконный житель и хозяин на своей земле, второй как исполнитель госзаказа на его земле» – так считают в профильном комитете Госсовета (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия)»[5].

В рассматриваемом субъекте – республике Тыва, в соответствии с Распоряжением Правительства РФ № 631-р от 08.05.2009г о «Перечне мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации» к территориям традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов относят одиннадцать населенных пунктов в четырех муниципальных районах[6].

Таблица 1
Перечень территорий традиционного природопользования в Республике Тыва в соответствии с Распоряжением Правительства РФ № 631-р от 08.05.2009г

№	Муниципальное образование	Населенный пункт	Площадь, км ²	Численность населения, на 01.01.2020г
1	Монгун-Тайгинский кожуун*	Кызыл -Хая	1100	1463
2		Тоолайлыг	0,12	158
3	Терек-Хольский кожуун	Шынаа	7666,19	1580
4		Каргы	2382,57	146
5		Эми (От-тук-Даш)	2382,57	171
6		Балыктыг (Тал)	Без построек, к селу административно относятся местечки (населённые пункты без статуса поселения) м. Агаш, м. Ак-Эрик, м. Боом-Бажы, м. Бурга-астай, м. Ийи-Дыт, м. Кара-Суг, м. Кезек-Дыт, м. Кызыл-Суг, м. Мажыдай, м. Оораш-Ой, м. Урсул, м. Хазынакты, м. Хиримник, м. Хоктерге-Аксы, м. Чолду, м. Чудумай, м. Шархамнык667004 м. Эрмес	97
7	Тоджинский кожуун	Азас	27,21	1412
8		Ий	34,61	1443
9		Сыстыг-Хем	13,31	145
10		Чазылар	1,52	146
11	Эрзинский кожуун	Бай – Даг	40,31	1316

Кроме того, в прошлом году 25.06.2021г Постановлением Правительства Республики Тыва за № 296 был утвержден «Порядок образования территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Российской Федерации, проживающих на территории Республики Тыва, регионального значения»[7], пока желающих воспользоваться данным нормативно-правовым актом не зафиксировано. Можно предположить, что предлагаемые «потребители» не имеют представления о наличии такого ресурса. В перспективе, возможно, данным правом воспользуются многие хозяйствующие субъекты, так как фактически, традиционную хозяйственную деятельность ведут повсеместно.

Традиционное занятие тувинцев – кочевое скотоводство, охота и собирательство, разводили и до сих пор разводят мелкий и крупный рогатый скот, в том числе яков (в высокогорных районах республики), а также лошадей и верблюдов. В течение года отдельные хозяйства совершают около трех-четырёх перекочёвок. Летние пастбища преимущественно располагаются в долинах рек, зимние – на склонах гор. По данным Росстата на конец декабря 2021 года поголовье крупного рогатого скота в хозяйствах всех категорий, составляет 190,8 тыс. голов, из них коров – 79,7 тыс. голов. Поголовье овец и коз 1 254,9 тыс. голов[8].

Стартовавший в 2016 году губернаторский проект «Кыштаг для молодой семьи», также внес существенный вклад в популяризацию и интеграцию молодежи в традиционное хозяйство. Целью данного проекта было развитие традиционного животноводства и увеличение занятости сельской молодежи путем содействия в строительстве зимних чабанских стоянок и приобретении поголовья КРС и МРС. Поставленные перед данным проектом задачи, такие как привлечение сельской молодежи к ведению животноводства, увеличение количества крестьянского (фермерского) хозяйства на территории республики, снижение напряженности на рынке труда были выполнены. 416 хозяйств «кыштаговцев» получили и сохранили в общей сложности около 37 тысяч ягнят. Строительство усадеб с чабанским домиком и кошарой потребовал заготовки 68 тысяч «кубов» древесины. Более 55 тысяч гектаров неиспользуемых земель сельхозназначения вернули в оборот[9].

Справочно. «Первым участникам, отобранным на сельских сходах, республика передала по 200 овцематок и помогла обустроить стойбище - возвести дом для семьи фермера и кошару для животных. Стартап регистрировался в статусе крестьянско-фермерского хозяйства, чтобы пользоваться всеми видами государственной поддержки. За семьей закреплялись сельхозугодья, включая пастбища. Главное условие контракта - за два года увеличить поголовье и передать столько же овец следующему участнику. При его выполнении оставшееся поголовье, как и усадьба, переходят в собственность фермера»[9].

Осуществление своей деятельности ресурсодобывающими компаниями на пастбищах, охотничьих угодьях или рядом с ними, общину, которую эта земля кормила испокон веков, приводит к тяжелым временам. Мало того, что люди лишаются источника существования. Не в лучшую сторону меняется весь жизненный уклад, поскольку соседство с разрабатываемым месторождением и вахтовым поселком неизбежно оказывает влияние на все, включая систему отношений, культуру, язык.

В отдаленную республику могут себе позволить прийти только крупные добывающие компании, в планах которой изначально отсутствует пункт по развитию региона, в котором они работают. Следовательно, на региональном уровне необходимо предусмотреть возможность добывающих компаний, согласовано с учетом мнения коренного населения, вносить вклад в развитие социальной сферы на осваиваемой территории.

По данным отраслевого министерства, в республике по состоянию на 01 августа 2022 года одиннадцать предприятий осуществляют свою деятельность в горнодобывающей отрасли, из них: три предприятия заняты в добыче угля, четыре в добыче золота, и по одному в добыче полиметаллических руд, асбеста, каменной соли, меди и молибдена[10]. Несмотря на рост объемов производства добывающих компаний, благосостояние местного населения в муниципальных образованиях где осуществляют свою деятельность добывающие предприятия не растет, состояние окружающей среды ухудшается.

Уровень воздействия предприятий на добывающую территорию в рамках федерального закона можно оценить только экологической экспертизой, но она не учитывает потери коренного народа обеспечивающего свою жизнь традиционным хозяйством на исконной среде обитания. Данный пробел может восполнить этнологическая экспертиза. Юридическое основание проведения этнологической экспертизы отражено в Федеральном законе от 30.04.1999 №82-ФЗ "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации", в нем дается определение этнологической экспертизе и описаны права коренного малочисленного народа на защиту территорий традиционного хозяйствования. Согласно данному документу, этнологическая экспертиза – это научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса[11]. Иное более развернутое определение этнологической экспертизы дали в отзыве на законопроект посвященной оценке воздействия, на Ученом совете Института этнологии и антропологии РАН. «Этнологическая экспертиза – прикладное научное исследование, проводимое специалистами в области этнологии и социально – культурной антропологии в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов с целью определения возможных воздействий и свя-

занных с ними этнокультурных и социально – экономических последствий намечаемой или осуществляемой хозяйственной деятельности»[12].

На региональном уровне закон об этнологической экспертизе в настоящее время находится на стадии проекта и требует доработки, инициатором законотворчества является Агентство по делам национальностей субъекта.

Заключение

Тувинцы, как кочевой народ испокон веков рассматривают свои земли как основу жизни, заложенную в их обычаях, традициях и культуре, имеют особую привязанность к своим землям, носящую глубоко сакральный характер. В целом если взглянуть на ситуацию с точки зрения сохранения природы, биоразнообразия, культуры и традиционного образа жизни коренного населения то, отдаленная республика оказалась в выгодном положении, в отличие от своих региональных собратьев, территориально расположенных в центральной части страны. Поскольку промышленность в республике никогда не работала на полную мощь, и субъект не подвергся тотальной индустриализации, коренному населению удалось сохранить девственно чистую природу, самобытную культуру, традиционное хозяйство и образ жизни.

Также учитывая географическую уединенность региона, отсутствие крупных градообразующих предприятий и отсутствия рабочих мест, традиционное хозяйство и впрямь будет основным неофициальным источником жизнеобеспечения во многих домохозяйствах субъекта.

В связи с чем, законы о территориях традиционного природопользования и об этнологической экспертизе могут послужить одним из инструментов согласования, уравнивания интересов коренного населения и государственных, частных предприятий, оказывающих техногенное воздействие на территории традиционного хозяйствования и традиционного образа жизни народа.

Несомненно, развитие региона невозможно без промышленного освоения территорий, это значит, что соприкосновение промышленных компаний с традиционной хозяйственной деятельностью и традиционным образом жизни коренного населения неизбежно. А каким будет этот контакт, во многом зависит от органов законодательной и исполнительной власти. Следовательно, взаимовыгодное сотрудничество должно быть налажено и проходить в рамках цивилизованного диалога, в котором непосредственными участниками должны быть территориальные органы местного самоуправления и эксперты из научного сообщества.

Литература

1. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов(2007) // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения 06.06.2022).
2. Указ Президента Российской Федерации «О неотложных мерах по защите мест проживания и

хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера» № 397 от 22 апреля 1992г. // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/1216> (дата обращения: 21.06.2022).

3. ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» №49-ФЗ от 07.05.2001 // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/16897> (дата обращения: 14.06.2022).

4. Государственное Собрание (Ил Тумен) Республики Саха (Якутия) // <https://iltumen.ru/news/17491> (дата обращения:18.05.2022).

5. Государственное Собрание (Ил Тумен) Республики Саха (Якутия) // <https://iltumen.ru/news/19215> (дата обращения:18.05.2022).

6. Распоряжение Правительства РФ № 631-р от 08.05.2009г о «Перечне мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации» // <http://government.ru/docs/30064/> (дата обращения:04.05.2022).

7. Постановление Правительства Республики Тыва 25.06.2021г № 296 «Порядок образования территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Российской Федерации, проживающих на территории Республики Тыва, регионального значения».

8. «В Туве больше овец, чем в Хакасии и Красноярском крае вместе взятых»// <https://www.tuvaonline.ru/2022/02/21/v-tuve-bolshe-ovec-chem-v-hakasii-i-krasnoyarskom-krae-vmeste-vzyatyh.html#> (дата обращения:14.05.2022).

9. «В Туве подвели итоги губернаторского проекта «Кыштаг для молодой семьи»// <https://www.tuvaonline.ru/2020/05/21/v-tuve-podveli-itogi-gubernatorskogo-proekta-kyshtag-dlya-molodoy-semi.html?ysclid=177g9uyxj339215269> // (дата обращения:14.05.2022).

10. Горнодобывающие предприятия. Официальный сайт Министерства экономики и промышленности Республики Тыва // <http://mert.tuva.ru/directions/prom/predpr/> (дата обращения:14.08.2022).

11.ФЗ "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" №82-ФЗ от 30.04.1999 // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13778> (дата обращения: 21.05.2022).

12.Новикова, Н.И. Этнологическая экспертиза в Российской Федерации: правовые основания и перспективы для коренных народов// АРКТИКА. XXI век. Гуманитарные науки/ Якутск: Северо-Восточный федеральный университет, 2017. – 5с.

Territories of traditional nature management: to preserve the culture and traditions of the ethnic group in the era of globalization

Shirinen R.P.
Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research
In the era of globalization, in the course of which all sorts of boundaries are erased, a catastrophic reduction in the territories of ethnic groups or their complete disappearance is observed all over the world, after which the people inhabiting it lose their identity. As a result, today many countries

are striving to preserve and protect the original habitat of the traditional way of life and nature management of indigenous people.

The study examines the normative legal acts that contribute to the preservation of the traditional way of life of the nomadic people in the ancestral habitat.

An integral part of the development of any region is the industrial development of its territories, which means that the contact of mining companies with traditional economic activities and the traditional way of life of the indigenous population is inevitable. And how this contact will be depends largely on the territorial legislative and executive authorities.

Keywords: territories of traditional nature management, small-numbered people, indigenous people, ethnoscience, traditions, culture, ethnological expertise.

References

1. United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples (2007) // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (Accessed 06/06/2022).
2. Decree of the President of the Russian Federation "On urgent measures to protect the places of residence and economic activities of the small peoples of the North" No. 397 of April 22, 1992. // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/1216> (date of access: 06/21/2022).
3. Federal Law "On the territories of traditional nature management of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation" No. 49-FZ of 05/07/2001 // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/16897> (date of access: 14.06.2022).
4. State Assembly (Il Tumen) of the Republic of Sakha (Yakutia) // <https://iltumen.ru/news/17491> (date of access: 05/18/2022).
5. State Assembly (Il Tumen) of the Republic of Sakha (Yakutia) // <https://iltumen.ru/news/19215> (date of access: 05/18/2022).
6. Decree of the Government of the Russian Federation No. 631-r dated 05/08/2009 on the "List of places of traditional residence and traditional economic activities of indigenous peoples of the Russian Federation" // <http://government.ru/docs/30064/> (date of access: 05/04/2022).
7. Decree of the Government of the Republic of Tyva of June 25, 2021 No. 296 "The procedure for the formation of territories of traditional nature management of indigenous peoples of the Russian Federation living in the territory of the Republic of Tyva, of regional significance."
8. "There are more sheep in Tuva than in Khakassia and the Krasnoyarsk Territory combined" // <https://www.tuvaonline.ru/2022/02/21/v-tuve-bolshe-ovec-chem-v-hakasii-i-krasnoyarskom-krae-vmeste-vzyatyh.html#> (date of access: 05/14/2022).
9. "The results of the governor's project "Kyshtag for a young family" were summed up in Tuva // <https://www.tuvaonline.ru/2020/05/21/v-tuve-podveli-itogi-gubernatorskogo-proekta-kyshtag-dlya-molodoy-semi.html?ysclid=177g9uyxj339215269> // (Accessed: 05/14/2022).
10. Mining enterprises. Official website of the Ministry of Economy and Industry of the Republic of Tyva // <http://mert.tuva.ru/directions/prom/predpr/> (date of access: 14.08.2022).
11. Federal Law "On Guarantees of the Rights of Indigenous Minorities of the Russian Federation" No. 82-FZ of April 30, 1999 // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13778> (Accessed: May 21, 2022).
12. Novikova, N.I. Ethnological expertise in the Russian Federation: legal foundations and prospects for indigenous peoples// ARKTIKA. XXI Century. Humanities / Yakutsk: North-Eastern Federal University, 2017. - 5p.

Взаимосвязь категорий «Правовая культура» и «Экология души» в теории и практике

Цветикова Татьяна Викторовна

аспирант, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского», tatyana.76@inbox.ru

Оксамытный Виталий Васильевич

д.ю.н., профессор, Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, Oxamytnya@mail.ru

«Экология души» как категория окружающей действительности представляет собой высокую степень духовного развития конкретной личности. Это состояние подразумевает следование человеком в конкретных ситуациях законам нравственности, которые подразумевают нахождение его в согласии с самим собой и окружающим социумом. При этом любые поведенческие реакции индивида трудно представить себе без определенного отношения его к правовой культуре и нормам законов, действующих на определенных территориях в ограниченное время.

Конечно, душевные ресурсы личности могут быть несоизмеримо шире рамок нормативного регулирования, но они не могут полностью игнорировать положения законов и подзаконных актов окружающей среды, что ассоциируется с правовым нигилизмом, прямо отрицающим не только какую – либо регламентацию повседневной жизни как отдельной личности, так и целых государств и общественных объединений; зачастую поощряющего совершение поступков асоциального и антисоциального характера.

В этой ситуации важно найти точки соприкосновения двух этих категорий как социально значимых и постараться реализовать этот союз на практике в различных сферах существования общества и государства.

Ключевые слова: «правовая культура»; «экология души»; «правовой нигилизм»; «нормативное и ненормативное регулирование жизнедеятельности общества и государства»; «меры оптимизации сосуществования категорий «экология души» и «правовая культура»».

Введение

В настоящее время категория «правовая культура» заметно расширяет свои границы применения, как в теоретическом, так и в практическом планах. Одним из аспектов этих преобразований является рассмотрение ее взаимосвязи с таким понятием как «экология души», которая ассоциируется с моральными устоями и нравственностью индивида.

Актуальность проблемы связана с вопросом установления границ регулирования окружающей действительности как посредством правил общезначительности, так и через положения нормативно-правовых актов.

Целью исследования является представление оптимального сценария регулирования поведения людей через воздействие на их внутренний мир нормами права. Она реализуется посредством решения следующих гносеологических задач: а) раскрытие сущности понятий «правовая культура» и «экология души»; б) рассмотрение областей и степени пересечения двух этих категорий в теории и на практике; в) подготовка рекомендаций по оптимизации взаимодействия правовой культуры и внутреннего мира каждого человека в повседневной жизни.

В данной публикации имеет место двойной **объект исследования** – категории «экология души» и «правовая культура». **Предметом изучения** выступает оценка степени сочетаемости двух этих понятий в теоретическом плане и при решении конкретных жизненных ситуаций.

Нормативно-правовая база представляет собой набор общих положений источников законодательства Российской Федерации и зарубежных стран, относящихся к разным сферам регулирования.

Что касается **историографии**, представленной в публикации, то она включает следующие работы: статьи А.В. Ураковой «Некоторые аспекты формирования эколого-правовой культуры личности»; Ивентьева С.И. «Экологическая культура с точки зрения прав души и духа человека» и т.д..

Методологическая база представленного исследования включает в себя анализ, синтез, сравнения, обобщения, проектирование.

Начать рассмотрение поставленной проблемы целесообразно с определения основных понятий, к которым относятся «правовая культура» и «экология души». Что касается первого термина, то под ним подразумевают общий уровень знаний и отношение отдельных лиц и их сообществ к значимости правового регулирования в реальной действительности. В реальных условиях правовая культура

находит свое отражение в общении, трудовой и иной деятельности субъектов правоотношений. [1]

Экология души связана в большей степени с моральным обликом конкретных индивидов и определяет уровень их воспитания и образования. В данном контексте можно сопоставить ее с нравственностью личности. [2]

Из приведенных пояснений можно заключить, что есть области правового регулирования, которые согласуются с формированием внутреннего мира каждого человека, но отдельные аспекты находятся только в области действия либо нормативной регламентации, либо в области нравственного совершенствования.

Исследователи указанной проблемы видят процесс складывания экологии души через воспитание и формирование правосознания личности. Он охватывает периоды от раннего детства до глубокой старости каждого человека, т.к. образование и приобщение человека к общепринятым ценностям претерпевают изменения в течение всей его жизни. Так, если обратиться к религиозной традиции, то можно отметить, что раскаяние человека может произойти уже на пороге смерти; тем не менее, этот шаг дает ему внутреннее успокоение перед переходом в небытие.

Прежде всего, экология души связывается специалистами с отношением субъекта с окружающей природой, которая обеспечивает ему условия выживания. Но если в первобытном состоянии для человеческого существа взаимодействия с природой были основой его мироздания, то в настоящее время произошло существенное расширение областей построения контактов каждой личностью. Теперь зрелость общественных отношений затрагивает такие сферы, как экономику, социальную среду, международные взаимодействия и т.д..

Для того, чтобы построить гармоничный мир, необходимо свои интересы соотносить с потребностями других людей. Это выражается в процессе социализации личности, главенствующую роль в котором играет семья. Именно этот социальный институт закладывает у ребенка основы физического, трудового и нравственного воспитания.

В более зрелом возрасте индивида следует знакомить с основами различных законодательных систем: Конституцией, правовыми актами, регулирующими трудовые, гражданские, уголовные и иные взаимодействия. При этом, делая упор на необходимости сохранения окружающей природной среды, следует разъяснять, что аномалии в ее структуре зачастую приводят к серьезным отклонениям в физическом и психическом здоровье тех или иных лиц. Это, в свою очередь, может проявляться в неадекватных поведенческих реакциях, ассоциируемых, в том числе с асоциальными поступками и преступными посягательствами.

При том, что в Конституции Российской Федерации закреплено положение об обязанности каждого гражданина сохранять природу и бережно относиться к ее богатствам [3, ст. 58], только 38% опрошенных респондентов заявили, что стараются что-

либо делать для обеспечения качественной природной среды; 49% при этом отметили, что никоим образом не проявляют себя в этой области. [4, с. 200 - 206].

Помимо конституционных норм, регулированием внутреннего мира человека занимаются и отраслевые нормативно-правовые акты. В частности, это отражается в статьях, посвященных принципам действия законодательных положений. Так, в гражданском законодательстве РФ моральная составляющая особенно ярко представлена в статье, посвященной основным началам соответствующей правовой системы. К ним относятся неприкосновенность собственности, свобода любых договорных отношений (кроме ограничений нормативного характера), недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела без достаточных на то оснований, обеспечение государством в лице уполномоченных органов беспрепятственного осуществления субъектами прав их интересов, осуществление при необходимости восстановления нарушенных прав, включая судебную защиту. Из вышеперечисленных положений можно заключить, что никто не может посягать на имущественные или личные неимущественные свободы кого – либо, если нет весомых причин для подобных действий. [5, ст. 1].

Нравственный элемент в уголовном законодательстве государства связан с закреплением таких принципов, как законность; равенство граждан перед законом; виновность лиц, привлеченных к юридической ответственности соответствующего вида; справедливость и гуманизм. [6, ст. 3 - 7]. В совокупности все перечисленные постулаты означают, что к юридической, в частности, к уголовной ответственности, может быть привлечено только лицо, виновное в совершении конкретного преступного посягательства. При этом выбор меры пресечения выбирается с учетом общественной опасности и тяжести наступивших последствий. Наказание должно по своему назначению преследовать целью исправление человека, совершившего противоправное деяние и предупреждение с его стороны в будущем подобные эксцессы, но никоим образом не допускать унижения его человеческого достоинства.

Обратимся также к процессуальному законодательству, например, к особенностям регламентации рассмотрения дел в рамках гражданского производства. Поскольку на первое место в рамках его осуществления ставится объективное рассмотрение спорной ситуации и восстановление нарушенных или оспариваемых прав, то ключевыми принципами здесь закрепляются собственно право на обращение в суд, необходимость возбуждения процесса при достаточных основаниях, исключительность статуса судебной власти при разрешении любых спорных коллизий, обеспечение равенства всех сторон перед законом и судом, установление на законодательном уровне разумных сроков не только производства дел, но и исполнения решений по ним. При этом судебная коллегия определяет состав суда при рассмотрении конкретного случая

(единолично или коллегиально). Устанавливается независимость судей.

Для обеспечения единообразия прохождения судебных заседаний на территории Российской Федерации закрепляется их проведение только на государственном языке. Если кто-либо из участников разбирательства не владеет им или является глухонемым, то в процесс привлекают переводчика или сурдопереводчика, которые предварительно предупреждаются об ответственности за дачу недостоверного перевода своему подопечному.

Как правило, судебные заседания проводятся в открытом и гласном режиме, если нет исключений, предусмотренных соответствующими нормативно-правовыми актами, в частности, если в заседании участвует несовершеннолетний ребенок вместе со своим представителем.

Сама процедура рассмотрения спорной ситуации судом предполагает состязательность и равноправие сторон, что предполагает юридическую возможность для каждой стороны в споре представлять доказательства своих требований или возражения на них со ссылками на соответствующие статьи законов.

Решения и иные документы, принимаемые в судебной инстанции по итогам рассмотрения ими конкретного дела, являются обязательными к исполнению всеми субъектами, которых они касаются. [7, ст. 3-10; 12-13].

Определенные нюансы нравственного свойства имеются в уголовном процессуальном законодательстве РФ. В частности, имеет место неприкосновенность личности, согласно которой ни один человек не может быть осужден иначе, как по приговору суда. До вынесения судебного решения подозреваемое лицо может быть задержано не более чем на 48 часов.

Если выяснится, что лицо было незаконно помещено под стражу или в специализированное медицинское учреждение, то оно должно быть немедленно освобождено после установления соответствующего факта.

Проведения обысков и выемки по месту жительства подозреваемого возможно только при предъявлении уполномоченным лицом соответствующих документов, содержание которых основано на судебных решениях.

Ограничение лица на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений устанавливается только решением суда. В том же порядке производится арест почтовых и телеграфных отправлений, их выемка в учреждениях почты, контроль и запись телефонных и иных переговоров, получение информации о соединениях между абонентами.

Никто не может быть осужден иначе, как по приговору суда. Бремя доказывания обвинения и опровержение доводов в защиту обвиняемого лежит на стороне обвинения.

Обвиняемый или подозреваемый могут осуществлять свою защиту лично или через представителя. Все представленные по делу доказатель-

ства оцениваются судьей, присяжными заседателями, прокурором, следователем, дознавателем по своему внутреннему убеждению. При этом никакое доказательство до проведения судебного следствия не может обладать установленной юридической силой.

Любые действия и решения судебных и следственных структур могут быть обжалованы в установленном действующим законом порядке; при этом подсудимому предоставляется возможность пересмотра решения по его делу вышестоящей инстанцией.

В то же время потерпевший также обладает рядом прав в рамках осуществления уголовного судопроизводства, в частности, он может участвовать в уголовном преследовании подозреваемого субъекта. [8, ст. 10-14; 16 – 19; 22].

В уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации для упорядочения отношений осужденных с представителями администрации пенитенциарных учреждений закрепляются права и обязанности сторон, что преследует целью недопущения произвола со стороны каждой из них. [9, ст. 10-12; гл.3: ст. 16-24].

В западной правовой традиции нравственные нормы максимально стараются закрепить в нормативных источниках. Так, Всеобщая декларация прав человека указывает, что все люди рождаются свободными и равными в своих правах. При этом любой человек должен действовать со своими родными, близкими, партнерами, исходя из соображений братства.

Права на жизнь, свободу и личную неприкосновенность по своей сути относятся к естественным свободам и лишь законодательно подтверждаются. Это положение предполагает, во-первых, установление запрета на рабство или иной вид порабощения одних индивидов другими; во-вторых, не допускается применение пыток или иных форм насилия к кому-либо, включая осужденных и подозреваемых в совершении преступных деяний; в-третьих, если права человека нарушаются, то они должны быть восстановлены компетентными национальными органами на основе действующего законодательства. Устанавливаются запреты на произвольные аресты, задержания или выдворения с территории какого-либо государства без достаточных на то оснований.

Помимо личных прав, каждый человек в рамках западной правовой традиции, как англо-американского, так и континентального образцов, обладает набором социально-экономических и политических свобод.

Весь набор прав и свобод человека в рамках западного законодательства максимально ассоциируется с естественным положением индивида, что максимально приближает положения закона к моральным установкам, а правовая культура в большей степени ассоциируется с позывами экологии души, чем это можно увидеть в российской традиции, где есть грань между нормами нравственности и статьями источников права.

Еще одна уникальная точка зрения предусматривает рассмотрение термина «экология души» в сочетании с религией, философией и культурой в целом. [10, с. 354-356]. Подобный подход рассматривает окружающую действительность как творение Бога. При этом природная среда оказывает влияние на складывание на определенных территориях этносов и иных национальных общностей людей, объединенных, прежде всего общностью культурных ценностей, что отражается и на правовой системе. В этом ключе исключительную юридическую силу приобретают тексты религиозного содержания: «Библия» (у иудеев); «Ригведы», регламентирующие жизнь индусских племен; «Авеста» (у иранцев); «Велесова Книга» (славянских племен) и т.д. Во всех приведенных примерах экология души связывается с религиозной традицией и возведена в абсолют в сравнении с правовой культурой, которая представляется в данном контексте разновидностью общекультурных ценностей.

В целом же более широкий подход к реализации сущности экологии души через правовую культуру предполагает взаимодействие людей в обществе и государстве, согласно принципам взаимоуважения, личностного развития, а не только сохранения физического здоровья. [11, С. 111-116]. Экологическая культура при этом связывается с творческой деятельностью человека в процессе познания природы, которая ассоциируется с самореализацией личности, которая носит продуктивный характер в динамически развивающемся мире. Следовательно, любые изобретения индивида должны преследовать целью сохранение и обогащение окружающей среды, а не нанесение ей непоправимого ущерба. Причем последнее касается не только элементов собственно природы, но и социальных взаимодействий людей друг с другом.

Экология души по своей сути отражает путь индивида от религиозного понимания норм общежития до их нормативного закрепления.

Помимо воспитательного воздействия в семье, образовательных или трудовых коллективах, в последнее время на правовую культуру личности и экологию души, оказывают средства массовой информации. Как отмечают специалисты, в основном подобное влияние носит негативный оттенок, поскольку многие художественные фильмы и документальные передачи демонстрируют образцы антиобщественного поведения, которое заключается в пропаганде эгоизма, жажды легкой наживы; сюжеты изобилуют также роликами о наркомании, проституции, беспризорности и других пороках человечества в современном мире. [12, с. 321-323].

Вывод. Таким образом, можно отметить, что в современном мире, как в отечественной, так и в западной традициях понятие «экология души» все больше выходит за рамки чисто природоохранной трактовки и подразумевает не только нравственный облик отдельных индивидов или группы лиц, но также и совершенствование нормативных актов разных уровней, в которых отражается правовая

культура, устанавливающая взаимодействия между людьми в конкретных ситуациях.

Для оптимизации этих контактов необходимо, чтобы каждый человек относился уважительно к другим людям, если он хочет получить расположение к себе. В этом заключается родство понятий «экология души» и «правовая культура», которое подразумевает максимальное сближение норм законодательства с моральными устоями.

Причем подобный принцип должен действовать не только в бытовых условиях, но и практиковаться юристами и правоохранительными структурами при выявлении правонарушений и наказании виновных лиц, когда никто не может быть привлечен к ответственности иначе как по решению компетентных органов, а тяжесть наказания может определяться только общественной опасностью и наступившими последствиями, а не какими – либо иными критериями, не относящимися к судебной системе.

Что касается формирования экологии души у подрастающего поколения, то здесь необходимо установить, помимо контроля за семьями, ведущими аморальный образ жизни, повышенную цензуру за печатными и электронными изданиями, которые действительно будут стимулировать у молодежи положительные черты характера, которые связаны с уважительным отношением не только к своим сверстникам, но и представителям старшего возраста (родителям, преподавателям, наставникам на производстве, пожилым гражданам).

Литература

1. «Правовая культура – Википедия». // [Электронный ресурс]: URL: ru.wikipedia.org (Дата обращения: 10.10.2022г.);

2. «Несколько слов об экологии души». // [Электронный ресурс]: URL: monastery.ru (Дата обращения: 10.10.2022г.);

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993г.с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020г.) – Ст. 58;

4. А.В. Уракова Некоторые аспекты формирования эколого-правовой культуры личности. // [Электронный ресурс]: URL: cyberleninka.ru (Дата обращения: 10.10.2022г.);

5. Гражданский кодекс РФ (часть I) от 30.11.1994г. № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022г. № 20-ФЗ). – Ст. 1;

6. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996г. № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022г.). – Ст. 3-7;

7. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002г. № 138 – ФЗ (ред. от 14.07.2022г.).- Ст. 3-10; 12-13;

8. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001г. № 174-ФЗ (ред. от 24.09.2022г.). – Ст. 10-14; 16-19; 22;

9. Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 08.01.1997г. № 1-ФЗ (ред. от 11.06.2022г.). – Ст. 10-12; гл.3: ст. 16-24;

10. И.А. Жерносенко, Д.И. Мамыев. Феномен «экология души» через призму религии, философии и культуры. // «Мир науки, культуры, образования», № 3 (40), 2013. – С. 354 – 356;

11. Ивентьев С.И. Экологическая культура с точки зрения прав души и духа человека. // «Социально-инновационные практики развития экологической культуры российского общества» // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Нижнекамск, 21.09.2018. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2018. – С. 111-116;

12. Г.В. Марченко Экология души человека и средства массовой информации. // [Электронный ресурс]: URL: cyberleninka.ru (Дата обращения: 10.10.2022г.).

The relationship of the categories "Legal culture" and "Ecology of the soul" in theory and practice

Tsvetkova T.V., Oхamytny V.V.

Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, Institute of International Law and Economics named after A.S. Griboyedov

The "ecology of the soul" as a category of the surrounding reality represents a high degree of spiritual development of a particular person. This state implies that a person follows the laws of morality in specific situations, which imply finding him in harmony with himself and the surrounding society. At the same time, it is difficult to imagine any behavioral reactions of an individual without a certain attitude to his legal culture and the norms of laws in force in certain territories for a limited time.

Of course, the mental resources of an individual may be disproportionately wider than the framework of regulatory regulation, but they cannot completely ignore the provisions of laws and regulations of the environment, which is associated with legal nihilism, which directly denies not only any regulation of the daily life of both an individual and entire states and public associations; often encouraging the commission of antisocial acts and of an antisocial nature.

In this situation, it is important to find common ground between these two categories as socially significant and try to implement this union in practice in various spheres of society and the state.

Keywords: "legal culture"; "ecology of the soul"; "legal nihilism"; "normative and non-normative regulation of the life of society and the state"; "measures to optimize the coexistence of the categories "ecology of the soul" and "legal culture"

References

1. "Legal culture – Wikipedia". // [Electronic resource]: URL: ru.wikipedia.org (Date of application: 10.10.2022);
2. "A few words about the ecology of the soul." // [Electronic resource]: URL: monastery.ru (Date of application: 10.10.2022);
3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) - Article 58;
4. A.V. Urakova Some aspects of the formation of the ecological and legal culture of the individual. // [Electronic resource]: URL: cyberleninka.ru (Date of application: 10.10.2022);
5. The Civil Code of the Russian Federation (Part I) of 30.11.1994 No. 51-FZ (ed. of 25.02.2022 No. 20- FZ). – Article 1;
6. The Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of 13.06.1996 (ed. from 09/24/2022). – Articles 3-7;
7. The Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138 – FZ dated 14.11.2002 (as amended on 14.07.2022).- Articles 3-10; 12-13;
8. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ dated 18.12.2001 (as amended on 24.09.2022). - Articles 10-14; 16-19; 22;
9. The Criminal Executive Code of the Russian Federation No. 1- FZ dated 08.01.1997 (as amended on 11.06.2022). – Articles 10-12; Chapter 3: Articles 16-24;
10. I.A. Zhernosenko, D.I. Mamyev. The phenomenon of "ecology of the soul" through the prism of religion, philosophy and culture. // "The world of science, culture, education", № 3 (40), 2013. – Pp. 354 – 356;
11. Iventiev S.I. Ecological culture from the point of view of the rights of the human soul and spirit. // "Socio-innovative practices of the development of ecological culture of Russian society" // Materials of the All-Russian Scientific and practical Conference, Nizhnekamsk, 21.09.2018. – Kazan: Publishing House "Cognition" of Kazan Innovation University, 2018. – pp. 111-116;
12. G.V. Marchenko Ecology of the human soul and mass media. // [Electronic resource]: URL: cyberleninka.ru (Date of application: 10.10.2022).

Сравнительный анализ принципов гражданского процессуального права в России и во Франции

Прошина Дарья Владимировна

аспирант кафедры гражданского права и процесса Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, avocate.daria@gmail.com

«Кодекс Наполеона» - Гражданский кодекс Франции оказал существенную роль в формировании доктрины процессуального права и его основных институтов не только во Франции, но также став примером и распространив правовую идеологию на другие государства, в числе которых и доктрина отечественного гражданского процесса. Предметом исследования является сравнительный анализ правовых принципов гражданского процессуального права в России и Франции и их влияние на защиту гражданами своих прав и законных интересов в судебном процессе. Цель данной статьи в изучении влияния правовых принципов гражданского процесса, закрепленных в Кодексе Наполеона на формирование принципов гражданского процесса в России, а также их влияние на степень защиты гражданами своих прав в суде.

В работе были выявлены особенности формирования процессуальных принципов в правовой доктрине и форма их закрепления в законодательстве и их влияние на объем прав граждан и возможность их защиты в суде в обоих государствах.

Научная новизна обусловлена недостаточной проработанностью влияния Кодекса Наполеона, являющегося не только правовым документом, но также и историческим документом, на развитие доктрины процессуального права в России.

Ключевые слова: гражданский процесс; принципы гражданского процесса; гражданский процесс зарубежных стран.

В основе гражданского судопроизводства государства лежат базовые идеи естественных прав человека и защиты своих законных интересов. На таких идеях выстроены как права и обязанности сторон, так и ход всего судебного процесса, во всех инстанциях. Именно принципы процессуального права, являясь нравственно-правовыми ориентирами, наполняют содержание процесса.

Принципы выражают основополагающие идеи правовой доктрины, прямо не являясь нормой права. Но в то же время, суд, рассматривая и разрешая гражданские дела, руководствуется не только нормами права: материальными и процессуальными, но и принципами права.

Правовые принципы проходят несколько этапов развития от общих идей до закрепления в качестве нормы права: формируются в правовой науке, постепенно распространяясь и переходя в правосознание широких масс; затем, в силу широты применения, находят законодательное закрепление, как общепринятая правовая норма; и, в последствии, реализуются судом в рамках процесса рассмотрения и разрешения дела [2].

Таким образом, принципы гражданского процессуального права - это основополагающие положения, выраженные в нормах права, определяющие начала организации и деятельности суда по рассмотрению и разрешению дел в порядке гражданского судопроизводства [3]. Именно процессуальные принципы являются базовыми гарантиями прав граждан в ходе судопроизводства, защищая от неправомерных действий и нарушений. Говоря о процессуальном праве, именно во Франции под руководством Наполеона Бонапарта был разработан и принят самый масштабный кодекс, охватывающий правовые нормы государства: кодекс 1806 года, который именуется «Кодекс Наполеона» [4]. Такой прорыв в процессуальном праве обеспечил дальнейшее формирование правосознания и правовой культуры, оказав влияние на другие государства Европы, в том числе и России.

Для верного правопонимания содержания «Кодекса Наполеона» необходимо дать оценку историческому контексту создания этого документа. На момент его принятия Франция пережила революцию, итогом которой стало свержение абсолютной монархии [1]. Движущей идеологией французских революционеров была трансформация Франции в государство с республиканской формой правления. Старый режим строился на привилегиях буржуазии, которая не хотела изменений в социальной структуре за счет уравнивания объема прав с низшими

классами. Поэтому преодоление сословных различий было возможно только путем революционных изменений и законодательного закрепления статуса гражданина и гарантий его прав. Данные идеи исходят из доктрины естественного права, согласно которой у каждого человека с рождения имеются неотъемлемые права, которые никто не вправе нарушить [6]. Для трансформации старого порядка необходимо было разработать законодательство, которое с одной стороны закрепляло неотъемлемые права, а с другой стороны предоставляло гарантии защиты данных прав. Поэтому принципы французского судопроизводства, разработанные и принятые в «Кодексе Наполеона», выстроены на самом широком

понимании защиты человека и неприкосновенности его неотъемлемых прав, что отражено в девизе Французской республики со времен революции: «Свобода, равенство, братство» [7].

В первой книге Гражданского процессуального кодекса Франции закреплены статьи, распространяющиеся на все виды судопроизводства. Там содержатся базовые принципы и гражданского процесса, что кардинально отличается от системы кодификации в Российской Федерации: для каждой базовой отрасли права составлен отдельный кодекс, в том числе и Гражданско-процессуальный, с выделением принципов именно гражданского процесса [5].

Одним из первых принципов во французском кодексе закреплен принцип равенства прав сторон и диспозитивности, которому в доктрине российского гражданского процессуального права соответствуют два принципа с аналогичным содержанием. Но в нашей доктрине процессуального права принято разделение принципов на организационно-функциональные и функциональные, выделяя в первой классификации принцип равенства всех перед законом и судом, а во второй принцип диспозитивности. Правовое понимание принципов в обеих доктринах заключается в том, что только стороны имеют право инициировать судебное разбирательство, если другое не предусмотрено законом, в равном применении права ко всем участникам процесса, осуществлении правосудия единой судебной системой в рамках единой процессуальной формы [3].

Принцип руководства процессом со стороны суда, закрепленный во французском кодексе состоит в контролирующей роли суда над процессом и контролем за соблюдением порядка рассмотрения гражданского дела.

Принцип непосредственности и полноты исследования фактических обстоятельств дела соответствует российскому гражданскому процессуальному принципу непосредственности судебного разбирательства: суд обязан устанавливать фактические обстоятельства дела на основании личного ознакомления с относящимися к ним доказательствами, преимущественно рассматривая первоначальные доказательства перед производными [3].

Принцип распределения обязанности доказывания соответствует положению нашего кодекса, закрепленного в статье 56 Обязанность доказывания:

«Каждое лицо, участвующее в деле, должно раскрыть доказательства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений...».

Принцип активной роли суда в сборе и исследовании доказательств, раскрывающийся через право суда предложить сторонам представить объяснения фактическим обстоятельствам дела, не выделяется отдельным принципом в российской доктрине, а раскрывается через другие принципы, а также прямо закреплен в статье 57 «Представление и истребование доказательств» [5].

Принцип сотрудничества сторон, закрепленный во французском кодексе, также направлен на содействие суду в рассмотрении и исследовании доказательств. В российском гражданском процессуальном кодексе предусмотрено примирение сторон на основании принципов добровольности, сотрудничества и конфиденциальности [5].

Французский принцип разрешения судом спора в соответствии с применимыми нормами права в Российской Федерации раскрывается через перечисление применимых нормативных правовых актов [5].

Принцип состязательности имеется в обоих кодексах, раскрываясь через гарантии сторон в равных правах на защиту своих интересов в судебном заседании, в праве быть заслушанными судом и невозможности вынесения судебного решения без оценки доводов одной из сторон.

Принцип свободы выбора сторонами способа защиты в судебном процессе закрепляющий право на самозащиту и право свободного выбора представителя соотносится с нормами российского гражданского процесса, закрепленных в статье 49 через перечисление лиц, которые могут быть представителями в суде [5].

Принцип содействия примирению сторон содержится в обоих кодексах, раскрываясь в обязанности суда в принятии мер для примирения сторон, содействия им в урегулировании спора, руководствуясь при этом интересами сторон и задачами судопроизводства.

Принцип гласности - проведение судебного разбирательства в открытой форме, за исключением случаев, предусмотренных законом, аналогичен в обоих правовых системах.

Принцип языка судебного разбирательства во Франции заключается в том, что если судья понимает язык, на котором изъясняются стороны, то он не обязан прибегать к услугам переводчика. В России официальным языком судопроизводства и делопроизводства в судах является государственный язык - русский или язык субъекта. В случае, если человек испытывает трудности в даче показаний на русском языке, то ему предоставляют переводчика в судебное заседание. Не допускается свобода суда в заслушивании сторон на иных языках, чем официальный язык государства.

Принцип уважения к закону и суду - стороны должны руководствоваться законом и уважением к суду в течении всего процесса, иначе судья управо-

мочен применить к правонарушителю меры воздействия, например обязать покинуть судебное заседание. Содержание принципа общее в обоих кодексах.

Таким образом, несмотря на частичные различия в наименовании процессуальных принципов, разницу в раскрытии содержания принципов, обе системы имеют своей целью обеспечение гарантий защиты прав граждан своих стран в широком объеме. Существующие различия в наименованиях и комбинировании принципов между собой не влияют на само содержание и значение для правовой доктрины. Например, если в одном случае принцип раскрывается через объективную сторону, например через закрепление прав участвующих в деле лиц, то в другом случае аналогичный принцип заключается через прямое указание уполномоченных на конкретное право субъектов.

Государства России и Франции, пройдя тяжелый путь законодательного развития, в течении которого происходили революционные изменения в объеме прав и свобод граждан и гарантиях и принципах их защиты, пришли к единому пониманию широты прав человека и необходимости защиты неотъемлемых прав. Несмотря на имеющиеся отличия в формулировках принципов российского гражданского процесса от принципов французского судопроизводства, само содержание направлено на обеспечение справедливого судебного процесса и недопустимости нарушения основных прав и свобод человека и гражданина. Французский Кодекс Наполеона, принятый в 1806 году, сформулировал не только понятие процессуальных гарантий прав участников судебного процесса, но и базовые принципы, без которых невозможно справедливое судопроизводство и защита прав участников процесса. Гражданское процессуальное право Российской Федерации сформировано на той же правовой идеологии широкого объема прав и способах их защиты и тех же основополагающих принципах процессуального права, закрепленных как в рамках правовой доктрины, так и на законодательном уровне.

Литература

1. Великие социальные революции XVII—XVIII веков. / Барг М. А., Черняк Е. Б. — М.: Наука, 1990. — 258 с. — ISBN 5-02-008946-х.

1. Гражданское процессуальное право: Учебник / Под ред. М.С. Шакарян. М., 2004. С. 36 (автор гл. 2 - А.Т. Боннер)

2. Гражданский процесс: учебник / В.В. Аргунов, Е.А. Борисова, Н.С. Бочарова и др.; под ред. М.К. Треушников. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. 960 с.

3. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) = Code civil des Français (Code Napoléon) / пер. с фр. В. Н. Захватаева, Москва- Берлин: Инфотропик Медиа, 2012.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от

5. 14.11.2002 N 138-ФЗ: ст. 153.1; ст. 11; ст. 49;

6. Теория государства и права: Учебник. / Малько А. В., Матузов Н. И. — М.: «Юрист», 2009. С. 75.

7. Liberté, fraternité, égalité // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907.

Comparative analysis of the principles of civil procedural law in Russia and in France

Proshina D.V.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

«Napoleon Code» - The Civil Code of France made a significant role in shaping the doctrine of procedural law and its main institutions not only in France, but also becoming an example and spreading the legal ideology to other states, including the doctrine of domestic civil process. The subject of the study is a comparative analysis of the legal principles of civil procedural law in Russia and France and their impact on the protection by citizens of their rights and legitimate interests in the judicial process.

The purpose of this article is to research the influence of the legal principles of civil procedure, enshrined in the Napoleonic Code, on the formation of the principles of civil procedure in Russia, as well as their influence on the degree of protection by citizens of their rights in court.

The work revealed the features of the formation of procedural principles in the legal doctrine and the form of their consolidation in the legislation and their influence on the scope of the rights of citizens and the possibility of their defense in court in both states.

The scientific novelty is due to the insufficient elaboration of the influence of the Napoleonic Code, which is not only a legal document, but also a historical document, on the development of the doctrine of procedural law in Russia.

Keywords: civil process; principles of civil procedure; civil procedure of foreign countries

References

1. Great social revolutions of the XVII-XVIII centuries. / Barg M. A., Chernyak E. B. - M.: Nauka, 1990. - 258 p. — ISBN 5-02-008946-x.
2. Civil procedural law: Textbook / Ed. M.S. Shakarian. M., 2004. P. 36 (author of Ch. 2 - A.T. Bonner)
3. Civil process: textbook / V.V. Argunov, E.A. Borisova, N.S. Bocharova and others; ed. M.K. Treushnikov. 5th ed., revised. and additional M.: Statut, 2014. 960 p.
4. French Civil Code (Napoleon Code) = Code civil des Français (Code Napoléon) / transl. from fr. V. N. Zakhvatayeva, Moscow-Berlin: Infotropic Media, 2012.
5. Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 N 138-FZ: art. 153.1; Art. eleven; Art. 49;
6. Theory of State and Law: Textbook. / Malko A.V., Matuzov N.I. - M.: "Jurist", 2009. P. 75.
7. Liberté, fraternité, égalité // Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron: in 86 volumes (82 volumes and 4 additional). - St. Petersburg, 1890-1907.

Паломничество и религиозный туризм: вопросы законодательного регулирования

Чернякова Светлана Александровна

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юридических дисциплин Филиала ЧОУ ВО «Московского университета имени С.Ю.Витте» в городе Сергиевом Посаде, ChernaykovaS@mail.ru

В статье представлен анализ законодательства и практики религиозного и паломнического туризма в России, который позволил автору статьи привести перечень аспектов, содержащих неразрешенные противоречия законодательного регулирования. Отмечены существенные недоработки терминологического аппарата; проблемным представляется вынесение термина «паломничество» в отдельную сферу деятельности, не включенную в туризм. В качестве проблемного поля в данном спектре правоотношений отмечено соблюдение прав потребителя (туриста и паломника), защиты прав и интересов лица, организующего паломнические и религиозные туры. Отмечается проблема отсутствия документального оформления религиозных и паломнических туров, наряду с проблемами страхования и лицензирования деятельности по организации религиозных и паломнических туров. Автор подчеркивает важность общестрановой регламентации туристической деятельности представителей иных конфессий.

Ключевые слова: паломничество, религиозный туризм, законодательное регулирование, рекреация, духовный туризм, туроператор, турпродукт, туризм

Туризм представляет собой важнейший сегмент системы гражданского оборота, что, в свою очередь, обуславливает актуальность вопросов регламентации отношений, возникающих в данной отрасли [7, с. 45]. Туризм, кроме того, представляет собой стратегический вектор развития социально-экономической системы Российской Федерации. Стратегии, принимаемые правительственными органами в области туристической сферы, направлены на повышение качества жизни населения, повышение стандартов безопасности, на развитие технологий и внедрение инноваций. Движущей силой развития туризма в стране является его правовое регулирование, ключевой функцией которого следует считать государственный контроль за соблюдением законности и выполнением субъектами туристской деятельности установленных правил, за соблюдением защиты прав потребителей и хозяйствующих субъектов [13, с. 87]. Туризм является сферой правового регулирования, тесно сопряженной со многими иными сферами: здравоохранением, наукой, культурой, историей, охраной окружающей среды, религией.

На сегодняшний день терминологическая категория «туризм» вполне четко и детально прописана в законодательном массиве. При этом данный сегмент регулирования общественных правоотношений является относительно новым. В советский период, к примеру, специальное регулирование туристической деятельности отсутствовало в принципе, а законодатель в текстах некоторых актов употреблял термины «туризм», «путешествие» попеременно (или «спорадически», как указывает Ю. В. Блинова [2, с.32]). В изначальной версии Федерального закона от 24 ноября 1996 г. № 132 «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [9] данные категории также употреблялись в качестве тождественных или близких, но к 2008 г. центральным стал термин «туризм», что, в свою очередь, устранило массу дефиниционных противоречий. Можно сказать, что сегодня терминологический аппарат данной сферы является относительно унифицированным, хотя в исследуемой нами сфере религиозного и паломнического туризма наблюдаются существенные недоработки.

Религиозный туризм и паломничество – довольно молодые правовые категории: они были введены в правовой массив только в 1990-х гг., по мере развития российской государственности и присущей ей ценностной доминантой религии и церкви. В советском праве данные виды туризма

представлены не были, так как фактически полностью отсутствовали в реальной практике. Тем не менее, путешествия к местам локации религиозных святынь имели место и в тот период: туристы, безусловно, были заинтересованы в их посещении в контексте исторического и эстетико-культурного значения данных мест, артефактов и сооружений. Смена государственной идеологической парадигмы вскоре повлекла за собой массовые практики религиозного туризма и паломничества. Данное обстоятельство послужило предпосылкой для выделения религиозного туризма в отдельный вид, а паломничества – в его разновидность. Анализ существующей научной литературы по исследуемой тематике показывает, что наиболее важными проблемами нормативно-правового регулирования сферы религиозного туризма и паломничества, рассмотренными современными правоведомы, являются следующие: (1) проблемы разграничения полномочий по регулированию туризма между федеральными органами власти и субъектами; (2) правовые пробелы в защите прав и интересов туриста как потребителя; (3) разнородность правил деятельности предпринимателей в отдельных сферах туризма; отдельное регламентирование паломничества в Законе «О свободе совести и религиозных организациях»; (4) отсутствие налоговых льгот для компаний, реализующих проекты в сфере внутреннего религиозного туризма и паломничества.

На сегодняшний день двумя основными законами, регулирующими правоотношения, возникающие в сфере религиозного туризма и паломничества, являются следующие: Федеральный Закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 N 132-ФЗ [9] и Федеральный Закон «О свободе совести и религиозных организациях» от 26.09.1997 N 125-ФЗ [11]. Специального акта федерального значения, который бы урегулировал вопросы, связанные с религиозным туризмом и паломничеством, выработано не было. Федеральный закон «Об основах туристской деятельности» – центральный акт, определяющий сущность и специфику функционирования отечественного туристского рынка; он направлен на соблюдение зафиксированных в конституционном порядке постулатов: права человека на отдых, свободу передвижения и проч.

Религиозный туризм и паломничество оказываются «вписаны» в правовые нормы, регламентирующие культурно-познавательный, пляжный; деловой туризм; нормы законодательства, таким образом, не в полной мере адаптированы к специфике религиозного туризма и паломничества. Несмотря на обилие видов и массовый характер религиозного туризма в стране, а также взаимосвязь значимой доли туристических дестинаций с религиозными практиками и сооружениями, Федеральный закон «Об основах туристской деятельности» не содержит определения терминов «паломничество» или «паломнический туризм». Видимо, изначально предполагалось, что регулирование нормативно-правовых вопросов, связанных с религиозным туризмом и паломничеством, должно производиться

в рамках Федерального Закона «О свободе совести и религиозных организациях» от 26.09.1997 N 125-ФЗ [11]. Данный закон интерпретирует паломничество не в качестве туристской активности, а как религиозную деятельность, но, при этом, религиозный туризм остается в компетенции норм иного закона (ФЗ «О туристской деятельности»). Более того, исключение паломничества из спектра видов массового туризма позволяет ограничить полномочия органов государственной власти в его регулировании.

В тексте Федерального Закона «О свободе совести и религиозных организациях» приведены дефиниции терминов «паломник», «паломническая деятельность», исходя из которых можно судить о том, что паломничество кардинально отличается от прочих видов туризма и не является, по существу, таковым. Паломничество не выполняет рекреационной, познавательной функции и направлено, согласно Закону, исключительно на «участие в религиозных обрядах и церемониях». При этом Закон содержит указание, что существуют организации, которые занимаются организацией паломнических поездок посредством: (1) поддержания международных связей и контактов; (2) организации размещения паломников; (3) организации питания и транспортного обслуживания; (4) организации услуг экскурсоводов, гидов-переводчиков, инструкторов-проводников. Данный перечень свидетельствует о том, что по всем признакам (факт путешествия, временного перемещения человека с места проживания; туристическое обслуживание и проч.), за исключением цели поездки, паломничество является собой туристическую деятельность, и, следовательно, может и должно быть регламентировано в рамках соответствующего акта (ФЗ «О туристской деятельности»).

Отметим, что в 2019 г. были приняты поправки в Закон РФ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» и Закон РФ «О свободе совести и религиозных объединениях», в рамках которых паломничество получило правовой статус и отделилось от туризма [5, с. 4]. Тем не менее, данные поправки не внесли окончательную ясность в разделение двух категорий – религиозного туризма и паломничества; кроме того, в случае паломничества за рубежом религиозная организация в любом случае прибегает к услугам туристических организаций, деятельность которых регламентирована не Законом «О свободе совести...», а «Законом «Об основах туристской деятельности». Таким образом, религиозный туризм и паломничество находятся на стыке двух сфер жизнедеятельности человека – туризма и религии и, соответственно им, имеют отражение в двух разнонаправленных законодательных сегментах, положения которых в ряде случаев дублируют друг друга, а в других – обнаруживают противоречия.

В современной редакции Ст. 1 Федерального закона № 132 содержит перечень целей туризма: лечебно-оздоровительные, познавательные, спортивные, профессионально-деловые и иные. Рели-

гиозные цели были намеренно исключены из данного списка; по мнению Межрелигиозного совета России по вопросу отношений религии и туризма, отнесение паломничества к туризму априори некорректно по причине «обрядовости действия». Вынесение термина «паломничество» в отдельную сферу деятельности, не включенную в туризм, ставит под вопрос также наличие и интерпретацию термина «религиозный туризм». По нашему мнению, паломничество и религиозный туризм являются собой разновидности туристической деятельности, и в основе данного тезиса лежит довод о том, что организация процесса паломничества является собой не что иное, как деятельность туристической организации. Паломничество – безусловно, обрядовое действие, имеющее особую миссию, что отличает его от иных видов туризма. Религиозный же туризм обозначает посещение святых мест с целью рекреации, оздоровления с историко-культурным наследием, но и совершение обрядовых действий религиозными туристами также вполне возможно. Следовательно, изолировать два этих понятия нецелесообразно, но при этом важно представить подробную дефиницию каждого из них в тексте закона «Об основах туристской деятельности».

Наше понимание правовых категорий «религиозный туризм» и «паломничество» вполне согласуется с тезисами, представленными в публикации авторства Д. В. Бондаренко: «Религиозный туризм <...> собирает любознательных людей, не чуждых вере, желающих неспроста провести свободное время»; паломничество – это поездка глубоко верующих людей к святыням. Целью паломничества является поклонение святым местам, молитва, покаяние» [3, с. 15]. Паломничество, таким образом, представляет собой в большей степени ритуальную практику, а религиозный туризм сближается, скорее, с культурным, историческим, рекреационным. Паломничество, указывает В. Н. Якунин, «есть специально предпринятое путешествие для более полного и глубокого, чем в повседневной жизни, соприкосновения со святыней» [14, с. 124]. При этом множество авторов отождествляют религиозный туризм и паломничество; приведем в качестве примера высказывание Е. Е. Подергиной: «Религиозное паломничество, выступает <...> коммуникативным каналом религиозного и духовно-ценностного информирования» [12, с. 61].

Религиозный туризм С. Ю. Житеневым определяется как «светское путешествие с культурно-познавательными целями, но при этом его участники не совершают обязательных для паломников сакральных ритуалов» [5, с. 2]. Позволим себе не согласиться с вышепредставленной дефиницией: по нашему мнению, паломничество и религиозный туризм имеют достаточно много полей соприкосновения: вполне частотным являются такие практики, как посещение рекреационных и познавательных экскурсий паломником или совершение обрядового действия – «религиозным туристом» (молитва, поклонение святыням и т. п.).

Интересную мысль выражают О. Е. Афанасьев и А. В. Афанасьева: религиозный туризм, по их мнению, «вышел за рамки привычного понимания, и охватывает не только верующих людей, но даже в большей степени тех, кто ищет смысл бытия, пытается переосмыслить свое призвание и место в мире». Авторы предлагают включить в научную литературу и нормативный массив понятие «духовный туризм», которое включило бы и паломничество, и религиозный туризм как более широкое [1, с. 8].

Практика туристической детальности в религиозной сфере показывает, что проблемным полем в данном спектре правоотношений является соблюдение прав потребителя (туриста и паломника). Потребители турпродукта должны иметь все права и нести ответственность, положенные им согласно законодательству. При этом специфика данного сектора туризма накладывает отпечаток на специфику реализации данных прав и ответственности. Д. В. Бондаренко говорит о том, что в современных условиях налицо необходимость придания юридической силы требованиям, которые должны быть доведены до сведения туриста, принимающего участие в религиозной экскурсии, или паломника [3]. В ходе организации паломнических туров наблюдается сбор смешанных групп, состоящих из нерелигиозных людей, людей, интересующихся религией, и собственно паломников, преследующих особые цели. «Обычный» турист должен быть уведомлен о том, что его ждет в паломнической поездке. Целью паломнической поездки, как указано ранее, не являются рекреация и ознакомление с культурно-историческим наследием, соответственно, акцент в оказываемых услугах смещен на духовную составляющую подобного путешествия.

Еще один аспект, связанный с защитой прав потребителей, касается судебной защиты нарушенных прав. Для того, чтобы обеспечить такую правовую защиту, должны применяться общие правила защиты прав потребителей при том условии, что лицом, оказывающим туристическую услугу, является туроператор, действующий на основании договора о реализации туристского продукта (согласно «Правилам оказания услуг по реализации туристского продукта», утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 18 июля 2007 г. № 452). При этом религиозные и паломнические туры зачастую организуются энтузиастами, которые действуют исходя из некоммерческих, миссионерских позиций или же с целью извлечения прибыли и не оформляют тур юридически. Соответственно, определенная часть религиозных туристов и паломников остаются в «слепой зоне» правового регулирования, что ставит их в заведомо невыгодное положение. В данной связи Д. В. Бондаренко говорит о необходимости институциональных инноваций в данной области права: «с целью упорядочения деятельности приходов, туристских предприятий и других учреждений по организации паломнических поездок, при епархиях РПЦ в качестве структурной единицы должны действовать паломнические службы» [3, с. 17].

Законодатель, как известно, стремится к равноправной защите интересов как потребителей, так и лиц, оказывающих услуги или производящих продукт. Следовательно, имеет смысл обратиться к вопросу о защите прав и интересов лиц, реализующих религиозные и паломнические туры. Одним из проблемных нам представляется вопрос о страховании ответственности, получения банковской гарантии в отношении нового турпродукта. Кроме того, неразрешенной является проблема о лицензировании деятельности по организации паломнических и религиозных туров. Согласно Федеральному закону от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [10], Федеральному закону о туристской деятельности, лица, являющиеся туроператорами, должны быть зарегистрированы в Едином федеральном реестре туроператоров [6, с. 104]. На практике при небольших монастырях и приходах существуют паломнические службы, но подобной регистрации они не имеют, следовательно, невозможными представляются страхование ответственности, лицензирование деятельности, защита их интересов в судебном порядке.

Паломничество как своеобразный тур или даже вид экскурсии является мероприятием разового характера. Соответственно общим нормам, лицензированию оно не подлежит (если исходить из постулатов соответствующего законодательного сегмента). Тем не менее, такие положения касаются лишь образовательных видов деятельности типа семинаров, конференций, экскурсий. Паломничество же не включено в перечень подобных мероприятий, и, следовательно, оно вновь оказывается «белым» пространством законодательного регулирования. Небольшая паломническая служба, таким образом, не выступает ни туроператором, ни лицом, оказывающим образовательные услуги.

Наконец, последней из проблем, рассматриваемых нами, является фокус законодателя на религиозных и паломнических турах в отношении православной религии, тогда как представители иных конфессий руководствуются собственными внутренними регламентами и практиками. На сегодняшний день Центральное Духовное управление мусульман России и другие мусульманские центры, Буддийская традиционная Сангха России, Федерация еврейских общин России и Конгресс еврейских религиозных организаций самостоятельно решают вопросы организации паломничества и религиозных поездок [15, с. 3]. Р. М. Мухаметзянова-дуггал и З. Р. Хабибуллина говорят о проблеме «отсутствия официально зарегистрированного рабочего объединения, занимающегося организацией паломничества» [8, с. 68]. В сложившихся условиях происходит самостоятельное и вариабельное регулирование мусульманским сообществом потоков паломников из регионов (к примеру, посредством создания программы наделения регионов РФ квотами). По мнению исследователей, законодатель должен оказывать содействие организаторам паломничества (в особенности – хаджа).

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что данная сфера общественных отношений до сих пор имеет пробелы в урегулировании правовыми нормами. Как и многие иные перспективные направления туристической деятельности (экологическое, медицинское) потенциал религиозному туризму и паломничеству не раскрыт полностью по причине проблем, не решенных на уровне законодательной базы [4, с. 23].

Анализ законодательной базы и реальной практики организации религиозных и паломнических туров в России позволил привести перечень тех аспектов, которые обнаруживают наиболее число неразрешенных противоречий с точки зрения законодательного регулирования:

Во-первых, в исследуемой нами сфере религиозного и паломнического туризма наблюдаются существенные недоработки терминологического аппарата; проблемным представляется факт исключения терминов «паломничество» или «паломнический туризм» из Федерального закона «Об основах туристской деятельности».

Во-вторых, вынесение термина «паломничество» в отдельную сферу деятельности, не включенную в туризм, ставит под вопрос также наличие и интерпретацию термина «религиозный туризм».

В-третьих, практика религиозного туризма показывает, что проблемным полем в данном спектре правоотношений является соблюдение прав потребителя (туриста и паломника), что особенно сложно в условиях набора смешанных групп туристов.

В-четвертых, существуют вопросы по судебной защите нарушенных прав, которая не всегда представляется возможной по причине отсутствия документального оформления религиозных и паломнических туров. Связанными с вышеобозначенной являются проблемы страхования и лицензирования деятельности по организации религиозных и паломнических туров.

В-пятых, наблюдается отсутствие общестрановой регламентации туристической деятельности представителями иных конфессий, которым в подобных условиях приходится руководствоваться внутренними регламентами и практиками.

Литература

1. Афанасьев, О. Е. Религиозный туризм как тренд мировой и Российской туристической индустрии: концептуальная сущность и модели развития / О. Е. Афанасьев, А. В. Афанасьева // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2019. – №3. – С. 7-27.
2. Блинова, Ю. В. Туризм: понятие и цели по российскому законодательству / Ю. В. Блинова // Вестник УЮИ. – 2022. – №1 (95). – С. 31-36.
3. Бондаренко, Д. В. Аспекты правового регулирования паломничества и религиозного туризма на современном этапе / Д. В. Бондаренко // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2015. – №3. – С. 14-20.
4. Горяйнова, М. А. Проблемы правового регулирования в сфере туризма / М. А. Горяйнова // СИЛА систем. – 2018. – №2 (7). – С. 20-24.

5. Житенёв, С. Ю. Современное состояние паломничества и религиозного туризма в России: правовые и организационные аспекты / С. Ю. Житенёв // Культурологический журнал. – 2019. – №2 (36). – С. 1-6.

6. Земцова, Ю. Д. Государственное регулирование деятельности в сфере туризма / Ю. Д. Земцова // Вестник магистратуры. – 2018. – №7 (82). – С. 103-104.

7. Кряжева, Э. Г. Нормативно-правовое регулирование сферы туризма в Российской Федерации / Э. Г. Кряжева, Е. А. Мурзина // Интерактивная наука. – 2018. – №10 (32). – С. 44-48.

8. Мухаметзянова-дуггал, Р. М. Государственное регулирование хаджа в современной России / Р. М. Мухаметзянова-дуггал, З. Р. Хабибуллина // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. – 2010. – №4. – С. 65-69.

9. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: федеральный закон от 24 ноября 1996 года № 132-ФЗ (в ред. от 9 марта 2021 г.) // СЗ РФ. 1996. № 49. Ст. 5491; 2021. № 11. Ст. 1710.

10. О лицензировании отдельных видов деятельности: федеральный закон от 04.05.2011 N 99-ФЗ (последняя редакция). – 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113658/. – Дата доступа: 05.10.2022.

11. О свободе совести и религиозных организациях: федеральный закон от 26.09.1997 N 125-ФЗ (в ред. от 1 ноября 2019 года) // СЗ РФ. 1997. – № 39.

12. Подергина, Е. Е. Институциональные и неинституциональные составляющие религиозного паломничества / Е. Е. Подергина // Вопросы управления. – 2018. – №1 (50). – С. 60-66.

13. Чернякова, С. А. Отдельные аспекты правового регулирования туризма в России / С. А. Чернякова // Сервис в России и за рубежом. – 2019. – №3 (85). – С. 87-100.

14. Якунин, В. Н. Современное состояние, проблемы и перспективы развития религиозного туризма в Российской Федерации / В. Н. Якунин // АНИ: экономика и управление. – 2014. – №1 (6). – С. 124-126.

15. Mustaeва, S. S. The legal regulation aspects of pilgrimage and religious tourism at the contemporary stage of development in the republic of Uzbekistan / S. S. Mustaeва // Central Asian journal of innovations on tourism management and finance. – 2020. – Vol. 1. – Issue 3. – Pp. 1-4.

Pilgrimage and religious tourism: issues of legislative regulation Chernyakova S.A.

Moscow University named after S.Yu. Witte

The article presents an analysis of the legislative acts and practice of religious and pilgrimage tourism in Russia, which allowed the author of the article to present a list of the issues containing unresolved contradictions of legislative regulation. Significant disadvantages of the terminological apparatus are noted; placing the category of pilgrimage in a separate field of activity that is not included in tourism is also considered as an issue. One more issue in this spectrum of legal relations is the observance of the rights of the consumer (tourist and pilgrim), protection of the rights and interests of a body organizing pilgrimage and religious tours is noted. The problem of the lack of documentation of religious and pilgrimage tours is noted, along with the problems of insurance and licensing of activities for the organization of religious and pilgrimage tours. The author emphasizes the importance of country-wide regulation of tourism activities of representatives of other confessions.

Keywords: pilgrimage, religious tourism, legislative regulation, recreation, spiritual tourism, tour operator, tour product, tourism

References

1. Afanasyev, O. E. Religious tourism as a trend of the world and Russian tourism industry: conceptual essence and development models / O. E. Afanasyev, A. V. Afanasyev // Modern problems of service and tourism. - 2019. - No. 3. - P. 7-27.
2. Blinova, Yu. V. Tourism: concept and goals under Russian legislation / Yu. V. Blinova // Bulletin of the UYUI. - 2022. - No. 1 (95). - S. 31-36.
3. Bondarenko, D. V. Aspects of legal regulation of pilgrimage and religious tourism at the present stage / D. V. Bondarenko // Bulletin of the association of universities of tourism and service. - 2015. - No. 3. - S. 14-20.
4. Goryainova, M. A. Problems of legal regulation in the sphere of tourism / M. A. Goryainova // POWER of systems. - 2018. - No. 2 (7). - S. 20-24.
5. Zhitenev, S. Yu. The current state of pilgrimage and religious tourism in Russia: legal and organizational aspects / S. Yu. Zhitenev // Culturological journal. - 2019. - No. 2 (36). - P. 1-6.
6. Zemtsova, Yu. D. State regulation of activities in the sphere of tourism / Yu. D. Zemtsova // Bulletin of the Magistracy. - 2018. - No. 7 (82). - S. 103-104.
7. Kryazheva, E. G. Legal regulation of tourism in the Russian Federation / E. G. Kryazheva, E. A. Murзина // Interactive Science. - 2018. - No. 10 (32). - P. 44-48.
8. Mukhametzyanova-duggal, R. M. State regulation of the Hajj in modern Russia / R. M. Mukhametzyanova-duggal, Z. R. Khabibullina // Izvestiya vuzov. Sociology. Economy. Politics. - 2010. - No. 4. - S. 65-69.
9. On the basics of tourism activities in the Russian Federation: federal law of November 24, 1996 No. 132-FZ (as amended on March 9, 2021) // SZ RF. 1996. No. 49. Art. 5491; 2021. No. 11. Art. 1710.
10. On Licensing Certain Types of Activities: Federal Law No. 99-FZ of 04.05.2011 (last edition). – 2022 [Electronic resource]. – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113658/. – Date of access: 05.10.2022.
11. On freedom of conscience and religious organizations: federal law of September 26, 1997 N 125-FZ (as amended on November 1, 2019) // SZ RF. 1997. - No. 39.
12. Podergina, E. E. Institutional and non-institutional components of religious pilgrimage / E. E. Podergina // Management issues. - 2018. - No. 1 (50). - S. 60-66.
13. Chernyakova, S. A. Some aspects of the legal regulation of tourism in Russia / S. A. Chernyakova // Service in Russia and abroad. - 2019. - No. 3 (85). - S. 87-100.
14. Yakunin, V. N. Current state, problems and prospects for the development of religious tourism in the Russian Federation / V. N. Yakunin // ANI: economics and management. - 2014. - No. 1 (6). - S. 124-126.
15. Mustaeва, S. S. The legal regulation aspects of pilgrimage and religious tourism at the contemporary stage of development in the republic of Uzbekistan / S. S. Mustaeва // Central Asian journal of innovations on tourism management and finance. - 2020. - Vol. 1. - Issue 3. - Pp. 1-4.

Значение Дополнительного протокола к Конвенции против применения допинга 1989 года

Орлов Александр Александрович

кандидат юридических наук, кафедра спортивного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), ao@gradfirm.ru

Захарова Лариса Ивановна

кандидат юридических наук, кафедра международного права, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), lizakharova@msal.ru

В статье рассматривается соотношение обязательств по Дополнительному протоколу 2002 года, к которому Российская Федерация не присоединилась, с обязательствами, проистекающими из Конвенции против применения допинга 1989 года и Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте 2005 года. Авторы уделяют внимание содержанию рекомендаций Мониторинговой группы, представленных в докладе Мониторинговой группы по вопросу соблюдения Российской Федерацией международных обязательств согласно Конвенции против применения допинга 1989 года. В статье анализируются рекомендации Мониторинговой группы по присоединению к Дополнительному протоколу 2002 года, которые относятся к исполнению Российской Федерацией обязательств, вытекающих из статьи 1 Конвенции против применения допинга 1989 года. Авторы рассматривают содержание Дополнительного протокола 2002 года в сравнении с иными международными договорами Российской Федерации, а также оценивают отдельные аспекты деятельности Ассоциации Российское антидопинговое агентство «РУСАДА». Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет – 2030».

Ключевые слова: допинг, международные обязательства, международный договор, Дополнительный протокол 2002 года, Конвенция против применения допинга 1989 года, Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте 2005 года, Всемирный антидопинговый кодекс в редакции 2021 года.

В апреле 2021 года Министр спорта Российской Федерации О.В. Матыцин пригласил представителей Мониторинговой группы, действующей в качестве контрольного механизма Конвенции против применения допинга, принятой в рамках Совета Европы в Страсбурге 16 ноября 1989 года (ETS № 135) (далее – «Страсбургская Конвенция») [1], посетить Российскую Федерацию, чтобы иностранные коллеги могли оценить эффективность борьбы с допингом в Российской Федерации после общения с представителями соответствующих организаций [6].

По результатам визита представителей Мониторинговой группы, состоявшегося с 21 по 23 сентября 2021 года, был составлен Оценочный доклад (далее – Доклад), в котором Мониторинговая группа признала, что Российская Федерация надлежащим образом исполняет свои международные обязательства, а также дала отдельные рекомендации российским органам государственной власти по конкретным направлениям деятельности для совершенствования системы борьбы с допингом [5].

Подготовленный Мониторинговой группой документ состоит из двух частей:

– непосредственно Доклад Мониторинговой группы;

– Приложение: Национальный отчет Российской Федерации, подготовленный Министерством спорта Российской Федерации.

С точки зрения структуры Доклад Мониторинговой группы представляет собой комментарии Мониторинговой группы в отношении выполнения Российской Федерацией обязательств, проистекающих из всех содержательных статей Страсбургской Конвенции (статьи 1-9).

Страсбургская Конвенция была первым значимым международным договором, возложившим на государства обязательства в области борьбы с допингом. В статье 1 Страсбургской Конвенции определяется ее цель – искоренение допинга в спорте. Во исполнение этой цели Мониторинговая группа рекомендовала российской стороне рассмотреть вопрос о ратификации Дополнительного протокола к Страсбургской Конвенции, принятого в Варшаве 12 сентября 2002 года (далее – «Дополнительный протокол») (пункт 1.10 Доклада).

Дополнительный протокол к Страсбургской Конвенции возлагает несколько дополнительных по

сравнению со Страсбургской Конвенцией обязанностей на участников [2]. Так, Дополнительный протокол

– провозглашает необходимость взаимного признания результатов допинг-контроля, осуществленного спортивными или национальными антидопинговыми организациями сторон Страсбургской Конвенции на их территории (статья 1.1);

– призывает участников Страсбургской Конвенции признать компетенцию Всемирного антидопингового агентства (далее – ВАДА) и иных организаций, действующих под его контролем, по осуществлению проверок их спортсменов и спортсменок вне соревнований на их территории или в другом месте (статья 1.3);

– указывает на необходимость предпринимать такие меры, какие необходимы для проведения допинг-контроля, которые могут быть дополнительными к мерам, осуществленным на основании предыдущего двустороннего или другого определенного соглашения (статья 1.2), а также

– обязывает обеспечить сертификацию спортивных или национальных антидопинговых организаций для обеспечения соответствия стандартам качества Международной организации по стандартизации (англ. International Organization for Standardization, ISO) в отношении допинг-контроля, признанным Мониторинговой группой (статья 1.2).

Дополнительный протокол также усиливает контрольный механизм, принятый в рамках Страсбургской Конвенции. Наблюдение за выполнением обязательств государствами осуществляется Оценивающей группой (*Evaluation team*), которая в соответствии с определенным графиком исследует национальные отчеты о соблюдении международных обязательств и посещает государство-участника Страсбургской Конвенции, если это необходимо. На основании сделанных выводов Оценивающая группа формулирует рекомендации. Государства-участники разрешают посещение Оценивающей группы и обязуются способствовать сотрудничеству соответствующих национальных органов с ней (статья 2 Дополнительного протокола).

Для анализа рекомендации Мониторинговой группы следует сравнивать действующие обязательства Российской Федерации согласно Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте, принятой Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) в Париже 19 октября 2005 года (далее – Конвенция ЮНЕСКО), так как Конвенция ЮНЕСКО также усовершенствовала ряд положений, которые были закреплены в Страсбургской Конвенции [3].

В соответствии со статьями 13, 14 Конвенции ЮНЕСКО государства-участники

– содействуют сотрудничеству между антидопинговыми организациями, государственными органами и спортивными организациями, находящимися под их юрисдикцией, и аналогичными организациями и органами, находящимися под юрисдикцией других государств-участников, а также

– обязуются поддерживать ВАДА в выполнении его важной миссии в области международной борьбы с допингом.

На основополагающую роль Всемирного антидопингового кодекса (далее – Кодекс ВАДА) указывается в целом ряде иных положений Конвенции ЮНЕСКО (в частности, в статьях 2, 3, 4, 14). Аналогичным образом Кодекс ВАДА в редакции 2021 года подчеркивает значимость Конвенции ЮНЕСКО, в частности, в статье 22 [4].

Между тем следует помнить, что во всех указанных положениях речь идет о необходимости следовать основополагающим принципам Кодекса ВАДА, а не всем нормам Кодекса ВАДА. Более того, в статье 4.2 Конвенции ЮНЕСКО уточняется, что Кодекс ВАДА, международные стандарты для лабораторий и для тестирования приводятся для сведения и не являются неотъемлемыми частями Конвенции ЮНЕСКО (добавления 1, 2, 3 к Конвенции ЮНЕСКО), и указанные добавления сами по себе не устанавливают для государств-участников Конвенции ЮНЕСКО каких-либо международно-правовых обязательств. В отличие от этого, два приложения к Конвенции ЮНЕСКО (первый Международный стандарт -Запрещенный список субстанций и методов, второй Международный стандарт по выдаче разрешений на терапевтическое использование) являются неотъемлемой частью Конвенции ЮНЕСКО (статья 4.3).

Таким образом, в Конвенции ЮНЕСКО закреплена общая международно-правовая обязанность Российской Федерации признавать компетенцию ВАДА в его сфере деятельности и обеспечивать международное сотрудничество с ним.

Вместе с тем положения статьи 16 Конвенции ЮНЕСКО, посвященной международному сотрудничеству в области допинг-контроля, предусматривают обязательства государств-участников, которые воспроизводят сходные по сути обязательства из Дополнительного протокола к Страсбургской Конвенции (табл. 1).

Однако в отличие от Дополнительного протокола 2002 года, предусматривающего безусловную обязанность государств-участников, Конвенция ЮНЕСКО содержит следующую общую оговорку по отношению ко всем обязательствам, закрепленным в ст. 16 Конвенции ЮНЕСКО: «Признавая, что борьба с допингом в спорте может быть эффективной только в том случае, если будут обеспечены тестирование спортсменов без предварительного уведомления и своевременная транспортировка проб для анализа в лаборатории, государства-участники, когда это целесообразно (*where appropriate*) и в соответствии с внутригосударственным законодательством и процедурами (*in accordance with domestic law and procedures*)...».

Таким образом, Российская Федерация приняла на себя обязательства, сходные по существу с теми, что содержатся в статьях 1.1, 1.3 Дополнительного протокола, посредством ратификации Конвенции ЮНЕСКО, однако с оговоркой о том, что данные обязательства возможно выполнять тогда,

когда это целесообразно, и в соответствии с внутригосударственным законодательством и процедурами. Присоединение к Дополнительному протоколу не повлечет с необходимостью изменения условного характера обязательств на безусловное, но создаст определенную коллизию между толкованием данных международно-правовых обязательств.

Таблица 1

Дополнительный протокол	Конвенция ЮНЕСКО
<p>Стороны взаимно признают компетентность спортивных или национальных антидопинговых организаций в вопросах проведения, в соответствии с внутригосударственными нормами страны-организатора, допинг-контроля на их территории спортсменов и спортсменок, прибывающих из других государств–сторон Страсбургской Конвенции. Результат такого контроля сообщается одновременно национальной антидопинговой организации и национальной спортивной федерации соответствующего спортсмена или спортсменки, национальной антидопинговой организации страны-организатора и международной спортивной федерации (ст. 1.1).</p>	<p>Государства-участники оказывают содействие в обеспечении своевременного передвижения через границы групп допинг-контроля при проведении мероприятий по допинг-контролю; сотрудничают в целях содействия своевременной транспортировке или перемещению через границы проб; оказывают помощь в обеспечении международной координации мероприятий по допинг-контролю, проводимых различными антидопинговыми организациями, и сотрудничают в этих целях с ВАДА; развивают сотрудничество между лабораториями допинг-контроля, находящимися под их юрисдикцией, и соответствующими лабораториями, находящимися под юрисдикцией других государств-участников; содействуют заключению и реализации договоренностей о взаимном тестировании между назначенными в соответствии с Кодексом ВАДА антидопинговыми организациями; признают на взаимной основе процедур допинг-контроля и послетестовых процедур, включая связанные с этим спортивные санкции, которые применяются любой антидопинговой организацией в соответствии с Кодексом ВАДА (статьи 16.b – 16.g).</p>
<p>Стороны также признают компетенцию ВАДА и других организаций по допинговому контролю, действующих под его руководством, по осуществлению проверок их спортсменов и спортсменок вне соревнований на их территории или в другом месте. Результаты этих тестов сообщаются национальной антидопинговой организации соответствующих спортсменов и спортсменок. Любые такие проверки осуществляются по согласованию со спортивными организациями, упомянутыми в статье 4.3.c Страсбургской Конвенции, в соответствии с действующими нормами и положениями национального законодательства страны-организатора (статья 1.3).</p>	<p>Государства-участники при условии соблюдения соответствующих нормативных положений принимающих стран оказывают содействие ВАДА и антидопинговым организациям, действующим в соответствии с Кодексом ВАДА, в проведении соревновательного и внесоревновательного допинг-контроля своих спортсменов как на своей территории, так и за ее пределами (статья 16.a).</p>

Кроме того, значимым обстоятельством, свидетельствующим об эффективности борьбы с допингом в Российской Федерации с учетом положений международных договоров, выступает деятельность Общероссийской антидопинговой организации – Ассоциации Российское антидопинговое агентство «РУСАДА» (далее – РУСАДА). РУСАДА является стороной, подписавшей Кодекс ВАДА [7], при осуществлении своей деятельности РУСАДА руководствуется Кодексом ВАДА, в том числе и применительно к обозначенной выше компетенции ВАДА и других организаций по допинговому контролю, действующих под руководством ВАДА.

Так, статья 5.2.4 Кодекса ВАДА предусматривает, что ВАДА уполномочено проводить соревновательное и внесоревновательное тестирование в соответствии со статьей 20.7.1 Кодекса ВАДА (аналогичное положение закреплено в пункте 7.2.3 Общероссийских антидопинговых правил в редакции 2021 года). Право проводить тестирование предоставлено Кодексом ВАДА национальным антидопинговым организациям в отношении иностранных спортсменов, находящихся на их территории (статья 5.2.1), международным федерациям в отношении всех спортсменов, на которые распространяется их компетенция (статья 5.2.2), а также организаторам спортивных мероприятий (статья 5.2.3).

В подтверждение приверженности РУСАДА данным положениям Кодекса ВАДА на официальном сайте РУСАДА указывается, что отбор проб у спортсмена проводится по распоряжению антидопинговой организации, к числу которых относятся национальные антидопинговые организации, международные спортивные федерации, организаторы крупных спортивных мероприятий и другие организации согласно определению Кодекса ВАДА и Общероссийских антидопинговых правил. Российские спортсмены могут быть протестированы по распоряжению национальной антидопинговой организации страны, на территории которой они находятся, и по распоряжению международной федерации, правила которой на них распространяются, а также организатора крупных спортивных мероприятий или ВАДА. Отбор проб на миссиях, запланированных РУСАДА, проводят инспекторы допинг-контроля РУСАДА, а также представители аккредитованных ВАДА международных организаций, предоставляющих услуги отбора проб с целью допинг-контроля, или представители других национальных антидопинговых агентств. При этом пробы отбираются как для соревновательного, так и для внесоревновательного контроля [8].

Из вышеизложенного следует, что положения Дополнительного протокола в части признания рассмотренной компетенции ВАДА и других организаций по допинговому контролю, действующих под его руководством, соответствуют позиции и сложившейся практике РУСАДА, основанной на положениях Кодекса ВАДА.

Конвенция ЮНЕСКО, которая содержит общие положения о необходимости координировать деятельность антидопинговых организаций в соот-

ветствии с принципами Кодекса ВАДА, не закрепляет обязательства по сертификации национальной антидопинговой организации на соответствие международным стандартам, установленным Международной организацией по стандартизации (англ. International Organization for Standardization, ISO) и признанным Мониторинговой группой. В то же время подобное обязательство предусматривается Дополнительным протоколом (статья 1.2).

Так, например, национальная антидопинговая организация Германии 24 мая 2018 года была сертифицирована в соответствии со стандартом DIN EN ISO 9001: 2015 в области «Продвижение, осуществление и координация антидопинговой деятельности в Германии соответствующими спортивными научными, образовательными, социальными, медицинскими и юридическими мерами» (DIN EN ISO 9001: 2015 for the scope "Advancement, Implementation and Coordination of Anti-Doping Activities in Germany by appropriate sport scientific, educational, social, medical and juridical Measures") [9].

Стандарт ISO 9001: 2015 предъявляет требования к структуре управления в организациях, к способам построения хозяйственных процессов и подтверждает способность организации осуществлять деятельность в соответствии с применимым законодательством [10].

Российская национальная антидопинговая организация с 2012 года регулярно получала двуязычные иностранные сертификаты о соответствии от иностранных организаций по сертификации (2011-2014: FINAS - Finnish Accreditation Service; 2014-2017: FINAS - Finnish Accreditation Service; 2017-2020: AFNOR Certification). На данный момент РУСАДА имеет один действующий с 28.12.2020 по 28.12.2023 русскоязычный Сертификат о соответствии требованиям национального стандарта ГОСТ Р ИСО 9000-2015 (ISO 9001:2015), который был утвержден приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 сентября 2015 г. № 1391-ст. Указанный Сертификат был выдан РУСАДА обществом с ограниченной ответственностью «Межрегиональный Научно-Технический Центр «Стройнефтегаз» [11].

При этом меры усиления применения Страсбургской Конвенции, предусмотренные Дополнительным протоколом, а именно наблюдение за применением и выполнением Страсбургской Конвенции, осуществляемое в отношении каждой из ее сторон, фактически уже были реализованы в отношении Российской Федерации при посещении 21-23 сентября 2021 года, по итогам которого был составлен соответствующий Доклад.

При присоединении Российской Федерации к Дополнительному протоколу подобные мероприятия будут регулярными, поскольку согласно статье 2 Дополнительного протокола подготовка национальных отчетов и проведение оценочных визитов

осуществляются согласно графику, принятому Мониторинговой группой, в рамках консультаций с ответствующими сторонами.

Литература

1. Конвенция против применения допинга, принятая в рамках Совета Европы в Страсбурге 16 ноября 1989 года (ETS № 135) // Council of Europe [Электронный ресурс]. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treaty-num=135> (дата обращения – 15.08.2022);

2. Дополнительный протокол к Страсбургской Конвенции, принятый в Варшаве 12 сентября 2002 года // Council of Europe [Электронный ресурс]. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treaty-num=188> (дата обращения – 15.08.2022);

3. Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте, принята в Париже 19 октября 2005 года // UNESDOC [Электронный ресурс]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000142594> (дата обращения – 15.08.2022);

4. Всемирный антидопинговый кодекс в редакции 2021 года // WADA [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wada-ama.org/en/resources/world-anti-doping-program/world-anti-doping-code> (дата обращения – 15.08.2022);

5. Оценочный доклад Мониторинговой группы по вопросу соблюдения Российской Федерацией обязательств, проистекающих из Страсбургской Конвенции // Council of Europe [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/t-do-2021-43en-adopted-evaluation-report-rf-sept-2021/1680a5396a> (дата обращения – 15.08.2022);

6. Statement by the Head of the Evaluation Team of the Council of Europe Convention against Doping in Sport, Michael Petrou and the Minister of Sport of the Russian Federation, Oleg Matytsin // Council of Europe [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/joint-statement-russia-evaluation-team/1680a42002> (дата обращения – 15.08.2022);

7. Code Signatories // WADA [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wada-ama.org/en/what-we-do/world-anti-doping-code/code-signatories> (дата обращения – 15.08.2022);

8. Отбор проб // РУСАДА [Электронный ресурс]. URL: <https://rusada.ru/doping-control/testing/sample-collection/?ysclid=17hjk1gzl658620577> (дата обращения – 15.08.2022);

9. NADA nach DIN EN ISO 9001 zertifiziert // NADA [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nada.de/en/service/news/news-detail/nada-nach-din-en-iso-9001-zertifiziert> (дата обращения – 15.08.2022);

10. ISO 9001:2015. Quality management systems — Requirements // ISO [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iso.org/standard/62085.html> (дата обращения – 15.08.2022);

11. Сертификат соответствия // РУСАДА [Электронный ресурс]. URL: <https://rusada.ru/upload/iblock/b8e/doc07121320210324144631.pdf> (дата обращения – 15.08.2022).

Significance of the Additional Protocol to the 1989 Anti-Doping Convention

Orlov A.A., Zakharova L.I.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article considers the interplay between the obligations under the Additional Protocol to the Anti-Doping Convention of 2002, to which the Russian Federation has not acceded, and the obligations under the 1989 Anti-Doping Convention and the 2005 International Convention against Doping in Sport. The authors focus on the content of the Monitoring Team's recommendations presented in the Evaluation Report of the Monitoring Team on the Compliance of the Russian Federation with the Commitments under the 1989 Anti-Doping Convention. The article analyzes the recommendations of the Monitoring Group on accession to the Additional Protocol of 2002, which relate to the fulfilment by the Russian Federation of the obligations under Article 1 of the 1989 Anti-Doping Convention. The authors review the content of the Additional Protocol of 2002 compared to other international treaties of the Russian Federation and assess specific aspects of the Russian Anti-Doping Agency RUSADA. Research was conducted in frame of the federal academic leadership program Priority 2030.

Keywords: doping, international obligations, international treaty, 2002 Additional Protocol, 1989 Anti-Doping Convention, 2005 International Convention against Doping in Sport, World Anti-Doping Code in its 2021 edition.

References

1. Anti-Doping Convention (ETS No. 135) // Council of Europe [Electronic resource]. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=135> (accessed 15.08.2022);
2. Additional Protocol to the Anti-Doping Convention (ETS No. 188) // Council of Europe [Electronic resource]. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=188> (accessed 15.08.2022);
3. International Convention against Doping in Sport // UNESDOC [Electronic resource]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000142594> (accessed 15.08.2022);
4. World Anti-Doping Code 2021 // WADA [Electronic resource]. URL: <https://www.wada-ama.org/en/resources/world-anti-doping-program/world-anti-doping-code> (accessed 15.08.2022);
5. Evaluation Report of the Monitoring Team on the Compliance of the Russian Federation with the Commitments Anti-Doping Convention 1989 // Council of Europe [Electronic resource]. URL: <https://rm.coe.int/t-d-2021-43en-adopted-evaluation-report-rf-sept-2021/1680a5396a> (accessed 15.08.2022);
6. Statement by the Head of the Evaluation Team of the Council of Europe Convention against Doping in Sport, Michael Petrou and the Minister of Sport of the Russian Federation, Oleg Matytsin // Council of Europe [Electronic resource]. URL: <https://rm.coe.int/joint-statement-russia-evaluation-team/1680a42002> (accessed 15.08.2022);
7. Code Signatories // WADA [Electronic resource]. URL: <https://www.wada-ama.org/en/what-we-do/world-anti-doping-code/code-signatories> (accessed 15.08.2022);
8. Sample Collection // RUSADA [Electronic resource]. URL: <https://rusada.ru/doping-control/testing/sample-collection/?ysclid=17hjk1gzl658620577> (accessed 15.08.2022);
9. NADA certified according to DIN EN ISO 9001 // NADA [Electronic resource]. URL: <https://www.nada.de/en/service/news/news-detail/nada-nach-din-en-iso-9001-zertifiziert> (accessed 15.08.2022);
10. ISO 9001:2015. Quality management systems — Requirements // ISO [Electronic resource]. URL: <https://www.iso.org/standard/62085.html> (accessed 15.08.2022);
11. Certificate ISO // RUSADA [Electronic resource]. URL: <https://rusada.ru/upload/iblock/b8e/doc07121320210324144631.pdf> (accessed 15.08.2022).

Определение и классификация понятия «злоупотребление процессуальными правами» в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве

Качмарев Михаил Владимирович

магистрант факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридического факультета) Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», serka_100@mail.ru

Статья посвящена особенностям злоупотребления процессуальными правами в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве. Автором статьи рассмотрены предпосылки, мотивы и причины злоупотреблений процессуальными правами. Рассмотрена специфика функционирования категории «злоупотребление процессуальными правами» в научном обороте и правовой процессуальной практике. Рассмотрены существующие определения злоупотребления процессуальными правами. Среди неразрешенных проблем современной юридической науки обозначено соотношение категорий «правонарушение» и «злоупотребление»; кроме того, автор представил классификации злоупотреблений процессуальными правами. Отдельно проанализирована проблема пассивности при злоупотреблении процессуальными правами. Рассмотрено то, каким образом определяется, описывается и санкционируется злоупотребление в гражданском, административном и арбитражном процессуальном законодательстве. Предложено арбитражное, гражданское и административное процессуальное законодательство дефинициями и типологиями злоупотреблений процессуальными правами, а также выработать критерии определения тяжести правонарушений, которым будут соответствовать конкретные объемы штрафов.

Ключевые слова: процессуальные права, судопроизводство, арбитражное судопроизводство, гражданское судопроизводство, административное судопроизводство, злоупотребление правом, добросовестность, правонарушение

Частотность случаев злоупотребления процессуальными правами в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве обуславливает актуальность научного осмысления и анализа данной проблемы. Для этого требуется рассмотреть правовую природу, причины, предпосылки и мотивы подобных злоупотреблений. Некоторые исследователи (к примеру, Е. С. Матвеева [10]) указывают, что сама по себе состязательная природа любого процесса – стремление сторон задействовать все доступные им ресурсы в целях выигрыша – является предпосылкой и причиной возникновения злоупотреблений. Тем не менее, очевидно, что не любое правовое «состязание» строится на злоупотреблениях, а исключительно то, в котором сторона не использует данные ей законодательством правовые инструменты и рычаги, а выходит за их рамки. В данной связи можно привести тезис, представленный в публикации Е. С. Матвеевой: злоупотребление правом, по ее мнению, есть результат искаженного представления о действии состязательного начала в юридическом процессе [10, с. 24]. Схожую мысль выражает в диссертационном исследовании видный российский правовед А. В. Юдин: объяснение и легитимизация злоупотребительного поведения через установленный законодателем принцип не вытекает из положений правовых норм, а является следствием их намеренно ошибочной интерпретации [13, с. 236].

Спектр мотивов и причин злоупотреблений процессуальными правами, выделяемых современными юристами, крайне широк; О. А. Гошкодеря и А. Н. Таран, к примеру, включают в их число стремление причинить вред деловой репутации оппонента, желание умышленного затягивания судебного разбирательства [7, с. 179], тогда как Е. С. Матвеева утверждает, что злоупотребление процессуальными правами может быть ненамеренным, вызванным низким уровнем правовой культуры и неумением использовать закон [10, с. 21]. В злоупотреблении процессуальными правами можно усмотреть и долю вины институтов законодательной и судебной ветвей власти: как показывает реальная процессуальная практика, многие из злоупотреблений оказываются вызванными неясностью или двойственностью правовых норм, их несо-

вершенством, отсутствием унификации и единообразия судебной практики. Отсутствие злоупотреблений, в свою очередь, может иметь место в ситуации нахождения баланса между правами и полномочиями сторон процесса, при следовании принципу добросовестности представителями разных уголовно-процессуальных функций [1, с. 336]. В целом же единства по вопросу о причинах, предпосылках и мотивах злоупотреблений в современной юриспруденции пока не наблюдается, как и нет его в дефинировании термина «процессуальное злоупотребление (злоупотребление процессуальными правами)».

Многие юристы, причем небезосновательно, говорят о том, что само по себе фразовое сочетание «злоупотребление правом» с юридической, гносеологической и лингвистической точки зрения несостоятельно и противоречиво. К. М. Баева, в свою очередь, называет сочетание «злоупотребление процессуальным правом» «юридическим нонсенсом» в принципе [2, с. 218]. Даже если принять функционирование данного термина в научном обороте и правовой процессуальной практике как данность, остается неразрешенным вопрос о недостаточной его определенности, многозначности, вариативности поведенческих шаблонов участников процесса, и, что самое главное – об отсутствии в законодательстве указаний на его точное значение. Наличие оценочности и высокая степень усмотрения в интерпретации термина «злоупотребление процессуальными правами» существенно осложняет процесс реализации права; О. Я. Баев справедливо говорит, что возможность широкой трактовки данной категории представляет собой одну из ключевых причин снижения стабильности практики применения процессуального законодательства [1, с. 339].

Существующие определения «злоупотребление процессуальными правами» можно условно разделить на узкие (специализированные) и широкие (обобщенные). К. М. Баева, к примеру, представляет узкую дефиницию рассматриваемой нами категории: «система процессуальных и непроцессуальных действий субъекта уголовного судопроизводства, которая может выражаться как в действии, так и бездействии, не выходящая за пределы его правового функционала, однако нарушающая права, свободы и законные интересы других участников уголовного судопроизводства, препятствующая реализации его назначения, защите прав и свобод его участников» [2, с. 219]. Более общо определяет данный термин А. С. Пыхалова: способ осуществления права, который находится в противоречии с его первоначальным назначением, посредством чего участник процесса причиняет вред личности, обществу, государству [11, с. 267].

Среди неразрешенных проблем современной юридической науки – соотношение категорий «правонарушение» и «злоупотребление», возможность их отождествления, включения второго в смысловой спектр первого и т. п. [3, с. 4]. В чистом виде злоупотребление правом нельзя считать правона-

рушением, следовательно, соотношение двух терминов можно охарактеризовать как частичное соприкосновение или смежность.

Если рассматривать злоупотребление правом в качестве действия или совокупности действий, причиняющих вред в рамках осуществления субъективного права, можно прийти к выводу о потенциальном наличии такой категории, как «правомерное злоупотребление правом» (поведение недопустимо правомерное, неоправданно допустимое); вредное де факто, но правомерное де юре. Такое злоупотребление, естественно, должно считаться правомерным вплоть до его законодательного признания противоправным. В случае повышения степени общественной опасности Е. С. Матвеева предлагает говорить о преступном злоупотреблении правом [10, с. 22]. Несмотря на тот факт, что в обиходном понимании злоупотребление правом является негативным феноменом, тяготеющим к противоправности, следует признать существование также и правомерного злоупотребления правом.

Все вышесказанное приводит нас к рассмотрению подходов к классификации злоупотребления процессуальными правами. В науке наиболее частотной является классификация по отрасли права (злоупотребления в сфере семейного, гражданского, трудового права). Для нас больший интерес представляет типология, выполняемая на базисе критерия субъективности: умышленные и неосторожные злоупотребления (злоупотребления, совершенные без умысла). При этом в рамках данной классификации весьма актуальной представляется рассмотренная выше проблема противоправности злоупотребления – ряд исследователей, в частности, указывают на то, что умышленное злоупотребление есть правонарушение [11, с. 268]. Одну из наиболее детальных и в то же время лаконичных классификаций злоупотребления процессуальными правами разработала О. В. Третьякова, обобщившая существующую судебную практику в гражданских, арбитражных и административных контекстах. По ее мнению, целесообразным будет выделение следующих групп злоупотреблений:

1. Злоупотребление процессом как таковым. Злоупотребление возможностью инициирования дела и самим фактом процесса может иметь место в ситуациях подачи заведомо «проигрышного» искового заявления, подачи искового заявления для затягивания иного процесса и т. п.

2. Злоупотребление конкретными процессуальными правами. В перечень подобных злоупотреблений можно включить факты подачи заявления об отводе, уклонений от получения судебных извещений, невыполнения указаний суда, ситуации искусственной смены подсудности и проч. [12, с. 419].

Внимание современных правоведов-процессуалистов сосредоточено еще на одном важном аспекте понимания злоупотреблений процессуальными правами – на так называемом пассивном злоупотреблении. Речь идет о том, что сегодня единственной формой злоупотребления принято считать действие, тогда как отсутствие действий в ре-

альной практике нередко также может быть интерпретировано как злоупотребление. Отсутствие понимания того, что бездействие также является формой, в которой сторона процесса злоупотребляет своими правами, приводит к смещению в судебной практике категорий «злоупотребление правом» и «неисполнение процессуальных обязанностей», тогда как оба данных факта позволяют наложить идентичные санкции на допустившую нарушение сторону. Злоупотребление процессуальными правами может быть реализовано посредством непредставления или несвоевременного представления доказательств без уважительных причин, что, в свою очередь, влечет за собой затягивание процесса. З. М. Готыжева также говорит, что пассивными формами злоупотребления можно считать отказ или уклонение от участия в примирительной процедуре после вынесения определения об отложении проведения предварительного заседания, обращение сторон к медиатору-посреднику без должных на это оснований [6, с. 170]. Как показывает судебная практика, суды в ряде случаев указывают на пассивную процессуальную позицию сторон процесса, ведущую к затягиванию арбитражного процесса.

М. А. Боловнев указывает также на то, что пассивная процессуальная позиция может выражаться в непредставлении пояснений по отзыву на жалобу, доводов и доказательств, опровергающих позицию оппонента. Участники судебного разбирательства, как правило, занимают пассивную процессуальную позицию в ситуации злоупотребления правом на процесс (тип 1 согласно представленной выше классификации). Таким образом, подавая необоснованное исковое заявление, не содержащее должных правовых оснований и предпосылок к удовлетворению его требований, истец достигает цели умышленного злоупотребления и инициирует судебную тяжбу, а затем наступает фаза процессуального бездействия, которое также считать добросовестным нельзя [5, с. 158].

Одним из типов вышеописанной пассивности можно считать уклонение от получения повесток. Данный аспект процессуальной пассивности является одним из дискуссионных – по той причине, что суд не всегда способен констатировать факт подобного злоупотребления, ведь сторона может не получать повестки вследствие нахождения в учреждении здравоохранения, командировке, отпуске. В подобных ситуациях высока вероятность судебных ошибок при оценке процессуального поведения стороны, а впоследствии такая ситуация может результировать в отмену судебных постановлений на основании ненадлежащего извещения стороны. Согласимся с М. В. Какуриной: сегодня все доводы об уклонении от получения повесток в конечном итоге «упираются» в судебное усмотрение и возможности вариативного толкования судом вышеописанных действий как пассивных злоупотреблений процессуальными правами [8, с. 180].

Проблема злоупотреблений процессуальными правами все еще требует тщательной доктриналь-

ной переработки; кроме того, формируемые позиции зачастую порождают больше вопросов, чем ответов на них [6, с. 149]. Безусловно, в области злоупотребления процессуальными правами остается еще множество насущных и до сих пор не решенных проблем. По мнению Е. Н. Лысенковой, приоритетными для заполнения следует считать следующие пробелы в юридической науке и практики: (1) уточнение и законодательная фиксация термина «злоупотребление процессуальными правами»; (2) установление критериев квалификации действий в качестве злоупотребления (добавим также в данный вектор разработок уточнение проявлений процессуальной пассивности, которые могут считаться злоупотреблениями); (3) оценка последствий процессуального злоупотребления; (4) выработка и имплементация алгоритма «устранения самой возможности манипулирования» процессом [9, с. 226]. Дополним также вышепредставленный перечень проблемами, обусловленными межотраслевым характером проблемы злоупотребления правом и соотношением санкций в различных отраслях права. К данной проблеме целесообразно обратиться и в рамках настоящей статьи.

Проблема злоупотребления правом обладает, как отмечено выше, межотраслевым характером; следовательно, важным является вопрос о том, являются ли критерии, дефиниции, последствия (санкции) общими для всей правовой доктрины, либо требуется определять и анализировать злоупотребления исключительно с отраслевых позиций [6, с. 149]. Рассмотрим то, каким образом определяется, описывается и санкционируется злоупотребление в гражданском, административном и арбитражном процессуальном законодательстве.

Текст Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации не имеет детального описания сущности злоупотребления, но указывает, при этом, то, что участники процесса должны добросовестно использовать принадлежащие им процессуальные права (п. 1 ст. 35). ГПК, кроме того, представляет возможность взыскания компенсации за фактическое затягивание процесса стороной, представившей неосновательный иск, либо компенсации за систематическое препятствование рассмотрению и разрешению дела (ст. 99).

Арбитражный процессуальный кодекс содержит также положение, согласно которому злоупотребление участников процесса влечет за собой последствия в виде покрытия лицом, допустившим злоупотребление, судебных издержек (ст. 111), отказа в удовлетворении заявления или ходатайства (п. 5 ст. 159), наложения судебного штрафа (п. 3 ст. 225.12).

Кодекс административного судопроизводства также не содержит детальной регламентации вопросов, связанных с процессуальными злоупотреблениями. В частности, в его тексте содержится перечень форм злоупотреблений, который включает в себя две позиции: (1) недобросовестное заявление неосновательного административного иска, (2) противодействие верному и своевременному рассмотрению и разрешению дела. Вопрос о санкциях

за злоупотребление в тексте кодекса практически полностью игнорируется законодателем. В Кодекс включено лишь положение о наложении штрафа в ситуации противодействия своевременной подготовке административного дела к разбирательству, посредством непредставления или несвоевременного представления административным ответчиком возражений и необходимых доказательств, а также по причине невыполнения прочих указаний судебного органа (п. 5 ст. 135 КАС).

Штраф, таким образом, указывается в Кодексе в качестве меры процессуального принуждения, но критерии для идентификации злоупотребления в нем (как и в двух вышеперечисленных Кодексах) не обозначены. Попытку заполнить «белые пятна» в Кодексе административного судопроизводства предпринял Верховный Суд РФ в рамках п. 32 Постановления Пленума № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела», согласно которому суд имеет право отнести на лицо, допустившее злоупотребление, судебные издержки; кроме того, судебные издержки должны покрываться лицом, допустившим злоупотребление в ситуациях, когда данное злоупотребление привело к срыву или затягиванию разбирательства. Безусловно, подобные абстрактные и размытые формулировки нельзя считать успешной мерой по заполнению законодательного пробела.

Т. О. Третьякова указывает на то, что предусмотренных законодателем мер недостаточно и предлагает в данной связи повысить степень ответственности лиц, злоупотребляющих процессуальными правами [12, с. 420]. Наиболее эффективными как в арбитражном, так и административном и гражданском судопроизводстве представляются именно штрафные меры. Однако, по нашему мнению, наличие системы штрафов должно сопровождаться наличием особой матрицы, классификации злоупотреблений и их градации по степени тяжести, и только в этой случае они могут быть соотнесены с тем или иным объемом штрафов. Имплементация систематизированной структуры штрафных мер, безусловно, позволит дисциплинировать участников процесса, сокращая при этом сроки разбирательств и нагрузку на органы суда и судей.

Нормативные источники, регламентирующие злоупотребления процессуальными правами, не исчерпываются вышеописанными. Если глубинно проанализировать законодательный массив, связанный с исследуемой нами проблематикой, можно прийти к выводу о том, что законодатель, в целом, допускает одновременное применение норм материального и процессуального права. К примеру, «отклонения» в поведении гражданского оборота могут быть обнаружены посредством реализации ими процессуальных прав. Обратное также может быть верным. Соответственно, в плане регламентации злоупотреблений процессуальное право «сотрудничает» с гражданским. Применение нормы Гражданского Кодекса о злоупотреблении правом при реализации процессуальных положений оказывается вполне эффективным в реальной практике.

Ситуации, в которых, согласно ч. 4 ст. 1 ГПК РФ, допускается применение аналогии закона, именуется М. А. Боловнев «сотрудничеством» отраслей права, «проецированием» норм материального права на отрасль права процессуального [4, с. 142].

Таким образом, в стремлении выиграть дело стороны юридического процесса могут интерпретировать сущность состязательности превратно, и, как правило, в свою очередь, может привести к злоупотреблению правом. Как показывает настоящее исследование, формирование доктринального и нормативного наполнения института злоупотребления процессуальными правами все еще находится в эволюционной фазе. До ее завершения, к сожалению, судебная практика будет носить субъективный характер, и в большинстве споров вопрос злоупотребления будет оставлен на усмотрение суда. В данной связи необходимо расширить арбитражное, гражданское и административное процессуальное законодательство дефинициями и типологиями злоупотреблений процессуальными правами, а также выработать критерии определения тяжести правонарушений, которым будут соответствовать конкретные объемы штрафов. В конечном итоге подобные меры могут эффективизировать российское правосудие, с одной стороны, а с другой – снять нагрузку на судебный аппарат.

Литература

1. Баев, О. Я. «Злоупотребление правом» как уголовно-процессуальная категория / О. Я. Баев // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2013. – №2 (15). – С.336-349.
2. Баева, К. М. Злоупотребление правом как уголовно-процессуальная категория / К. М. Баева // Судебная власть и уголовный процесс. – 2016. – №2. – С.217-219.
3. Бердова, И. А. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве / И. А. Бердова, И. В. Гинзбург // Мир науки и образования. – 2017. – №2 (10). – 7 с.
4. Боловнев, М. А. Злоупотребления процессуальными правами в Российской судебной практике / М. А. Боловнев // Вестник ОМГУ. Серия: Право. – 2017. – №2 (51). – С.141-144.
5. Боловнев, М. А. Пассивная процессуальная позиция как форма злоупотребления процессуальными правами / М. А. Боловнев // МНИЖ. – 2016. – №5-6 (47). – С. 157-159.
6. Готыжева, З. М. Злоупотребление процессуальными правами: проблемы и пути решения / З. М. Готыжева // Вестник СГЮА. – 2018. – №1 (120). – С. 166-172.
7. Гошкодеря, О. А. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве / О. А. Гошкодеря, А. Н. Таран // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – №9-1. – С.179-181.
8. Какурина, М. В. Злоупотребление процессуальным правом и судебное усмотрение / М. В. Какурина // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2020. – №1 (40). – С. 176-182.

9. Лысенкова, Е. Н. О злоупотреблении процессуальными правами при определении подсудности дел / Е. Н. Лысенкова // Образование и право. – 2022. – №5. – С. 226-230.

10. Матвеева, Е. С. Причины и условия злоупотребления правом в юридическом процессе России в свете издержек реализации состязательного начала / Е. С. Матвеева // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – №2 (135). – С. 20-31.

11. Пыхалова, А. С. Социально-юридическая обусловленность и классификации злоупотреблений процессуальными правами / А. С. Пыхалова // Бюллетень науки и практики. – 2021. – №7. – С. 266-269.

12. Третьякова, Т. О. Проблемы злоупотребления процессуальным правом в гражданском и арбитражном процессе / Т. О. Третьякова // БГЖ. – 2018. – №2 (23). – С. 418-420.

13. Юдин, А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. Наук / А. В. Юдин. – СПб., 2009. – 537 с.

Features of abuse of procedural rights in civil, arbitration and administrative legal proceedings

Kachmarev M.V.

North-Western Branch of the Russian State University of Justice

The article is devoted to the specifics of the abuse of procedural rights in civil, arbitration and administrative proceedings. The author of the article considered the prerequisites, motives and causes of abuse of procedural rights. The specifics of the functioning of the category "abuse of procedural rights" in scientific papers and legal procedural practice are considered. Existing definitions of abuse of procedural rights are considered as well. The correlation between the categories of "offense" and "abuse" is indicated among the unresolved problems of law; in addition, the author presented classifications of abuse of procedural rights. Separately analyzed the problem of passivity in the abuse of procedural rights. It is considered how abuse is defined, described and authorized in civil, administrative and arbitration procedural legislation. It is proposed that arbitration, civil and administrative procedural legislation shall be amended with definitions and typologies of abuse of procedural rights, as well as the criteria for determining the severity of offenses, which will correspond to specific amounts of fines.

Keywords: procedural rights, legal proceedings, arbitration legal proceedings, civil legal proceedings, administrative legal proceedings, abuse of law, fair practice, offense

References

1. Baev, O. Ya. "Abuse of the right" as a category of criminal procedure / O. Ya. Baev // Bulletin of the VSU. Series: Law. - 2013. - No. 2 (15). - P.336-349.
2. Baeva, K. M. Abuse of the right as a category of criminal procedure / K. M. Baeva // Judicial power and criminal process. - 2016. - No. 2. - P.217-219.
3. Berdova, I. A. Abuse of procedural rights in civil proceedings / I. A. Berdova, I. V. Ginzburg // World of Science and Education. - 2017. - No. 2 (10). - 7 s.
4. Bolovnev, M. A. Abuse of procedural rights in Russian judicial practice / M. A. Bolovnev // Vestnik OMGU. Series. Right. - 2017. - No. 2 (51). - P.141-144.
5. Bolovnev, M. A. Passive procedural position as a form of abuse of procedural rights / M. A. Bolovnev // MNIZH. - 2016. - No. 5-6 (47). - S. 157-159.
6. Gotyzeva, Z. M. Abuse of procedural rights: problems and solutions / Z. M. Gotyzeva // Vestnik SGUA. - 2018. - No. 1 (120). - S. 166-172.
7. Goshkoderya, O. A. Abuse of procedural rights in civil proceedings / O. A. Goshkoderya, A. N. Taran // International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2022. - No. 9-1. - P.179-181.
8. Kakurina, M. V. Abuse of procedural law and judicial discretion / M. V. Kakurina // Bulletin of VSU. Series: Law. - 2020. - No. 1 (40). - S. 176-182.
9. Lysenkova, E. N. On the abuse of procedural rights in determining the jurisdiction of cases / E. N. Lysenkova // Education and Law. - 2022. - No. 5. - S. 226-230.
10. Matveeva, E. S. Causes and conditions of abuse of law in the legal process of Russia in the light of the costs of implementing the adversarial principle / E. S. Matveeva // Actual problems of Russian law. - 2022. - No. 2 (135). - S. 20-31.
11. Pykhalova, A. S. Socio-legal conditionality and classification of abuses of procedural rights / A. S. Pykhalova // Bulletin of science and practice. - 2021. - No. 7. - S. 266-269.
12. Tretyakova, T. O. Problems of abuse of procedural law in civil and arbitration proceedings / T. O. Tretyakova // BGJ. - 2018. - No. 2 (23). - S. 418-420.
13. Yudin, A. V. Abuse of procedural rights in civil proceedings: dis. ... Dr. jurid. Sciences / A. V. Yudin. - St. Petersburg, 2009. - 537 p.

Социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профзаболеваний: законодательство зарубежных стран

Мамаев Энвер Азаматович

аспирант, кафедра истории общественных движений и политических партий, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, mmaev.enver@bk.ru

В статье дан анализ системе страхования от несчастных случаев на производстве и профзаболеваний в зарубежных странах. Выделено три основные модели социального страхования: германская модель, британская модель, частно-корпоративная модель. Каждая страна формирует свою систему социального страхования от несчастных случаев на производстве и профзаболеваний, но в соответствии с международным законодательством. Наиболее стабильной и сбалансированной система страхования является в тех странах, где установлен государственный контроль страховых организаций или имеется развитая государственная система страхования. Отмечено, что государства стремятся защитить своих граждан, гарантируя им компенсации за травму на производстве. В России проблема социального страхования от несчастных случаев на производстве и профзаболеваний так же актуальна. В работе дан анализ отношения российских партий к вопросу страхования.

Ключевые слова: социальное страхование, профзаболевание, германская модель, британская модель, частно-корпоративная модель, социальные тарифы, МОТ.

Система страхования от несчастных случаев на производстве и профзаболеваний возникла в зарубежных странах в XIX веке. Первой страной, где начали выплачивать компенсацию за производственные травмы, была Германия, в 1884 году там было принято новое социальное законодательство. Немецкая система страхования получила название Модель Бисмарка, так как в период правления Отто фон Бисмарка социальное законодательство было принято.

К концу XIX века законы о социальном страховании от несчастных случаев были приняты в следующих европейских странах:

1887 г. - Австрия;

1894 г. - Норвегия;

1895 г. - Финляндия.

На сегодняшний день программы страхования работников имеются в 165 странах мира[3, с.12]. Координацией деятельности национальных систем страхования занимается Международная Организация Труда (МОТ). Однако каждая страна реализует свою систему страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний и имеет собственную законодательную базу. Наиболее востребованными в мире являются германская модель Бисмарка, британская модель и частно-корпоративная модель Дании[6].

Обязательное страхование от несчастного случая в Германии предусматривает следующее[6]:

1. Если работник получал производственную травму, ему должна быть оказана первая медицинская помощь и последующее лечение в медицинском учреждении;

2. Оказание финансовой помощи самому пострадавшему и его семье;

3. Страховые взносы по страхованию от несчастного случая оплачивает работодатель.

Важной задачей страховых компаний Германии является предотвращение несчастных случаев на производстве и быстрая реабилитация пострадавшего. Поэтому компании по страхованию формируют систему тарифов и предусматривают премиальные выплаты за недопущение страховых случаев. Используются и неэкономические стимулы для предприятий в целях работы их без производственных травм, например, предоставление услуг по консультированию или обучению работников[9].

В Великобритании страхованием занимается государство, Департамент труда и пенсий занима-

ется выплатой пособий и компенсаций травмированным на производстве. Существуют два типа выплат, травмированным на производстве:

- по временной нетрудоспособности;
- по инвалидности.

Выплаты осуществляются из государственных средств и не связаны с конкретным работодателем. Поэтому, как правило, пострадавший, получив компенсацию за причинённый вред от государства, обращается в суд, чтобы получить компенсацию и с работодателя за полученную травму или профзаболевание.

Частно-корпоративная система страхования применяется в таких странах, как Дания, Нидерланды, Бельгия, Испания, Финляндия. Частные коммерческие компании занимаются профессиональным страхованием наряду с другими видами страхования[9].

В Финляндии страхование от несчастного случая регулируется Законом о несчастных случаях на производстве и профессиональных заболеваний, который принят в 2015 году, а действует с начала 2016[10].

Под действие закона попадают все трудящиеся, за исключением спортсменов и тех, кто занят в сельском хозяйстве.

В Дании так же страхование охватывает всех работников. Под обязательное страхование попадают не только работники предприятий, но и работающие в сфере частных услуг. В соответствии с законом о страховании от несчастных случаев выделяют следующие формы возмещения вреда[6]:

- компенсация при временной и длительной нетрудоспособности;
- различные формы реабилитации;
- пособия по случаю смерти работника, у которого есть иждивенцы.

Каждое государство устанавливает размеры страховых выплат. Например, в Польше страховые взносы уплачиваются работодателем и работником в следующей пропорции[2, с.56]:

- страхование инвалидности: работодатель платит 6,5%, работник - 1,5%;
- страхование по болезни: работник платит полностью 2,45%;
- страхование от несчастных случаев на производстве: полностью платит работодатель 0,67 - 3,33%. Размер взноса зависит от вида деятельности.

Отдельно следует рассмотреть страхование от несчастного случая такой категории работников, как самозанятые, которых становится всё больше в зарубежных странах и в России. Самозанятые не имеют работодателя, поэтому участвуют в системе страхования добровольно, самостоятельно выплачивают страховые взносы. В Германии самозанятые выплачивают 50% страховых взносов[2, с.56].

Обязательное страхование в Германии для преподавателей не предусмотрено, они могут оформить страховку добровольно[12].

Каждое из государств, применяет свою систему тарифов. Так в азиатских странах Филиппинах,

Вьетнаме, Индии имеется система единых тарифов. В Индонезии и Китае — дифференцированные тарифы[12].

Немецкая страховая система устанавливает страховые тарифы в зависимости от того как предприятие соблюдает меры безопасности работников. В случае, если на предприятии имеются несчастные случаи, для него устанавливается более высокий тариф, при тяжёлых несчастных случаях применяется повышенный тариф. Поэтому немецкие работодатели стремятся соблюдать технику безопасности и предотвращать профилактические заболевания. В Германии от несчастного случая застрахованы все, кто имеет договор, в том числе и ученический[12].

Компенсации и пособия выплачиваются в соответствии с международным законодательством, а именно:

1. Конвенция 1952 г. – установила минимальные нормы социального обеспечения;
2. Конвенция МОТ 1964 г. - установила минимальные размеры компенсации при получении производственной травмы;
3. Рекомендация 2002 г. - сформирован перечень профессиональных заболеваний;
4. Конвенция 2006 г. - правила безопасности и гигиены труда.

В соответствии с рекомендациями МОТ каждая страна составляет свой список профессиональных заболеваний. Например, в Швеции список заболеваний включает перечень только инфекционных заболеваний. Все заявления о компенсации по случаю получения производственной травмы, рассматриваются индивидуально.

Во Франции принят строгий перечень профессиональных заболеваний. Специальным документом определены болезни и их симптомы, а также тип работы, которому противопоказаны данные заболевания[9]. Возмещение вреда при потере трудоспособности в Германии происходит даже в том случае, когда работник нарушил технику безопасности, но не в том случае, когда нарушение было умышленным. Страховая выплата осуществляется вне зависимости от формального подтверждения работодателем наступления страхового случая. По закону работодатель не несёт ответственности за произошедший несчастный случай, но обязан обеспечить безопасные условия труда, и несёт ответственность за не обеспечение этих условий.

Среди азиатских стран особого внимания заслуживает опыт социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний Республики Корея. В соответствии с новым законом в сфере защиты жизни и здоровья работников, принятым в 2008 году в Корею была разработана система помощи пострадавшим работникам, чтобы они как можно быстрее вернулись на производство. Занимается этим вопросом Корейская Служба компенсации и социального обеспечения (COMWEL). Разработанная этой организацией система помощи пострадавшим работникам

предусматривает не только компенсационные выплаты, но и медицинскую и профессиональную реабилитацию.

Под эгидой COMWEL созданы специальные реабилитационные центры, где проводится лечение пострадавших на производстве по индивидуальной программе. В центрах пострадавшим оказывается наряду с лечением психологическая помощь, в итоге многие пострадавшие после лечения и реабилитации возвращаются к трудовой деятельности

Следует отметить, что система реабилитации в Корею построена таким образом, что благодаря жёсткому контролю, лечение пострадавшим предоставляется своевременно, а качественная реабилитация позволяет быстро восстановить здоровье[9].

Вопрос Социального страхования от несчастных случаев на производстве и профзаболеваний является важным и для России, что подтверждается отношением к данной проблеме российских политических партий.

В.Л. Шаповалов на основании анализа политических программ российских партий, сделал вывод о степени интереса партий к социальным проблемам. В программе таких партий, как КПРФ, «Справедливая Россия», «Российская партия пенсионеров за социальную справедливость», «Коммунисты России» и «Родина» есть отдельный раздел, посвященный социальной политике. Есть такие разделы и в программах «Единой России» и «Патриотов России», но судя по структуре партийного документа, он не является приоритетным как для первых пяти партий. В программах партий ЛДПР и «Гражданская Платформа» отсутствует раздел, посвященный социальной проблематике, а партии «Яблоко», «Зеленые», «Партия Роста», «Гражданская Сила» социальными вопросами занимаются мало, несмотря на то, что соответствующие разделы в их программных документах есть, но конкретные мероприятия и предложения в них не обозначены[4, с.60].

Вопросы социального страхования пытаются решить только несколько партий. Между тем, в российском обществе существует серьезная проблема снижения доверия граждан к страховым организациям, что подтверждается данными, приведёнными в таблице 1 [1, с.19].

Таблица 1
Изменение уровня доверия граждан страховым организациям

	2006	2017
Доверяют	16,40%	16,00%
Не доверяют	40,20%	44,70%
Соотношение	0,39	0,36

Из представленных данных таблицы видно, что уровень доверия граждан за десять лет уменьшился на 4,5%. Вполне очевидно, что данной проблемой следует заниматься всем политическим структурам.

Из политических партий наиболее продуманная политика в области страхования предлагается «Единой Россией». В Программном документе пар-

тии «Народной программе» было предложено многочисленные социальные выплаты, которые получают граждане, объединить и производить выплаты через «одно окно», что упростит саму процедуру получения компенсации гражданами[7]. Это предложение «единороссов» нашло воплощение в федеральном законе № 236-ФЗ «О Фонде Пенсионного и социального страхования Российской Федерации», принятом летом 2022 года. На основании закона два фонда объединяются в единый Социальный фонд России, работа которого начнётся с 1 января 2023 года.

Партия ЛДПР в 2021 году предложила реализовать проект «Социальное казначейство», которое занималось бы всеми социальными выплатами, что обеспечило бы адресность, комплексность и простоту получения социальной помощи[5].

Партия КПРФ обращает внимание на то, что различные внебюджетные фонды имеют одинаковые функции, поэтому их так же можно объединить. Перевод обслуживания граждан в электронной форме, повысит уровень обслуживания граждан, для работодателей упростится процедура уплаты страховых взносов и сдачи отчётности[8].

Следует отметить, что конкретных предложений по вопросам компенсаций за несчастный случай или профзаболевание в программах российских партий нет.

На основании проведённого анализа можно говорить, что каждое государство стремится защитить своих граждан, гарантируя им компенсации за несчастный случай или профзаболевание. Система социального страхования в зарубежных странах разная, наиболее сбалансированной она представляется там, где государство осуществляет контроль страховых компаний или само учреждает государственные страховые организации.

Законодательная база социального страхования основывается на международных актах МОТ, но имеет отличия в каждой отдельно взятой стране.

Литература

1. Козырева П.М., Смирнов А.И. Эволюция российских партий и ожидания общества//Власть. - 2019.- № 2. Т.27. - С. 17-27.
2. Пьянова М.В. Зарубежный опыт налогового регулирования самозанятости // Налоги и налогообложение. – 2022. – № 2. – С. 47 - 71
3. Усиление роли программ страхования в предотвращении несчастных случаев на производстве и профессиональной заболеваемости/Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. – Москва: ILO, 2016.-56 с.
4. Шаповалов В.Л. Социальное благополучие граждан в программах российских политических партий//Вестник финансового университета. – 2019. №2 – С. 58-69.
5. Исаев Р. Меры социальной поддержки должны стать доступнее.- URL: <https://magadanmedia.ru/news/1316965/?from=68> (дата обращения: 16.10.2022).

6. Международный опыт: основные модели социального страхования от профессиональных рисков в ведущих странах Европы. //Клинский институт охраны и условий труда. - 2020 - URL: <<https://www.kiout.ru/info/publish/38039> (дата обращения: 15.10.2022)

7. Сайт Единая Россия URL: <https://er.ru/activity/news/andrej-isaev-frakciya-edinoj-rossii-podderzhit-zakonoproekt-o-sozdanii-edinogo-fonda-pensionnogo-i-socialnogo-strahovaniya> (дата обращения: 16.10.2022).

8. Сайт КПРФ. URL: <https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/211332.html> (дата обращения: 16.10.2022).

9. International comparison of occupational accident insurance system // OSHwiki URL: https://oshwiki.eu/wiki/International_comparison_of_occupational_accident_insurance_system (дата обращения: 14.10.2022).

10. Työtaturma- ja ammattitaitilaki // Finlex URL: <http://www.finlex.fi/fi/laki/alkup/2015/20150459#Pidp448385120> (дата обращения: 14.10.2022).

11. Enhancing the return to work of workers with work-related injury or disease through the Workers' Compensation Rehabilitation Service: Rehabilitation for Korean workers // Good Practices in Social Security: 2018 // International Social Security Association URL: https://www.issa.int/documents/10192/20311277/2_not-available_KWCWS-AFM-COREE_2018_235513.pdf (дата обращения: 14.10.2022).

12. Überblick über die Unfallversicherung // Bundesministerium für Arbeit und Soziales URL: <https://www.bmas.de/DE/Themen/Soziale-Sicherung/Gesetzliche-Unfallversicherung/gesetzliche-unfallversicherung.html%3Bjsessionid%3D3D7F1DE95BEC62ABDA579B3068FB1AEB&xid=17259,15700021,15700186,15700191,15700253,15700256,15700259> (дата обращения: 16.10.2022).

Social insurance against accidents at work and occupational diseases: legislation of foreign countries

Mamaev E.A.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

The article analyzes the system of insurance against industrial accidents and occupational diseases in foreign countries. There are three main models of social insurance: the German model, the British model, and the private-corporate model. Each country forms its own system of social insurance against industrial accidents and occupational diseases, but in accordance with international legislation. The most stable and balanced insurance system is in those countries where state control of insurance organizations is established or there is a developed state insurance system. It is noted that states seek to protect their citizens by guaranteeing them compensation for injury at work. In Russia, the problem of social insurance against industrial accidents and occupational diseases is also relevant. The paper analyzes the attitude of Russian parties to the issue of insurance.

Keywords: social insurance, occupational disease, german model, british model, private-corporate model, social tariffs, ILO.

References

1. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. The evolution of Russian parties and society's expectations // Power. - 2019. - No. 2. V.27. - S. 17-27.
2. Pyanova M.V. Foreign experience of tax regulation of self-employment // Taxes and taxation. - 2022. - No. 2. - P. 47 – 71
3. Strengthening the Role of Insurance Programs in the Prevention of Occupational Accidents and Diseases // ILO Decent Work Technical Support Unit and Office for Eastern Europe and Central Asia. – Moscow: ILO, 2016. -56 p.
4. Shapovalov V.L. Social well-being of citizens in the programs of Russian political parties // Bulletin of the Financial University. - 2019. No. 2 - S. 58-69.
5. Isaev R. Social support measures should become more accessible. - URL: <https://magadanmedia.ru/news/1316965/?from=68> (date of access: 10/16/2022).
6. International experience: main models of social insurance against occupational risks in the leading countries of Europe. //Klin Institute of Safety and Labor Conditions. - 2020 - URL: <https://www.kiout.ru/info/publish/38039> (date of access: 10/15/2022)
7. United Russia website URL: <https://er.ru/activity/news/andrej-isaev-frakciya-edinoj-rossii-podderzhit-zakonoproekt-o-sozdanii-edinogo-fonda-pensionnogo-i-socialnogo-strahovaniya> (date of access: 10/16/2022).
8. Website of the Communist Party. URL: <https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/211332.html> (date of access: 10/16/2022).
9. International comparison of occupational accident insurance system // OSHwiki URL: https://oshwiki.eu/wiki/International_comparison_of_occupational_accident_insurance_system (дата обращения: 14.10.2022).
10. Työtaturma- ja ammattitaitilaki // Finlex URL: <http://www.finlex.fi/fi/laki/alkup/2015/20150459#Pidp448385120> (date: 14.10.2022).
11. Enhancing the return to work of workers with work-related injury or disease through the Workers' Compensation Rehabilitation Service: Rehabilitation for Korean workers // Good Practices in Social Security: 2018 // International Social Security Association URL: https://www.issa.int/documents/10192/20311277/2_not-available_KWCWS-AFM-COREE_2018_235513.pdf (Дата обращения: 14.10.2022).
12. Overview of accident insurance // Federal Ministry of Labor and Social Affairs URL: https://www.bmas.de/De/topics/social_security/statutory_accident_insurance/statutory_accident_insurance.html%3d3d7f1DE95BEC62ABDA57B3068FB1AEB & XID = 17259.15700186.15700256,15700259